СЕКРЕТНО

Министерство Государственной Безопасности СССР

Центральный архив

ОБЩИЙ СЛЕДСТВЕННЫЙ ФОНД

ДЕЛО по обвинению _____

_____

_____

_____

АРХ. № Н-501

Количество томов „19“, **том** „3“

_____

(наименование органа, в производстве которого

_____

находилось дело)

Год производства

ПО ИСПОЛЬЗОВАНИИ ДЕЛО ДОЛЖНО БЫТЬ ВОЗВРАЩЕНО В ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АРХИВ МГБ СССР

3807

21 января 1920 г.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы присутствуете перед Следственной Комиссией в составе ее Председателя Попова, заместителя председателя В.Н. ДЕНИКИ членов комиссии: Г.Г.Лукьянчикова и Алексеевского для допросу по поводу Вашего задержания. Вы адмирал КОЛЧАК.

Адм.КОЛЧАК: Да, я Адмирал Колчак.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Мы предупреждаем Вас, что Вам принадлежит право, как и всякому человеку, опрашиваемому Чрезвычайно-Следственной Комиссией не давать ответов на те или иные вопросы и вообще не давать ответов. Вам сколько лет.

Адм.Колчак: Я родился в 1873 году, мне теперь 46 лет. Родился я в Петрограде на Обуховском заводе. Я женат законным браком, имею одного сына в возрасте 9 лет.

Председатель: Вы являлись Верховным правителем.

Адм.КОЛЧАК: Я был Верховный Правитель в Омске Российского правительства, - его называли Всероссийским, но я лично этого термина не употреблял. Моя жена Софья Федоровна раньше была в Севастополе, а теперь находится в о. Франции. Переписку с ней вел через Посольство. При ней находится мой сын Ростислав.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Здесь добровольно арестовалась г. Тимирева. Какое она имеет отношение к Вам.

Адм.КОЛЧАК: Она моя давнишняя знакомая, она находилась в Омске, где работала в моей мастерской по шитью белья и по раздаче его воинским чинам больным и раненым. Она оставалась в Омске до последних дней и затем, когда я должен был уехать по военным обстоятельствам, она поехала со мной в поезде. В этом поезде она поехала сюда до того времени, когда я был задержан чехами. Когда я ехал сюда, она захотела разделить участь со мною.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Скажите Адмирал, она не является Вашей гражданской женой, мы не имеем права зафиксировать этого.

Адм.Колчак: Нет.

Н.А. АЛЕКСЕЕВСКИЙ: Скажите нам фамилию Вашей жены.

Адм.КОЛЧАК: Софья Федорова Омирова. Я женился в 1904 году, здесь в Иркутске в марте месяце. Моя жена уроженка Каменец-Подольской губ. Отец ее был судебным деятелем или членом Каменец-Подольского суда, он умер давно, я его не видал и не знал. Отец мой Василий Иванович Колчак, служил в морской артиллерии. Как все морские

артиллеристы, он проходил курс в Горном Институте, затем он был на Уральском Златоустовском заводе, после того он был приемщиком ее морского ведомства на Обуховском заводе. Когда он ушел в отставку, в чине генерал-майора, он оставался на этом заводе в качестве инженера или горного техника, там я и родился. Мать моя Ольга Ильинична, урожденная Посхова. Отец ее происходит из дворян Херсонской губ. Мать моя уроженка Одессы и тоже из дворянской семьи. Оба мои родители умерли. Состояния они не имели никакого. Мой отец был служащий офицер. После Севастопольской войны, он был в плену у французов и по возвращению из плена женился, а затем он служил в артиллерии в Горном Институте. Вся семья моего отца содержалась исключительно только на его заработки. Я православный, до времени поступления в школу, я получил семейное воспитание под руководством отца и матери. У меня есть одна сестра Екатерина, была еще одна маленькая сестра Любовь, но она умерла в детстве. Сестра моя Екатерина замужем, фамилия ее Крыжановская. Она осталась в России, где она находится в настоящее время, - я не знаю. Жила она в Петрограде, но я не имею о ней никаких сведений с тех пор, как я уехал из России.

Свое образование я начал в 6-ой Петроградской Классической гимназии, где я пробыл до 3-го класса, затем в 1888 году я поступил в Морской Корпус 12 лет и окончил свое воспитание в Морском Корпусе в 1894 года. В Морской Корпус я перевелся по собственному желанию и по желанию отца. Я был фельдфебелем, шел я все время первым или вторым в своем выпуске, меняясь со своим товарищем, с которым поступил в Корпус, из корпуса вышел вторым и получил премию адмирала Рикорда. Мне тогда было 19 лет. В корпусе был установлен целый ряд премий для 5 или 6 первых выходящих и они получались по старшинству. По окончании Корпуса я начал свою службу. По выходе из Корпуса в 1894 году я поступил в Петроградский 7-й флотский экипаж, пробыл я там несколько месяцев до весны 1905 года, когда был назначен помощником вахтенного начальника на только что законченным тогда постройкой и готовящимся к отходу заграницу броненосном крейсере /"Рюрик"/. Затем я пошел в первое мое заграничное плавание. Крейсер РЮРИК ушел на восток и здесь во Владивостоке я ушел на другой крейсер "КРЕЙСЕР", в качестве вахтенного начальника в конце 1906 года. Я нем я плавал в водах Тихого Океана до 1910 года, когда этот крейсер вернулся в Кронштадт. Это было первое мое большое плавание, в 1908 году, я был произведен в лейтенанты

и вернулся уже из этого плавания вахтенным начальником. Во время моего первого плавания главная задача была чисто строевая на корабле, но кроме того я специально работал по океанографии и гидрологии. С этого времени я начал заниматься научными работами, я готовился в Южно Полярной экспедиции, но занимался этим в свободное время, писал списки, изучал Южно-Полярные страны, у меня была мечта найти южно-полярный полюс, но я так и не попал в плавание на Южном Океане.

Н. А. АЛЕКСЕЕВСКИЙ: Как прот кола Ваша служба по возвращении. Вы поступили в Академию.

Адм. КОЛЧАК: Нет, это мне не удалось сделать. Когда я вернулся в 1899 года в Петроград, я затем в декабре ушел опять на Восток уже на Линейном корабле - на броненосце "ПЕТРОПАВЛОВСК". Лето я проплавал в Морском Кадетском корпусе на Крейсере "Князь Пожарский" и ушел на Дальний Восток.

Когда в 1899 году вернулся в Кронштат, я встретился там с адмиралом Макаровым, который ходил "На ЕРМАКЕ" свою первую полярную экспедицию. Я просил его взять меня с собой, но по служебным обстоятельствам, он не мог этого сделать и Ермак ушел без меня.

Тогда я решил снова итти на Дальний Восток., полагая, что может быть мне удастся попасть в какую-нибудь экспедицию - меня очень интересовала северная часть Тихого Океана в гидрологическом отношении. Я хотел попасть на какое нибудь судно, которое уходит для охраны котикового промысла, на командорские острова к Берингевому морю на Камчатку. С адмир. Макаровым я очень близко познакомился в эти дни, так как он сам работал много по океанографии.

Тут произошли большие изменения в моем плавании. В сентябре месяце я ушел на "Петропавловске" в Средиземное море, чтобы через Суэц пройти на Дальний Восток и в Сентябре я прибыл в Пирей. Здесь я совершенно неожиданно для себя получил предложение барона Толя принять участие в организуемой академией Наук по его командованием Северо-Полярной Экспедиции в качестве гидролога в этой экспедиции. Мои работы и некоторые печатанные труды обратили на себя внимание барона Толя, ему нужно было трех морских офицеров и из морских офицеров он выбрал меня. Я получил предложение через Академию Наук принять участие в этой экспедиции. Я это предложение принял немедленно, так как оно отвечало моим желаниям и в декабре месяце Морское Министрство меня откомандировало в распоряжение Академии

Наук.Из Лирея я уехал в Одессу,затем в Петроград и в январе я явил
ся к барону Толю и поступил в его распоряжение.Мне было предложено
кроме гидрологии принять на себя еще должность второй магнитовой
экспедиции,там был специалист по магнитологии Зебер. и мне было пр
предложено в качестве его помощника и этим заняться.Для того,
чтобы меня подготовить к этой задаче,я был назначен на главную фи
зическую обсерваторию в Петрограде и затем в Павловскую магнитную
обсерваторию.Там я три месяца усиленно занимался практическими ра-
ботами по магнитному делу для изучения магнетизма.Это было в 1900
году.Самого начала я проходил на Петроградской физической Обсерват
рии,а детально я работал в Павловске.Наконец,экспедиция была сна-
ряжена и она вышла в июле месяце из Петрограда на судне "Заря",
которая была оборудована в Норвегии для полярного плавания с трои-
телем "фрама".Я поехал в Норвегию,где занимался в Христиании у Нан
сена,который был другом барона Толя.Он учил меня работать по но-
вому методу.

Н.А.АЛЕКСЕЕВСКИЙ: Вы не можете ли сказать,кто из состава этой
экспедиции в настоящее время жив? и находится в настоящее время
с Вами в сношениях.

Адм.КОЛЧАК: Теперь все сношения со всеми у меня порвались.
Барон Толь погиб вместе с Зебергом,доктор Вальтер умер зоологом
Бируля,я до войны постоянно поддерживал связь,где теперь Бируля,
я не знаю.Затем был еще один большой приятель,тов.по экспедиции
Волосович,который потом пошел геологом,где он находится теперь -
я тоже не знаю.Из офицеров там был Коломийцев,он живется здесь
в Иркутске. Виделся я с ним,когда в 1917 году он опять уходил в
устью Лены.Экспедиция ушла в 1900 году,где она пробыла до 1902 г.
Я все время был в этой экспедиции.Зимовали мы в Таймыре.Две зимовки
на Новосибирских островах,на острове Котельникове,Затем на 3-ий
год барон Толь,видя,что нам не удалось пробраться на север от
Нижне-Сибирских островов,предпринял самую экспедицию.Вместе с Зе-
бергом и двумя казаками,он отправился на Север Сибирских остро-
вов,у него была идея расположения большого материка,который он
хотел найти,но в этом году состояние льда было такое,что мы могли
проникнуть только к земле Бенета,а дальше не могли.Тогда он решил
что на судне туда не пробраться и он ушел.Ввиду того,что у нас
окончились запасы,он приказал нам пробраться к земле Бенета и за-

нять ее, а если этого не удастся, то итти к устью Лены и вернуться через Петроград (2.) Сибирь (1.), привести все коллекции и начать работать по новой экспедиции. Сам он рассчитывал самостоятельно вернуться на Н.-Сиб. острова, где мы оставили склады. В 1902 году, весной, барон Толь ушел от нас с Зебергом с тем, чтобы потом больше не возвращаться: он погиб во время перехода обратно с Земли Бенета. Лето мы использовали на попытку пробраться на север к земле Бенета, но нам не удалось. Состояние льда было еще хуже, когда мы проходили Северную параллель сибирских островов, нам встречались большие льды, которые не давали нам проникнуть дальше. С окончанием навигации мы пришли к устью Лены и тогда в нам вышел старый пароход " Лена ", снял всю экспедицию с устьи Тикси, коллекции были перегружены на Лену, и мы вернулись в Якутск, затем в Иркутск и в декабре месяце 1902 г. мы прибыли в Петроград. На заседании академии Наук было доложено общее положение работ экспедиции и о положении барона Толя. Его участь чрезвычайно встревожила академию. Действительно, предприятие его было чрезвычайно рискованное, шансов было очень мало, но барон Толь был человек, который верил в свою звезду и в то, что ему все сойдет, и пошел на это предприятие. Академия была чрелвычайно встревожена и тогда я на заседании поднял вопрос о том, что надо сейчас немедленно, неоткладывая ни одного дня, снаряжать новую экспедицию на Землю Бенета для оказания помощи Барону Толю и его спутникам, и т.к. на "Заре" это сделать было невозможно, был декабрь, а весной надо было быть на Н.-Сибирских островах, чтобы использовать лето - "Заря" была вся сбита - то нужно было оказать быструю и решительную помощь. Тогда я, подумавши и взвесивший все, что можно было сделать, предложил пробраться на землю Бенета и если нужно, даже за поисками барона Толя на шлюпках. Предприятие это было такого же порядка, как и предприятие барона Толя, но другого выхода не было, по моему убеждению. Когда я предложил этот план, мои спутники отнеслись чрезвычайно скептически, и говорили, что это такое же безумие, как и шаг барона Толя, но когда я предложил самому взяться за выполнение этого предприятия, то Академия Наук дала мне средства и согласилась предоставить мне возможность выполнить этот план, как я нахожу нужным. Академия дала мне полную свободу и обеспечила меня средствами и возможностью это выполнить. Тогда я в январе месяце ехал в Архангельск, где я выбрал себе 4-х спутников из Мезенских тюленя-промышленника. С мной согласились итти еще двое из моих матросов

6

из экспедиции-Величев и Орлов.Когда я приехал на с"езд тюленепромышленников,они заинтересовались этим делом,выбрали мне 4-х охотников,привычных к плаванию по льду и я с ними,с двумя матросами и 4-мя тюленепромышленниками в декабре выехали обратно в Иркутск для того,чтобы здесь подготовить на север все необходимое, чтобы немедленно уехать на Н.-Сиб.острова,которые я избрал,как базу,я обратился по телеграфу к нему,чтобы он за время моего отсутствия приехал на север,подготовить вещи,собак для перехода на Н.-Сиб.острова.Он на этосогласился и все это выполнил.Затем из Иркутска я поехал обратно в Якутстк,не теряя нигде ни одного дня,как можно скорее из Якутстка поехал в Верхоянск,где меня ожидал Оленин,который закупил собак,затем на собаках я поехал к устью Тиксти,взял с "Зари" один из хороших китобойных вельботов на собаках протащил обратно в Усть-Янск и в начале мая вместе со своими 6-тью спутниками,Олениным и партией местных якутов и тунгузов,которые были как каюры,с транспортом 160 собак,вышел из Устьянска на остров Котельников.Я перебрался на Н.-Сиб.острова, вышел около мыса Медвежьево около острова Котельникова.Этот переход на Н-Сиб.острова я сделал в мае месяце.Там начлась уже тяль,разлив рек.Затем я остался ожидать вскрытия моря,Я оставил запас провизии,больше я не мог собой взять,как на 3 месяца,мне надо прокормить людей,собак и приберегать на обратный путь.Тогда мы разделились,Оленин с туземцами остались летовать на островах и заниматься охотой,для того,чтобы приготовить мяса.Часть собак пришлось убить,часть этой партии собаками оставлялась на летовку на Н.-Сиб. островах,а я с 6-тью спутниками остался на мысе Медвежьем. ожидать вскрытия моря и занимался,главным образом,охотой,чтобы прокормить себя.Затем в июле месяце море вскрылось и я на вельботе, который был там подготовлен с 6-ю спутниками,когда тронулся лед от берега,в тот же день и пошли вдоль южного берега Сибирских островов,вдоль Котельникова,направились в Благовещенский пролив между Новой Сибирью,затем пробираясь через этот пролив, я вышел на Сев.-Зап.часть острова /Н.Сибирь/.Это был ближайший пункт,с которого надо было итти в открытый океан на землю Бенета. Затем передохнув,на новой Сибири,мы отправились дальше на север .

Противоположность предшествующему в 1902 году,когда все море летом вместе было забито льдами,я встретил совершенно открытое

море, не было даже льда достаточно большого, чтобы можно было вылезть на него и отдохнуть, приходилось сидеть все время в шлюпках, а все время был свежий ветер. Наконец мы добрались до земли Бенета 5-го августа на П. соображение - этот мысь я назвал мысом Преображенским, я высадился на остров Бенета. Ближайшее обследование этого берега очень скоро дало нам признаки пребывания там партии барона Толя. Мы нашли/груду камней, в которой находилась бутылка с запиской со схематическим планом острова, с указанием, что там находятся документы. Руководствуясь этим мы очень скоро, в ближайшие дни, пробрались к тому месту, где барон Толь со своей партией находились на этом острове. Там мы нашли коллекции, геологические инструменты, научные, которые были с бароном Толем. А затем и краткий документ, который дал последние сведения о судьбе барона Толя. Он говорил, что барон Толь прибыл в 1902 году летом на остров Бенета, где он в конце концов решился с начала зимовать, так как уже было поздно, а главное, что их чрезвычайно задержало там, это попытки охотой. Они старались там охотиться, чтобы пополнить свои запасы, но сделать им не удалось. Поэтому барон Толь сначала решил перезимовать, надеясь на весеннюю охоту, и продолжать уже дальнейшее движение весною с наступлением светлого времени, так как в августе уже становиться темно. Охота это была неудача и в октябре месяце выяснилось, что партия перезимовать не может, что им придется умереть там с голоду. Тогда в конце ноября 1902 г. барон Толь решился на отчаянное решение - итти на юг, я в то время, когда уже насиупили полярные ночи, когда температура понижается до 40 градусов, когда море в сущности говоря, даже в открытых местах не имеет воды, а покрыто льдом, так что двигаться почти совершенно невозможно ни на собаках/, ни на шлюпках, ни пешком. В такой обстановке в полярную ночь, он двинулся со своими спутниками на юг. Документ его кончался такими словами: "Сегодня отправились на юг, все здоровы, провизии на 14 дней. Партия, конечно, вся погибла. Тогда я увидал, что ее задача разрешена, что Толь ушел на юг, значит оставалось делать последний переход на Сибирских островах и осмотреть все склады, которые были заложены, чтобы узнать, неоставался ли где-нибудь барон Толь. Эту ~~ххххх~~ задачу выполнял частью Оленин.

Затем я отправился обратно в августе на Н.-Сибирские острова. Осмотрел по дороге склады, которые были заложены, все было цело, никаких признаков возвращения барона Толя не было. Факт его погибели остался почти несомненным. Через 42 дня плавания на этой шлюпке я вернулся снова к своему первому исходному пункту около мыса Медвежьево острова Котельникова, был конец и начало сентября. Там я оставался до замерзания моря, а в октябре я перешел обратно на материк в Устьянск. Все спутники мои остались живы, Оленин выполнил свою задачу, сохранил собак без крайних лишений. Мы вернулись все, или в Верхоянск, а затем в Якутск. Это было уже в 1903 году. В декабре месяце я ушел из Устьянска, в январе был в Верхоянске, а затем в конце января прибыл в Якутск, как раз накануне об"явления Русско-Японской войны. С тех пор я с Олениным не видался до прошлого года в Харбине, он потом работал на Амуре в золотопромышленной компании.

Н. А. АЛЕКСЕЕВСКИЙ: Он был политический сильный или уголовный?

Адм. КОЛЧАК: Он был политически сильный, он студент Московского университета. У него была склонность к изысканиям, я бы сказал, к научному авантюризму. Его интересовал край и когда он получил амнистию, за свою экспедицию, он вернулся обратно из Петрограда в Якутстк.

Н. А. АЛЕКСЕЕВСКИЙ: А с другими сильными Вы в Якутской Области не входили в сношения.

Адм. КОЛЧАК: Я встречался с ними в Верхоянске и в Устьянске но не завязывал сношений, потому что я бывал временно, близно я ни с кем не знакомился, потому, что везде бывал по несколько дней. Когда в Якутстке получил извещение о том, что случилось нападение на наши корабли в Порт-Артуре и вслед затем известно о том, что адмирал Макаров назначается командующим флотом в Тихом океане, я по телеграфу обратился в Академию Наук с просьбой вернуть меня в Морское Ведомство, и обратился в Морское ведомство с просьбой послать меня на дальний восток, в Тихо-Океанскую Эскадру, для участия в войне. Затем так как Оленин был в курсе всех дел Экспедиции, я ему сдать все дела, людей, заботу о них, ценности многие, научные коллекции, которые он главным образом

составил и со всем этим в Петроград для доклада в Академию Наук. А сам я из Иркутска поехал на Дальний Восток. Меня не хотели отпускать, но в конце концов, после некоторых колебаний президента Академии Великий князь Константин Константинович, к которому я непосредственно обратился, устроил так, что меня Академия отчислила и передала Ведомству, а тут я получил приказание ехать в Порт-Артур. Тогда я выехал в Иркутск. В Иркутск приехал меня повидать мой отец и моя теперешняя жена. Я ушел женихом, должен был жениться после первой экспедиции, но вторая экспедиция помешала, затем наступила война и я решил что надо жениться. Здесь в Иркутске я обвенчался со всей женой, после чего, пробывший несколько дней я уехал вместе со своим другом Величем, сказавший - что он пойдет со мной дальше по моры же вернулись назад. Я прибыл в Порт-Артур примерно в марте месяце или в начале апреля, Макаров тогда еще был жив. Прибывший в Порт-Артур, я вился к адм. Макарову, которого просил л назначении меня на более активную деятельность. Он меня назначил на крейсер "Аскольд", так как по его мнению, мне нужно было немного отохнуть, пожить в человеческой обстановке на большом судне. Я просил назначить меня на миноносец, но он упорно не хотел назначить меня на минные суда. На этом "Аскольде" я пробыл до гибели адмирала Макарова, которая произошла на моих глазах 31 марта. После гибели адм. Макарова, я был назначен на очень короткое время на минный заградитель "Амур", а затем на миноносец "Сердитый", в качестве командира. На этом миноносце, после того, как я вступил в командование, я нерасчитал сил, которые уже за все это время были подорваны, я получил очень тяжелое воспаление легких, которое меня заставило слечь в госпиталь. Там я провел около месяца, затем в июле, оправившись от воспаления легких, я снова продолжал командовать миноносцем до осени. К осени у меня снова начались сказываться последствия моего пребывания на крайнем севере, а именно - появились признаки суставного ревматизма.

А.П. АЛЕКСЕЕВСКИЙ: Значит, Вы по выходе эскадры в июле не участвовали.

Адм. КОЛЧАК: Нет, в выходе эскадры я участвовал, я был уже

10

на миноносце, но в боях наш миноносец не участвовал, шел друг
отряд, мы только проводил выход эскадры, а затем вернулись,
т.к. мой миноносец должен был оставаться в Порт-Артуре.
Затем я осенью видел, что мне становится на миноносце все
хуже и хуже. После того, как был июльский неудачный бой и про
рыв во Владивосток и началась систематическая и планомер-
ная осада крепости, центр тяжести всей борьбы перенесся
на сухопутный фронт. Здесь после нее время мы уже занимались
постановкой главным образом мин и заграждений около Порт-Ар-
тура и мне удалось, в конце концов, поставить минную банку
на подходах в Порт-Артур, на котором взорвался японский крей-
сер "Такасадо"". Результат пребывания на севере - ревматизм
и общее положение дел, при котором центр тяжести войны пере-
носился на сухопутный фронт, заставили меня в сентябре про-
сить назначит меня на сухопутный фронт. Все время я принимал
участие в мелких столкновениях и в боях во время выходов.
Осенью я перешел на сухопутный фронт, Я вступил в крепость,
командовал там батареей морских орудий на северо-восточном
фронте и на этой батареей я оставался до сдачи Порт-Артура,
до последнего дня едва и едва даже не нарушили мира, потому
что мне не дано было знать, что мир заключен. Я жил в Порт-Ар-
туре до 20-х чисел октября, когда крепость пала. Когда была
сдана крепости я уже еле-еле ходил, но держался еще и когда
было падение Порт-Артура, мне пришлось лечь в госпиталь, так к
как у меня развился в очень тяжелой форме суставной ревматиз
Ранен я был легко, так что это почти не безпокоила, а ревма-
тизм меня совершенно свалил с ног. Эвакуировали всех кроме
меня тяжело раненых и больных, я остался лежать в госпитале в
Порт-Артуре. В плену японском я пробыл до апреля месяца,
когда я начал уже несколько оправляться, оттуда нас отправи-
ли в дальний, а затем в Нагосаки. В Нагосаки партия наших
больных и раненых получила очень великодушное предложение
японского правительства, переданное французским консулом о
том, что правительство Японии предоставляет нам возможность
пользоваться где мы захотим водами и лечебными учреждениями
Японии или же если мы не желаем оставаться в Японии

й обста-
Штаб ра-
рел
который
период
шли к со-
кой вой-
вом,
рской
у войну,
йна дол-
ли, что
, знали,
мы должны
ия исто
ак и сухо-
что союза
вшить, в
льнейшем.
и зрения
ическая
война
ть, что
едусмотрен
лись тольк
ьше, чем
жением
ы быть за-
ичайно
в этом
олитические
вопросами
эксперта на
подводном
ой и военны
м смысле.
боими, шта-
комиссиях

вернуться на родину без всяких условий. Мы все предпочли вернуться домой. И я вместе с группой больных и раненых офицеров через Америку, отправились в Россию. Это было в конце апреля 1905 года. Все мы через Америку вернулись в Петроград. В Петрограде меня сначала освидетельствовали комиссия врачей, которая признала меня совершенно инвалидом, дала мне четырех месячный отпуск для лечения на водах, где я лечился все лето до осени. С осени я продолжал свою службу, причем на мне лежала обязанность перед Академией наук, дать прежде всего, отчет, привести в порядок наблюдение разработку предшествующей экспедиции, которая была брошена мною, все мои труды по гидрологии и магнитологии, с"емке были брошены, так что я опять поступил в распоряжение Академии Наук и осенью 1905 года я занимался в Академии Наук, но уже занимался трудом кабинетным, работал в Физической Обсерватории и приводил в порядок свои работы. Это относится к периоду моей большой связи с Академией и с Географическим обществом, с которым я находился в связи. Затем в Географическом обществе я получил свою высшую награду за свою последнюю экспедицию - большую Константиновскую ведотую медаль. Эта работа продолжалась до января 1906 года, затем я привел, до известной степени, в порядок, и передал переработку свой научные труды в эту экспедицию. В 1906 году в январе месяце я оизошли такого рода обстоятельства. После того, как наш флот был уничтожен и совершенно потерял все свое могущество во время несчастной войны, группа офицеров в числе которых был и я решили заняться самостоятельной работой и о том, чтобы снова подвинуть дело в воссоздании флота и в конце концов тем или иным путем как нидуь стараться в будущем загладить тот наш грех, который выпал на долю флота в этом году: возродить флот на началах более научных, более систематизированных, чем это было до сих пор. В сущности единственным светлым деятелем флота был адм. Макаров, а до этого времени флот был совершенно не подготовлен к войне, и вся деятельность была не военная, не серьезная. Нашей задачей явилась идея возрождения нашего флота и морского могущества. Группа этих офицеров с разрешения морского министра, образовала военно-морской кружок полуофициальный. Там нам было предоставлено

й обста-
Штаб ра-
рел
который
период
шли к со-
кой вой-
авом,
рской
у войну,
йна дол-
ли, что
, знали,
мы должны
ия исто
ак и сухо-
что союза
ешить, в
льнейшем.
и зрения
ческая
война
ть, что
едусмотрен
лись тоьк
ьше, чем
жением
и быть за-
чайно
в этом
олитические
вопросами
эксперта на
подводном
ой и военны
м смысле.
боими, шта-
комиссиях

12

в Морской Академии помещение, средства кое-какие Морское Министерство дало, так как оно относилось благожелательно к этой работе. Я был в числе основателей этого Военно-Морского кружка в Петрограде, где мы занялись прежде всего разработкой вопроса, как поставить дело воссоздания флота на соответствующих научных и правильных началах. В результате этого, в конце концов мною и членами этого кружка была разработана большая записка, которую мы подали министру по поводу создания Морского Генерального Штаба, т.е. такого органа, который бы ведал специальной подготовкой флота к войне, чего раньше не было, был морской штаб, который ведал личным составом флота и только. В этот круг входили Щеглов, Римский-Корсаков, Пилкин, затем к этому кружку присоединились очень многие. Я долгое время был председателем этого кружка. К поданной записке отнеслись очень сочувственно и весной 1906 года было решено создать морской генеральный штаб. План этот был одобрен и весною, приблизительно в апреле 1906 года он был осуществлен созданием морского генерального штаба. В это штаб вошел и я в качестве заведующего Балтийским театром. Я был в то время капитаном 2-го ранга и явился одним из первых, назначенных в этот штаб. С этого времени и начинается период, обнимающий приблизительно 1906, 1907, 1908 г.г. Период, если можно так выразиться, борьбы за возрождение флота. В основании всего этого дела Морским Генеральным штабом была выдвинута морская судостроительная программа, которой до сих пор не было. Постройка судов шла без всякого плана в зависимости от тех кредитов, которые отпускались на этот предмет, причем доходили до каких абсурдов, что строили не тот корабль, который был нужен, а тот, который отвечал размерам отпущенных на это средств. Благодаря этому получились какие-то фантастические корабли, которые возникали неизвестно зачем. Таким образом прежде всего была выдвинута плановая судостроительная программа. Первая работа, которая была выполнена Морским

й обста-
Штаб ра-
рел
который
период
шли к со-
кой вой-
авом,
рской
у войну,
йна дол-
ли, что
, знали,
мы должны
ия исто
ак и сухо-
что союза
ешить, в
тьнейшем.
и зрения
ическая
война
ть, что
едусмотрен
лись тоьк
ьше, чем
жением
ы быть за-
ычайно
а в этом
олитические
вопросами.
эксперта на
подводном
ой и военны
м смысле.
боими, шта-
комиссиях

Ненеральным Штабом, заключалась в изучении военно-политической обстановки . Это был именно тот период, когда Морской Генеральный Штаб работал совместно с сухопутным. Во главе нашего штаба стоял генрел Брусилов, а там генрал Палицын. Это был единственный период, который я знаю, когда оба штаба работали совместно и согласовано. Это период изучения общей политической обстановки и еще в 1907 г. мы пришли к совершенно определенному выводу о неизбежности большой Европейской войны. Изучение всей обстановки военно-политической, главным образом, германской. Изучение ее подготовки, ее программы военной и морской и т.д. совершенно определенно и неизбежно указывала нам на эту войну, начало которой мы определяли к 1915 г., указывало, что эта война должна быть. В связи с этим надо решить следующий вопрос. Мы знали, что инициатива в этой войне, начало ее будет исходить от Германии, знали, что в 1915 г. она начнет войну. Надо было решить вопрос, как мы должны на это реагировать. После долгого и весьма длительного изучения исторического и военно-политического, было решено, как морским, так и сухопутным штабами, что мы будем на стороне противников Германии, что союза с Германией заключить нельзя , и что эта война должна будет решить, в конце концов, вопрос о славянстве - быть или не быть ему в дальнейшем. Были известные группы, которые резко расходились с этой точки зрения и указывали на необходимость союза с Германией, но та политическая обстановка, которая была положена в основание показывала, что война произойдет в союзе срединных империй. Я хочу только подчеркнуть, что вся эта война была совершенно предвиденна, была совершенно предусмотрена. Она не была неожиданной и даже при определении начала не ошибались только на полгода, да и немцы и сами признают, что они начали ее раньше, чем предполагали. Таким образом, в связи с общим политическим положением и была разработана судостроительная программа долженствовавшая быть законченной к 1915 году. К этому времени относится период чрезвычайно тесных сношений обоих штабов с Госуд. Думой, которая принимала в этом случае большое участие. В этот период 1906-07 гг. различные политические группы , политические организации все интересовались военными вопросами. Мне приходилось постоянно бывать там в качестве докладчика и эксперта на многих заседаниях. Там часто ставились вопросы о надводном и подводном флоте и вообще общество чрезвычайно инетересовалось этой войной и военным и морским делом. Этот период был чрезвычайно оживленным в этом смысле. К этому периоду относится чрезвычайная близкая связь между обоими штабами и Госуд. Думой и ее военными комиссиями. В этих военных комиссиях

я был в качестве эксперта и присутствовал на всех решительно обсуждавшихся вопросах , которые касались флота.

Чл. Комиссии АЛЕКСЕЕВСКИЙ : Были ли среди офицеров Морского Ведомства сторонники союза с Германией, хотя бы по соображениям чисто профессиональным, техническим.

Адм. КОЛЧАК : Я могу указать на Бориса, который был тогда нашим агентом в Германии и который теперь в Советской России /кажется после Альтфатера он выполняет обязанности командующего флотом/. Он был определенным сотронником союза с Германией, указывая, что разрывать с Германией нельзя, что все вопросы, которые существуют, могут быть разрешены удовлетворительно и что наоборот, союз с Англией и Францией не сулит России ничего, кроме дальнейших осложнений. Вы может быть помните одну книгу военно-политического содержания сочинение Бандаля : там проводилась эта точка зрения о необходимости союза с Германией. Это наделало много шума и разделило общество на 2 лагеря, один германской ориентации, другой союзнической ориентации. Крупными противниками этой точки зрения были адм. Эссен и Непенин. Адм. Эссен был определенно против немцев, хотя и был сам немецкого происхождения. Непенин был также их совершенным противником и ненавидел немцев. Среди крупных представителей морского ведомства не было представителей германской ориентации; большинство склонялось к союзнической ориентации , так как всем было видно, что приготовления Германии к войне идут, было видно, что она готовится к войне, а именно к войне с нами, о чем ясно говорили добытые материалы. Конечно, могли быть ошибки, конечно, такие вещи легко говорить пост фактум, но тогда для меня, например, один Трейшке стоил откровения, так как ясно говорил об их отношении. Я думаю, что если у меня и были минуты колебания, то Трейшке их уничтожил. Ведь Трейшке исходил из изучения всей картины, всей исторической стороны этого дела, всей политики Германии.

Чл. Комиссии АЛЕКСЕЕВСКИЙ : Таким образом новому Морскому Генеральному Штабу приходилось составлять программу в смысле борьбы с Германией.

Адм. КОЛЧАК : Для того, чтобы выработать программу, надо было иметь определенного противника и определенный срок. Этот срок был фиксирован 1915 г. главный же противник был определен, как Германия. Новая судостроительная программа была принята и представлена в Госуд. Думу , но здесь произошли события. Совершенно неожиданно морским министром был назначен Боеводский, предшественник Дикова. Тогда у Морского Генерального Штаба явилась большая идея : будучи противниками Германии, мы, в сущности говоря, признавали, что германская военная организация является

образцовой и оба Генеральные Штабы и Сухопутный и Морской стремились к созданию положения Генеральных Штабов, как независимых органов, подчиненных только верховной власти, а не министру, это вызвало смену Палицына, и ясно было по моменту, что смещен будет и Брусилов, но он тогда заболел и умер. Вслед за этим явилась реакция против тенденций, бывших в Морском Генеральном Штабе, министром был назначен Воеводский, который почему то начал борьбу с Гос. Думой, именно на почве этой судостроительной программы . Он старался препятствовать этому и повел борьбу с Гос. Думой в то время, когда дело у нас налаживалось. Между тем время шло, н е ждало, по нашему убеждению и программу надп было проводить. В конце концов Воеводским дело было поставлено так, что программа эта остановилась. На многих, для которых эта программа являлась всем смыслом , целью нашего существования, в том числе и меня, это проиввело ужасное впечатление. Я был одним из главных составителей этой программы, большую часть этой программы я писал и разрабатывал, наконец, с этой целью я ездил в Гос. Думу, к Гучкову и др. Чл. Гос. Думы. Я старался это дело сделать возможно быстро, прилагая все усилия, но сделать было ничего нельзя. Тогда я скадал себе, что притаких условиях , когда эта пограмма Морского ~~Ведомства~~ Министрества не сможет быть проведена из за разногласий, которые были для меня непонятны, из за какой то борьбы, котору вел морской министр с Гос. Думой, оставаться в Генральном Штабе я не могу. Я видел, что с этим ничего нельзя сделать, что дело погибнет и поэтому решил оставить военную работу, и вернуться к прежней научной работе , деятельности. Воеводский, назначен министром, начал изменять и передвелывать эту программу, задерживать вопросы, которые делались Гос. Думой и которые были необходимы для решения вопросов и т.д. Плчему он это делал, ябло совершенно неизветсно, но вред этим делу был нанесен ужасный. В конце концов, это отразилось тем, что программу не выполнили к сроку, к которму она могла и должна была быть выполнена. В начале эта программа была тем, что было изчестно под именем "большой программы", затем она распалась на два проекта - большой и малый. Это было делм Воеводского. На меня это подействовало самым печальным образом и я решил, что при таких условиях ничего не удастся сделать и потому решил далше заниматься академической работой. Я перестал тогда работать над этим делом и начал читать лекции в Академии Морской, которая была образована. Я читал лекции несколько месяцев и решил,. что лучше вернуться к научной работе. В это время начальник Главного Гидрографического Управления Велькицкий, как я это хорошо

16

знал /так как он был полярный исследователь/, который меня хорошо знал и сочувствовал всей моей деятельности, предложил мне организовать экспедицию для исследования Северо-Восточного Морского пути из Атлантического океана в Северный океан вдольберега Сибири. Встретившись и переговорив с ним, я решил заняться этим делом. Находясь в Генштабе, я разработал проект этой экспедиции и подал Вилькицкому. При разработке вопроса как выполнить эту экспедицию, я на основании всего предшествующего опыта полярного плавания, на основании опыта плавания на севере, остановился на организации новой экспедиции на стальных судах ледокольного типа /конечно не таких/, которые могли бы ломать полярный лед, так как опыт Ермака показал, что это невыполнимо и что активная борьба с океанским льдом невозможна. Но опыт показал, что корпусировать судно, которое выдержало бы давление льдов вполне возможно, что это затруднений не вызывает и что, конечно, построить стальное судно большой вместимости легко. Я считал необходимым иметь два таких судна, чтобы избежать случайностей, неизбежных в такой экспедиции. В конце концов, в 1908 году Главное Гидрографическое Управление выпустило с проектом организации такой экспедиции для изучения вопроса о северном морском пути из Тихого в Атлантический океан кругом северного побережья Сибири. Я, оставаясь пока в Штабе, принимая в разработке этого проекта активное участие, все свободное время я работал над этим проектом, ездил на заводы, разрабатывал с инженерами типы этих судов. В этом принимал участие и мой бывший спутник Маттисен. Решено было построить два ледокольных стальных судна, которые были названы "Таймыр" и "Вайгач" . Командиром был назначен Маттисен. Когда это было решено, я просил отчислить меня от Генерального Штаба. Кружок офицеров продолжал функционировать до последнего времени и я продолжал там работать в качестве председателя кружка. Я смотрел на этот кружок, главным образом, как на образовательный, имеющий целью поднять уровень военного образования в офицерской среде. Там делались интересные доклады , производились научные работы и т.д. Решив заняться всецело делом экспедиции, я в 1908 году ушел из Генерального Штаба и всецело посвятил себя наблюдению за постройкой этих судов на Невском Судостроительном заводе. В 1909 году суда были спущены и мы осенью ушли на Дальний Восток с тем, чтобы летом 1910 года пройти через Берингов пролив на северную часть полуострова. Я командовал "Вайгачем", "Таймыром" же командовал сначала Маттисен. Это были суда ледокольного типа, идея их состояла в том , чтобы их не ломал лед, чтобы лед не ломал и не жевал их. Поэтому, они обладали чрезвычайно сильными корпусами

17

и сравнительно слабыми машинами, так как главный вопрос в данном случае это большой радиус действия и ледокольного типа суда учитывают эту идею ударов и сжатие льда. Таким образом, во второй половине 1909 г. мы ушли на Дальный Восток и через Индейский океан , Средиземное море весной 1910 г. прибли во Владивосток. Так как мы пришли во Владивосток уже поздно, то Главным Гидрографическим Управлением была поставлена нам задача пройти в этом году Берингов пролив и обследовать ~~этот~~ район этого пролива, имея основным пунктом для с"емок и больших астрономических наблюдений мыс Лежнев и затем вернуться обратно во Владивосток на зимовку и в следующем году идти дальше. Мы ушли из Владивостока и выполнили эту задачу. Вышли за Берингов пролив по направлению к мысу Лежневу. Экспедиция была очень хорошо оборудована для этой цели, в собенности "Байгач, который был оборудован специально для картографических работ. Я главным образом, работал по океанографии. Осенью мы вернулись во Владивосток на зимовку и для ремонтс с тем, чтобы летом пораньше двинуться на север и продолжать систематическую работу, По прибытии во Владивосток, я получил телеграмму от того же Воеводского , бывшего морским министром и Начальник Морского Генерального Штаба Кн. Ливена /Ливен был начальником Ген. Штаба после Брусилова/ и несмотря на свое немецкое происхождение был страшным противником немцев. В этих телеграммах Ливен и Воеводский просили меня приехать в Петроград и продолжать мою работу в Морском Ген. Штабе для скорейшего проведения судостроительной программы. Решено было во что бы то ни стало провдить эту программу и приступить к постройке новых судов. После некоторого колебания , я дал свое согласие на возвращение . В 1910 г. я оставил экспедицию и вернулся. У меня опять явилась надежда, что м.б. удастся дело направить. Поэтому я вернулся в Морской ген. Штаб и был назначен на то же место заведывающего Балтийским театром. Меня все это время замещал мой помощник и я принял дело почти в прежнем состоянии, так как за время моего полугодового отсутствия там ничего не делалось. Я прибыл в Петроград зимой 1910 года и оставался там 1911 г. до весны 1912 года. В штабе я работал , главным образом, над программой и ее реализацией, установкой типа судов и вообще ведал всей подготовкой флота к войне. По этой должности я находился в очень тесной связи с адм. Эссеном и штабом командующего Балтийским флотом, так как мне приходилось постоянно ездить туда. Мне приходилось постоянно ездить на флот , принимать участие в маневрах, рассматривать задания для маневров его и т.д. Таким образом я находился в тесной связи

18

с Балтийским флотом. Должность, которая в сухопутном ведомстве носит на
звание квартирмейстера, во флоте носит название флаг-капитана, по опе-
ративной или хозяйственной части. Таким флаг-капитаном по оперативной
части в штабе Адм. Эссена был Альтфатер, с которым я находился постоянно
в связи по работе по подготовке флота к войне. В 1912 г. адм. Эссен зая
вил мне, что он хотел бы, чтобы я поступил в действующий флот. Меня самог
очень тяготило пребывание на берегу, я чувствовал себя усталым и мне хоте
лось отдохнуть в обычной строевой службе, где все же было легче. Я это
откровенно высказал, сказал, что главную задачу я выполнил, что дело сде-
лано и что теперь остается только следить технически, чтобы налаженное
дело шло дальше. Последнее, что я сделал, это было участие в разработке
деталей нового типа огромных крейсеров типа ....., но они опоз-
дали. В 1912 г. я ушел из Морского Генерального Штаба и поступил в
Минную Дивизию командиром эскадренного миноносца "Уссуриец". Я коман-
довал "Ус урийцем" год, затем был в Либаве, где была база минной диви-
зии. Через год адм. Эссен пригласил меня быть флаг-капитаном по операти
ной части у него в Штабе. При адм. Эссене, который держал свой флаг на
броненосном крейсере "Рюрик" состоял в распоряжении один из лучших
эскадренных миноносцев "Пограничный". Он состоял в распоряжении адм.
Эссена непосредственно, который на нем ходил постоянно по Балтийскому
морю. Я, будучи флаг-капитаном в штабе Эссена, в то же время был коман-
диром "Пограничного". Адм. Эссен все это время был у меня на "Погранич-
ном", то на "Рюрике". В этой должности командира "Пограничного" я оставал
ся год, в должности же капитана оставался и на войне. В этом году все
признаки военно-политической атмосферы сгустились. Для всех была ясна
близость войны. Адм. Эссена чрезвычайно заботила усиленная подготовка
со стороны войск. Он всю душу вкладывал для подготовки флота к выполнению
программы военных действий, которая существовала на случай разрыва с Гер-
манией. На "Пограничном" я оставался год. Затем чрезвычайно серьезные
и грозные признаки, которые возникли весной 1914 года относительно
войны заставили адм. Эссена приказать мне сдать "Пограничник" и перейти
в его непосредственно штаб на "Рюрик". Несмотря на то, что с весны до нач
ала войны шла подготовка флота к войне, благодаря деятельности Воеводс-
кого, мы к войне не были готовы в смысле выполнения намеченной про-
граммы. Эта программа начиная с судостроительной, с которой было связа-
но все остальное, была задержана Воеводским на 2 года. Что касается дру-
гих причин задержки в выполнении этой программы, то помимо людей таких

причин было много. Причиной этого была прежде всего самая организация морского министрества и, главным образом, его технических отделов с их страшной канцелярщиной и волокитой в сношениях с заводами, с утверждением чертежей, с разрешением всевозможных вопросов , связанных с судостр ением. Все это страшно отражалось на деле. Таким образом, одной из причин является также бюрократизм, бывший в этих учреждениях. Это было ужасное место , с которым генеральный штаб пытался вести борьбу, но тщетно.

АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Помимо этих обстоятельств , лежавших в излишне бюрократическом характере учреждений морского ведомства и помимо деятельности Воеводского не было ли и намеренного задерживания этой программы.

Адм. КОЛЧАК : Конечно, такие были разговоры, но фактически это трудно было доказать. В морской среде это казалось подозрительным, об этом говорили, но фактически доказать это было невозможно. Об этом шли разговоры в кают-компаниях, но оффициально сказать об этом я затрудняюсь. К тому же надо иметь в виду, что это общее свойство вооруженной силы, в том числе и строевого флота - обвинять тыл во всех грехах , котрые непосредственно отражаются на этой строевой части. Персонально эти разговоры ни к кому не приурочивались. Таким рбразом, период 1914 г. с начала весны в Балтийском флоте прошел в усиленной работе , в скорейшем утверждении программ стрельб, подготовке минных учений и т.д. так как война казалось все более и более приближающейся. Перед самым началом войны я был на отряде подводного плавания в Балтийском флоте. Будучи флаг-капитатном, я ездил часто инспектировать по своей должности в Балтийском порту. Затем меня совершенно срочно птребовал Эссен в Ревель, /это было прмерно I6 июня/, где он заявил, что разрыв с Германией и Австрией почти неминуем и что надо готовиться к выполнению этого плана , который мы выработали, этот план базировался на том, чтобы наиболее узкой части Финского залива , между Наркалаудом и Наргеном выстить сильное минное поле, которое защищалось бы наличными силами флота. Минные же и подводн лодки должны были стараться, если неприятель войдет в Финский залив, пользуясь Балтийским плацдармом производить аттаки , нападать на противника и мешать его операциям, так как, конечно, силы Балтийскго флота бывшие тогда, конкурировать с Германским флотом не могли. После этих разговоров нужно было немедленно составить инструкцию, нужно составить распоряжение, сигналы, так как хотя не было еще окончательного разрыва, но нужно было сделать решительно все, чтобы не терять ни одного часа, когда нужно будет выставить минные заграждения, составить особый отряд минных заградителей, одним словом, привести в такое состяние ,

20

бы ~~[illegible]~~ все могло бы быть выполнено по первому сигналу. Сведения, получавшиеся нами в следующие часы все более и более сгущали эту атмосферу открытия военных действий. В частности, на "Рюрике" в штабе нашего флота, был громадный под"ем и известие о войне было встречено с громадным энтузиазмом и радостью. Офицеры и команды все с восторгом работали и вообще начало войны был одним из самых счастливых и лучших дней моей службы. Таким образом обстановка складывалась самая серьезная : разрыв с Австрией фактически уже произошел, с Германией, как известно, он произошел позже. Адм. Эссен волновался и указывал, что все кончится тем, что германский флот прорвется в финский залив, так как высланные в море крейсера , конечно, не удержат его и не выставив минных заграждений, мы сможем задержать его только на несколько дней. Это обстоятельсвто его страшно волновало и в одну из поездок он заговорил со мною об этом. Я сказал ему, что надо принять решение и ставить минное поле, каковы бы ни были последствия, так как разрыв ясен, что надо взять на себя постановку поля, так как фактически уже всякие сношения были прерваны. Адм. Эссен согласился с этим, : Мы прибыли на "Рюрик" и со всем флотом вышли к Наргену. Было решено с рассветом начинать постановку поля, не ожидая приказания из Петрограда. Вся операция состояла в том, что у Паркалауда был сосредоточен отряд заградителей с 6.000 ми. Они были на противоположном берегу финского залива, а флот, который прикрывал заградители , сосредоточился у острова Наргена. По плану флот должен был выйти из Наргена, развернуться, а заградители выйдя с ним, в 2 приема должны были поставить 8 линий заграждений, после чего они уходили в шхеры, а флот возвращался в Ревель. Мы решили ставить поле, все равно, не ожидая приказания из Петрограда, но как раз в момент когда подняли сигнал, начать постановку заграждений, когда показались бымы заградителей и флот снялся и вышел в море, на их прикрытие, в этот момент мы получили радио, условную телеграмму из Морского Штаба "Молния" ставьте минные заграждения. - Таким образом , это вышло чрезвычайно удачно. Через несколько часов была получена телеграмма с об"явлением войны. Первые два месяца войны я оставался в должности флаг капитана. Все это время я работал над всевозможными планами и всякми оперативными заданиями, причем старался, где это было возможно, непосредственно участвовать в их выполнении. Поэтому я постоянно переходил на ту или другую часть флота, которая выполняла различные задания утвержденные, конечно, адм. Эссеном, неразработанные мною. Противник оказался, против наших ожиданий, неактивным, мы ожидали, что жизни нам осталось немного, что если он

придет с достаточными силами, то несмотря на заграждения, он с"умеет прорвать их и уничтожить. И в этом случае положение Балтийского флота было бы чрезвычайно тяжелым. Дредноуты у нас еще не были готовы /они только осенью начали выступать/. И у нас были только "Рюрик" и "Андрей Первозванный". Все силы заключались в минных судах, так как подводные лодки также еще не были готовы и было только несколько старых. Хотя вся програ ма была в ходу. Подводные лодки вступили в компанию уже во время войны, и на дреднрутах в первое время плавало по 300-400 рабочих с франко-Русского завода. Все выходы в море, котрые делал противник, оказывались, против всяких ожиданий, чрезвычайно ~~[illegible]~~ пассивными, так как повидимому, немцы были отвлечени английскоим флотом в Немецком море и орраничивались только слабымнаблюдением за нами. Это давало нам возможность продвинуться дальше и постепенно мы получили возможность не только защищать Рижский залив, но перенести нашу деятельность дальше до Рижского залива. Прикрывать там вход и развить нашу деятельность в Ботническом заливе на Або ....., которые по первоначальному плану , как бы отдавались немцам. Тут оказалось, что немцы не только не предпринимают ничего, но ведут себя очень пассивно, ограничиваясь стрельбой по маякам и редкими демонстративными действиями крейсеров и миноносцев у берегов. Тогда с наступлением зимы, мы решили перейти к более активным действиям в смысле выхода в море и нападениям на противника в открытом море. Для этой цели в море выходили несколько крейсеров, с ними выходил и сам Эссен, но это не давало ничего и обыкновенно мы никого не встречали. И только один раз мы встретили один крейсер который ушел от нас будучи более быстроходным. Тогда мы решили перейти к операциям с минными заграждениями уже в водах самого противника - начать заграждать его выходы и фарватер и этим стеснить его. Эта деятельность началась с постановки целого ряда заграждений у германских берегов вдоль побережья Балтийскго моря. Это было выполнено целым рядом крейсеров, в числе которых был крейсер "Рюрик", на котором я сам был лично, когда я пробрался за Боригельм и прошел до Каколи, где и поставил заграждения как раз на новый 1915 год. Весной 1915 г. я просил Эссена дать мне возможность выполнить самостоятельно одну операцию - заградить Данцигскую бухту и поставить там у входа минные заграждения . Я взял 4 миноносца - типа "Пограничника", временно вступил в командование этим минным отрядом и выполнил эту задачу. Главной трудностью было чрезвычайно суровое время года : в январе месяце там бывают.. ..... Надо было вырваться из Ревеля, пробраться через лед в Финском заливе и пробраться к Да

Данцигской бухте. Эта экспедиция увенчалась успехом и дала положительные результаты в смысле подрыва нескольких немецких судов. Таким образом я продолжал свою деятельность в качестве флаг-капитана , участвуя во всех почти предприятиях. При заграждении Либавы я был на отряде миноносцев и вообще смотрел как,что вырабатывая какой нибудь план надо присутствовать и при его непосредственном выполнении. Адм. Эссен разделял мою точку зрения и поэтому я проводил все время, участвуя в отдельных экспедициях , в отдельных предприятиях, боевых столкновениях, а в промежутках работал на "Рюрике" флагманском корабле, или ходил с Эссеном на "Рюрике". Осенью 1915 г. адм. Трухачев командовавший минной дивизией , которая в это время была выдвинута в Рижский залив и защищала его /только перед этим было успешно ликивдировано прорыв немцев в этот залив/, во время свежей погоды вывихнул ногу , заболел. Надо было назначить нового командира минной дивизией. Адмирал Эссен предложил мне временно вступить в это командование. Это было в начале сентября. К этому времени мы сосредоточили в Рижском заливе некоторые суда , так что там образовалась целая отдельная группа с линейным кораблем "Слава" там были также заградители , подводные лодки, транспорты, всего в общей сложности, кроме миноносцев до 50 вымпелов. К этому времени немцы произвели высадку на южном берегу Рижского залива и угрожали непосредственными действиями Риге. Их позиции подошли к Рижскому штранду и были недалеко от Кеммерна. Предполагалась их большая операция на Ригу. В этот момент я был назначен командовать минной дивизией и всеми силами в Рижском заливе, на время адмирала Трухачева. Я отправился в Рижский залив и вступил в командование дивизией. В первые же дни, я разработал операции против немцев и их левого фланга .

находящегося на южном берегу Рижского залива под Ригой. Прежде всего, я прошел в Ригу, чтобы повидаться с командующим 12 армией Радко Дмитриевым, чтобы сговориться относительно общего плана совместных действий на левом фланге немецкой армии. Условившись с ним относительно этого и разработавши детали, я вернулся обратно в Ригу, в Мензунд, где были сосредоточены главные силы минной дивизии. После этого я вышел на юг Рижского залива. В это время началось наступление немцев, которые взяли Кемери и потеснили наши части, выставленные против них. Нами была разработана совместная операция флота и армии, там были выставлены сильные береговые батареи, надо было сбить их и действовать на немецкие войска, занявшие Кемери. Эта задача была выполнена, наступление на Ригу остановлено и немцы были выбиты из Кемерна с громадными потерями. Батарет же их были приведены в молчание. Этим самым, операции немцев были приостановлены, м.б. в будущем они их и выполнили, но во всяком случае, они были на долгое время задержаны. Во время боя, был убит командир " Славы" Вяземский. После этого мной была произведена другая операция: я высадил десант на Рижское побережье в тил немцам. Правда его пришлось снять, так как он был незначителен, но во всяком случае он привел немцев в панику, так как они совершенно не ожидали высадки этих сил, причем этим десантом, был разбит немецкий отряд, прикрывавший эту местность. За эту работу я был представлен Радко-Дмитриевым, которому я подчинялся, как старшему во время операции к Георгиевскому Кресту и получил эту высшую боевую награду. В это время я был капитаном первого ранга| в эту должность я был произведен в Либаве в 1911 г. | До Ноября месяца - сентябрь и октябрь, я работал в Рижском заливе. К этому времени Адм. Тухачев отправился, ему было снова предложено вступить в командование минной дивизией и я снова вернулся на " Рюрик". Адм. Эссен тогда уже перенес свой флаг на " Петропавловск", где помещался штаб их, Я приступил к работам по выполнению программы, а также продолжал нести работу флаг-капитана в штабе Эссена. В конце декабря Эссен решил назначить адм. Трухачева командующим бригадой крейсеров, а меня начальником минной дивизии и коман-

дующим силами в Рижском заливе. Около 20-х чисел декабря я вступил в командование минной дивизией в Ревеле, как постоянно командующий этой дивизией. Перед моим вступлением в командование минная дивизия по моему плану выполнила очень удачно минные заграждения Виндавы, на котором погибло несколько миноносцев и немецкий крейсер, совершенно неожидавший что они в Виндаве могут быть заграждены нашим минами. В этом предприятии мне не пришлось участвовать, но как только я вступил в командование этой дивизией, я решил пользуясь тем, что наступают последние дни декабря, после чего будет очень трудно повторить эту операцию, и спросив на это разрешение Эссена выйти на постановку минного заграждения к Либаве и Мемелю и заградить вход туда. 24 в сочельник я вышел из Ревеля с отряда миноносцев, имея свой флаг на миноносце " Новик", но по выходе из Финского залива попал, повидимому, на неприятельское минное поле. Один из миноносцев взорвался, пришлось его спасать и таким образом, это предприятие не удалось. Это первое предприятие, которое у меня не увенчалось успехом . Пришлось вернуться, таща за собой полузатопленный миноносец. Затем наступила зима 1915-16 г., чрезвычайно суровая. Была такая масса льда, что о выходе и думать не приходилось. Весной 1916 г., как только состояние льда позволило выйти ледокольным судам через Моонзут в Рижский залив, я вышел туда из Ревеля, а как только лед вскрылся , я вызвал минную дивизию и начал в Рижском заливе продолжать свою работу по защите его побережья и по борьбе с береговыми укреплениями Рижского залива и защиты входа в Рижский залив, причем уничтожил один дозорный корабль " Виндава". Тогда же получивши сведения о выходе из Стокгольма немецкий судов с грузом руды под защитой одного вооруженного, как крейсер, коммерческого судна, я несколькими лучшими миноносцами типа " Новик" под прикрытием отряда крейсеров, под командой Адм. Трухачева, вышел к Шведским берегам, ночью напал, на караван, рассеял его и потопил конвоирующий его корабль. Это было моим последним делом в Балтике. Затем, не помню по какому делу я был внезапно вызван и в Моонзунда в Ревель, это было приблизи-

тельно в 20-х числах Июля. В Ревеле мне совершенно неожидан
но была вручена телеграмма из ставки о том, что я назначаю
командующим Черноморским флотом, с производством в вице-ад
рали.-

23 Января 1920 года.-

АДМИРАЛ А.Н. АЛЕКСЕЕВСКИЙ: В прошлый раз Вы закончили тем, что получили в апреле неожиданное производство в Вице-Адмиралы и телеграмму о назначении Вас Командующим флотом Черного моря.

Адм.КОЛЧАК: Получивши это назначение, я вместе с тем получил приказание ехать в ставку для того, чтобы получить секретные инструкции, касающиеся моего назначения и командования в Черном море.Я поехал сперва в Петроград и оттуда в Могилев, где находилась ставка, во главе которой стоял Ген.Алексеев, Начальник Штаба Верховного Главнокомандующего. Верховным Главнокомандующим был бывший государь. По прибытии в Могилев, я явился к ген. Алексееву. Он приблизительно в течении полутора или двух часов подробно и детально инструктировал меня об общем военно-политическом положении на нашем западном фронте. Он детально ею,ясним мне все и то политическое соглашение чисто военного характера, которые существовали между державами в это время, и затем после этого об, яснения сказал, что мне надлежит явиться к государю и получить от него окончательные указания. Указания, сделанные мне Алексеевым были повторены и государем: Они сводились к следующему: назначение меня в Черное море обусловливалось тем, что весной 1917 года предполагалось выполнить так называемую босферскую операцию,т.е. т.е. произвести удар на Константинополь: Все это находилось в связи с положением на нашем южном или левом фланге. Это было в начале июня, а осенью приблизительно в августе должна была выступить Румыния, и в зависимости от этих действий предполагалось лишь проникновение наших армий вдоль западного берега Черного моря через проливы на Турцию и на Босфор, или в зависимости от положения предполагалось, что флот должен оказывать содействие этим продвижением либо выбросить десант непосредственно на Босфор и флот должен был постараться захватить Босфор. На мой вопрос, почему именно меня вызвали, когда я все время работал в Балтийском флоте, хотя я и занимался вопросам о проливах, они меня интересовали чисто теоретическигенер. Алексеев сказал, что общее мнение в ставке было таково, что я лично по своим свойства могу выполнить эту операцию успешнее, чем кто либо другой. Затем после выяснения всех вопросов я явился к Государю. Он меня принял в саду и очень долго , около

часу, меня также инструктировал относительно положения вещей на фронте, главным образом в связи с выступлением Румынии, которая его чрезвычайно заботила, в виду того, что Румыния, повидимому, не вполне готова, чтобы начать военные действия и ее выступление может не дать благоприятных результатов. Оно заставит только удлинить наш и без того большой фронт левого фланга и нам придется своими войсками занять Румынию и удлинить фронт почти до Дуная. Это явится новой тяжестью, которая ляжет на нашу армию и полежительные результаты вряд ли даст. Я спросил относительно босфорской операции. Он сказал что сейчас говорить об этом трудно, но мы должны подготовляться к ней и разрабатывать два варианта: будущий фронт, наступающий по западному берегу и самостоятельная операция на Босфоре, перевозка десанта и выброска его на Босфор. Тут еще было прибавлено: Государем: " я совершенно не сочувствую при настоящем положении выступление Румынии, я боюсь, что будет невыгодное предприятие, которое только удлинить наш фронт, но на этом настаивает французское союзное командование: они требуют, чтобы Румыния во что бы то ни стало выступила, они послали в Румынию специальную миссию, боевые припасы и приходится уступать давлению союзного командования". Получив эти указания, я уехал в Черное море в тот же вечер. Прибывши в Севастополь, я принял Черноморский флот от вицеадмир.Збергарижа, который меня уже подробно в течении целого дня посвятил в действительное положение Черного моря. Положение в Черном море было таково: главнейшие вопросы которые стояли, были во первых обеспечение безопасности Черноморского побережья от постоянных периодическим набегов быстроходных крейсеров " Гебена" и "Бреслау", ставшие в очень опасное положение весь транспорт на Черном море. А транспорт на Черном море и перевозки имели главное значение для Кавказскойармии, потому что подходы к Кавказской армии были чрезвычайно трудны и нужно было бы базироваться на море. Первой задачей было, как наиб. обезопасить и направлять транспорт и обеспечить побережье и порты, главным образом восточной части. Черного моря, откуда шел транспорт для насбжения Кавказскогой армии, от этих угроз, которые над ними висели в виду постоянных рейдов " Гебена" и " Бреслау": Все это осложнилось еще появление подводных лодок, которые прошли Босфор.

Несколько лодок в Варну-Болгарский порт. а другие выходили из Босфора и начали свою работу, выражавшуюся в потоплении транспо тов. Меры, которые принимались для этого, были явно недостаточн т.е. конвой транспорта при помощи миноносцев страшно задерживал движение,потому что миноносцев было мало и обеспечить конвоиров ние этих транспортов было нельзя. Следующей задачей была подго- товка к так называемой босферской операции, о которой я сказал раньше. Характерно следующее обстоятельство: в полночь я поднял свой флаг Збергардт спустил и я вступил в командование в Черном мо ре. Через несколько минут [illegible] после этого-теперь я могу говорить об эт совершенно открыто,тогда этого я не понимал, и думали, что это было исполнено мною случайно, а между тем все это предполагалось совершенно сознательно и определенно - было принято радио, кото рое было расшифровано, о том, что крейсер " Бреслау" вышел из Босфора в море,-был указан точно час, кажется, в II час.вечера. Я сейчас же призвал соответствующих чинов своего штаба, нанес на карте вероятное положение, откуда он может идти, где он может быть, я приказал немедленно выходить своему флагманскому линейно кораблю, поднимать пари на "Императрице Марии" другой дредноут к сожалению выйти не мог,-я взял еще крейсер " Кагул", пять или шесть миноносцев и с рассветом вышел в море. Это было 6 на 7-ое июля. Как раз при выходе, это было очевидно,он всегда это делал, "Бреслау" на Севастополь послал подводную лодку но эта лодка бы- ла замечена с аэроплана, который меня сопровождал, мне удалось увернуться от нее и выйти в открытое море,-это мне подтвердило, что неприятельское судно действительно там находится.В 3 часа дня я действительно заметил на горизонте дым и встретился с "Бреслау". По его положению и курсу я заметил, что он идет на Новороссийск, главную базу, откуда шло питание длинашей Кавказской армии.Увидев ши меня, он сейчас же повернул обратно на Босфор, я гнался за ним до темноты, когда наступила тьма и гроза нас разделила. Я имел возможность открыть по нем огонь с предельной дистанции приблизи тельно II-I2 миль, насколько хватало орудий, но огонь этот действи телен не был. Потом я узнал, что на нем было некоторое количество ранений осколками от рвущихся моих снарядов. Я потому подробно

останавливаюсь на этом неважном случае, что это был единственный в
ход крейсеров " Гебена-" и "Бреслау" за все время командования м , знаний
мною в Черном море. Потом я принял некоторые меры, которые паралиа
вали их выход они уже больше не появлялись в Черном море. Затем я ый явля-
вернулся обратно в Севастополь и через несколько дней приступил к от неза-
выполнению уже серьезного заграждения Босфора минами по известному повторяю
выработанному плану, как от выхода надводных судов, так и подводны политичес
лодок. Эта операция непосредственно над босфорскими укреплениями б ему делу
ла выполнена минными судами непосредственно под моим руководством. такого
Я выходил на корабле в это время сам и Босфор мы заградили настоль
прочно, что в конце концов, установивши еще необходимый контроль из удалени
постоянного дежурства и наблюдения миноносца, чтобы эти мины не бы- от пос-
ли заграждения уничтожены и ?итравлены и для того, чтобы укрепить ?ралов
свое море от появления неприятельских военных судов.Правда туркам и образе
немцам удавалось под берегом очищать море от мин и они посылали сколько
транспорты очищать от мин Зунгулдак. Они нужались в угле, мы же эти перемен
транспорты ловили и уничтожали и это всегда благополучно проходило. ?ения,
Что касается подводных лодок, то с ними борьба была насколько трудн
не и те последние подводные лодки которые осмеливались подходить к
Севастополю, были замечены только в январе 1917 года. Весь транспор ?ся
на Черном море совершался так, как и в мирное время. Минные заграж- ?ому
ния, дозорная служба, надлежащим образом организованная, и надлежащ
образом развитая радио-связь дали возможность обеспечить нам черном генерала
ский бассейн совершенно спокойно от всяких покушений со стороны непр ?? меня
ятеля и обеспечить совершенно безопасно транспорт для ?????????? яния.
Кавказской армии. Несколько было сложнее с теми лодками,которые про- никогда
бирались, и те часть их удалось пробить при помощи заграждения.Зате имел на-
в декабря месяце из Константинополя прорвались несколько большими ми
миносцев в Варну и две конвоерских лодки. Эти конвоерские лодки были
обнаружены крейс ром: " Кагул" были потоплены недалеко от Босфора,
около мыса " Карагалу". Таким образом в Черно море наступило совершен
но спокойное?положение, которое дало возможность уже употребить все
силы на подготовку большой Босфорской операции. По плану этой Босфор
ской операции и мое непосредственное распоряжение поступила одна сухо
путная часть, дивизия ударного типа, кадр которой мне был прислан с
фронта и кем ?лиром ее был назначен один из лучших ?ф?церов Генераль-

него Штаба - ген.Свечин, начал. штаба был назначен полк.ген.шта
Верховский. Эта задача готовилась под моим непосредственным наб
дением и должна была быть выброшена первым десантом на неприяте
ский берег, для того, чтобы сразу на нем обосноваться и обеспечи
место высадки для следующих войск, которые должны были идти за н
ми. Так вся эта подготовка работ шла до наступления государствен
переворота в конце февраля месяца. В Черном море как и для меня,
переворот был совершенно неожиданный. Обстоятельства,которые за
ли меня, были следующие. Эта работа по подготовке Босфорской опе
ции должна была окончиться по плану в марте или апреле месяце, не
рядом с этим планом шла подготовка и других работ. В августе был
выступление Румынии, значить тогда у меня явилась забота на Дуна
образование флотилии на Дунае,-все это заставило меня принять ря
других военных действий в 1916 г., Босфорская же операция предпо
галась весной 1917 г. Ко времени начала 1917 г. выяснилось уже о
чательно, что из двух планов может быть приведен в исполнение то
ко один, потому что неудачи на Румынском фронте мешали возможнос
босфорской операции и возможна была только десантная операций.

Н.А.АЛЕКСЕЕВСКИЙ: В дивизия Свечина была передана Вам еще
выяснения возможности первого плана.

Адм.КОЛЧАК: Да, она тогда только начала серьезно формироват
нами предполагалось перебросить туда и часть орудий с Севастопол
крепости, там шла подготовка всех материалов и т.д.

Н.А.АЛЕКСЕЕВСКИЙ: Мы подошли к той части Вашей деятельно
которая носит не только профессиональный и технический характер,
и политический. В связи с этим, Комиссия считает необходимым поста
вить Вам вопросы о Ваших политических взглядах в молодости, в зре
возрасте т теперь, а также о политических взглядах Вашей семьи.

Адм.КОЛЧАК: Моя семья была с мьа чисто военного характера
военного направлениям. Я вырос в чисто военной семье. Братья моего
отца были моряками, один из них служил на дольнем востоке, а друго
был морской артиллерист и много плавал: Вырос я под влиянием чисто
военной обстановки и военной среды. Большинство знакомых, с которы
я встречался, были люди военные. Какими как политическими задачами
и вопросами я почти не интересовался и не занимался. Как я говорил
когда я поступил в корпус, я начал заниматься исключительно военным
делом и затем меня увлекали точные научные знания т.е. математичес

и физические науки, не науками социального и политического харак
тера и занимался очень мало. Был один период у меня, о котором я
могу сказать несколько слов, когда меня интересовали эти вопросы
это был период моего пребывания в корпусе уже последних старших в
пусков, когда я начал работать на Обуховском заводе. Я вырос на
этом Обуховском заводе и постоянно на нем бывал. Пребывание на да
де дало мне массу технических знаний: по артиллерийскому делу, по
минному делу и т.д. в корпусе мне не нужно было заниматься этими
предметами, ибо я был знаком с ними гораздо лучше и более обширно,
чем это преподавалось в корпусе, потому что самая обстановка и ср
давали мне чрезвычайно много по этой части. Затем я увлекался завод
ским делом. Было даже такое время, когда приезжая ко мне на завод
английский заводчик, известный по пушечному делу Армстронг, мой от
его знал хорошо, и он предлагал, зная мою работу по техническому д
делу, взять меня в Англию, чтобы я прошел там на его заводах и сде
лся инженером. Но дела не плавать и служить в море превозмогли иде
сделаться инженером и техником. Близость завода и возможность полу
чить огромные знания меня молодого человека, увлекали и у меня яви
лась тогда идея - в свободное время пройти курс заводской техники.
начал дело с самых первых шагов, т.е. начал изучать слесарное дело
работа на этом заводе сблизила меня с рабочими. У меня было много
знакомых рабочих, которые меня обучали, они знали меня и благодаря
этому соприкосновению их с ними, работе в мастерских, постоянному
общению с ними, меня заинтересовали на некоторое время вопросы поли
ческого и социального порядка. Кое что я читал по этому вопросу, де
го занимался и не могу сказать изучением - меня тогда интересовал
вопрос рабочий, интересовали вопросы заводского хозяйства, вопросы
труда и т.д., но я повторяю, что я не изучал этого дела, я с ним
знакомился, потому что был в такой среде, где об этом говорили и
меня это, до известной степени интересовало, изучением же этих воп-
росов я не занимался, потому что у меня не хватало времени. Когда я

перешел на последние выпуски, где я был занят другим, чисто специальное военно-морским делом,мне пришлось прекратить эти занятия и я больше не занимался этими вопросами. О вопросах политического и социального порядка-сколько я припоминаю, у меня вообще никаких воспоминаний не осталось, в моей семье этими вопросами никто не интересовался и не занимался, мой отец, как я говорил, был военный, севастополец, вся среда была военная или техники специалисты Обуховского завода.

Н.А. АЛЕКСЕЕВСКИЙ: Скажите, Адмирал, в 1904-05 году, когда Вы участвовали в Русско-Японской войне, Вы, как человек хорошо знающий морское дело и изучивши в деталях и на практике постановку его в России, не могли не видеть, что наши морские неудачи определились политическими обстоятельствами и в особенности тем,что во главе этого дела стоял Великий Кн.Алексей Александрович и что неудачи морские решили и сухопутную компанию,-Вы тогда не пришли как и большинство интеллигентного русского общества к выводу о том, что необходимы политические перемены во что бы то ни стало, хотя бы даже путем борьбы.

Адм.КОЛЧАК: Я считал необходимым уничтожением должности генерал-адмирала и это совершилось как результат войны. Я считал это безусловно необходимым, но главную причину я видел в постановке дела у нас во флоте, в отсутствии специальных органов, которые занимались подготовкой флота в войне, отсутствием образования, флот не занимался своим делом-вот главная причина, и из первого об"яснения Вы видите мое отношение к этому вопросу. Я считаю,что политический строй играл в этом случае второстепенную роль. Если бы это дело было поставлено как следует, то при каком угодно политическом строе вооруженную силу создать можно и она могла бы действовать.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Каково было Ваше отношение, Адмирал к Революции 1905 г.

Адм.КОЛЧАК: Мне с ней пришлось почти сталкиваться. В 1905 г. я был взят в плен, затем я вернулся, я был болен и лечился, а затем этого времени я был в Академии Наук, где до начала 1905 г. начал работать по созданию Генерального Штаба , так что я как раз в этот период не был в соприкосновении с событиями революции 1905 г. и в политической деятельности участия не принимал.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Каково было Ваше идейное отношение к этому делу.

Адм.КОЛЧАК: Я этому делу не придавал большого значения. Я считал, что это есть выражение негодования народа за проигранную войну и считал, что главная задача военная заключается в том, чтобы воссоздать вооруженную силу государства. Я считал своей обязанностью и долгом работать на том, чтобы исправить то, что нас привело к таким позорным последствиям.

Н.А.АЛЕКСЕЕВСКИЙ: Значит Вы считали, что техническая профессиональная постановка военно-морского дела была причиной нашего поражения, но что самая постановка была ошибочна, т.е. Вы считали ее как бы добросоветской ошибкой и что онаипроисходила не из условий политического строя, а из условий ошибки.

Адм.КОЛЧАК: Я предписывал этому, потому что я считаю что политика никакого влияния не могла иметь на морское образование, на военную организацию, просто у нас настолько не обращалось внимание на живую подготовку во флоте, что это было главной причиной нашего поражения.

Н.А.АЛЕКСЕЕВСКИЙ: Далее ,Адмирал, позволителен еще вопрос, Ведь не обращалось вним ние потому, что тот кто должен обращать внимание не обращал, а кто должен был обращать. Главой всех военных сил России был Император и императорская фамилия, и династря распределяла между собой все важнейшие роли , а над всеми, как глава всех военных сил был император.

Адм.КОЛЧАК: Тут были общие причины, я видел здесь на Востоке как мы вели боевую подготовку , чем занималось командование, чем занимались командиры. Конечно, общая система была не удовлетворительна.

Н.А.АЛЕКСЕЕВСКИЙ: У нас есть поговорка, что рыба начинает раздагатся с головы. Не приходили ли Вы к убеждению, что именно с верху нет ничего кроме слов в отношении ответственности и руководства.

Адм.КОЛЧАК: Я считал, что вина не сверху, а вина была наша, мы ничего не делали.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ЧУДНОВСКИЙ: Скажите пожалуйста, были ли Вам указания и зависело ли от Вас выполнит определенный план. Я имею все ввиду все командование флота и потому спрашиваю, имеете ли Вы какие нибудь указания сверху, что необходимы некоторые перетасовки чтобы установить боевую единицу.

Адм. КОЛЧАК: Я не помню, я был слишком молодой офицер, что иметь эти указания в том период.

ПРЕЗИДАТЕЛЬ ЧУЛНОВСКИЙ: Когда Вы говорите, что виновато само командование, то получается впечатление, что командованию была дана определенная задача, которая командованием не выполнялась. Мне это понятно, потому что, если верховное командование дает боевые задачи и эти задачи не выполняются то это командование принимает меры.

Адм. КОЛЧАК: Я вам на это скажу, что причины, локали, как мне они представляются , в нижем: возмите постановку боевых стрельб, как они когда были поставлены. Никаких научных оснований для этого не было разработано. Стельбы производились только для отбывания номера. Инструкций которые давались свыше, требовали с Вас выполнения боевой подготовки, но сами выполните , благодаря своему невежеству и своей неподготовленности не могли выполнить. Из этого ничего не получалось наш флот стрелять не умел но, повторяю, конечно, сверху требовали, чтобы флот стрелял, этих в этом никакого сомнения быть не может, потому что не могли не исходит сверху другие требования выполнение же этих требований было ни куда негодное благодаря нашему невежеству. Ведь программы, задачи, и инструкции составлялись чрезвычайно резонно логично и обосновано, но выполение их было ужасно благодаря общему невежеству, отсутствию знаний у наших руководителей отсутствие подготовленных людей, для того чтобы руководит флотом, потому что к этому времени уже флот представлял из себя такую сложную машину, что он требовал других людей более воспитанных и подготовленных . Я вспоминаю тот период и период последней войны - ведь ничего похожего не было, здесь, наконец , после страшного урока у нас был флот, отзывы о котором были самые лучшие. Может он был слаб и мал , но отзывы о нем Английских Адмиралов самые лестные. я прямо скажу, что постановка артиллерийского дела у нас в последнюю войну была великолепно разработана и мы прекрасно стреляли минное дело у нас стояло выше чем где бы ни было. К нам приезжали учится, меня Американцы после посещения Черноморского флота вызвали к себе для того, что бы я мог им дать данные о постановке нашего минного дела: Это у меня больше всего заботило и я думаю, что я был прав потому что когда после Японской войны группы офицеров взялись честно за свое дело, когда они прежде всего смотрели на то что им нужно было смотреть т.е. на создание органа, который бы занялся подготовкой

к войне, - когда у этого маленького кружка явился под"ем , знаний и известное добросоветное отношение к своему делу , который являлосб как известный результат событий, когда мы создали флот независимо от того , какой был политический строй. Так что я повторяю что вооруженная сила может быть создана при каком угодно политическом строе, если методы работы и отношение служащих к своему делу будут порядочные на оборотf при каком угодно строе, если такого отношения не будет, то Вы вооруженной силой не создадите.

Н.А.АЛЕКСЕЕВСКИЙ. А не было ли у Вас мысли о том, что удалени В.КН. Алексея Александровича и устранения от руководства, от постановки боевого дела во флоте и адмиралтействе старых адмиралов было делом не группой молодых энергичных офицеров, которые образовали кружек и содействовали образованию Генерального Штаба сколько делом общего политического настроения и тех политических перемен которые создались нилитиных наличием хотябы такого учреждения, как государственной думы и наличием общественнойконтроля.

Адм.КОЛЧАК: Несомненно.

Н.А.АЛЕКСЕЕВСКИЙ: Считали ли, Вы Адм., что переменившиеся политические обстоятельства в значительной степени дали этому возможность.

Адм.КОЛЧАК: Конечно, да, хотя, повторяю, оценивая роль генерала адмирала, который тогда была, она всегда представлялась для меня совершенной фикцией,которая не оказывала почти никакого влияния. Алексей Александрович решительно ни во что не входил, я его никогда не видел и ни в какие дела он в сущности не вмешивался. Он имел на-

столько мало влияния,что по моему,это была чистая синекура. Фактического влияния Алексея Александровича на флот,я находясь во флоте,не чувствовал.

Н.А.АЛЕКСЕЕВСКИЙ:Не может Вы смешиваете влияние положительное и отрицательное.Положительного творческого влияния не было отрицательное влияние было все время,потому что через него происходили все назначения,ее представлял,рекомендовал,поддерживал,он создавая органы во флоте,он персонально подбирал лиц, которые,благодаря участию некоторых специалистов,могли составить инструкцию,но о том,как вести практическую стрельбу и проверить,исполняется ли все,что необходимо или нет,они понятия не имели и старые адмиралы не были способны даже это оценить.

Адм.КОЛЧАК:Несомненно могли быть и эти влияния,то управлени флотом,которое было тогда несомненно имело в этом смысле влияние.

Н.А.АЛЕКСЕЕВСКИЙ:В частности,могли ли быть отправлены эскадр Рождественского и Небогатова,если бы существовал Генеральный Штаб или какое нибудь руководство флотом.

Адм.КОЛЧАК:Трудно теперь сказать,но думаю,что они не были бы отправлены.

Н.А.АЛЕКСЕЕВСКИЙ:Таким образом,Вы из неудач войны с Японией не делаете таких политических выводов.

Адм.КОЛЧАК:Нет.Вспышку 1905-06 гг.я приписываю исключительн народному негодованию,оскорбленному национальному чувству за проигранную войну,не повторяю,что я напр.,приветствовал такое явление,как Гос.Дума,которая внесла значительное облегчение во всей последующей работе по воссданию флота и армии.Я сам лично был в очень тесном соприкосновении с Гос.Думой,работал там все время в комиссиях,я знаю,насколько положительные результаты да ла эта работа.

Н.А.АЛЕКСЕЕВСКИЙ:Таким образом в Вас неудачи в Японской вой не не вызвали ни каких сомнений в отношении политического стро и,Вы остались по прежнему монархистом.

Адм.КОЛЧАК:Я остался по прежнему.

Н.А.АЛЕКСЕЕВСКИЙ:И в частности никаких сомнений в династии это не вызвало.

Адм.КОЛЧАК:Нет,я откровенно должен сказать,что ни в отношении династии ни в отношении личности Императора это у меня ни

каких вопросов не вызвало.

Н.А.АЛЕКСЕЕВСКИЙ:Я думую,что для комиссии было бы очень интересно,чтобы Вы раньше,чем перейдете к рассказу о Вашей деятельности,которая приняла оттенок политический,рассказали бы нам о Ваших личных отношениях в некотором наиболее выдным деятелем прошлого режима;к Императору Николаю,к тем Вел.князям, с которыми Вы имели отношения,к некоторым вдохновителям старог режима последнего царствования-Победоносцеву,Плеве,к некоторым министрам,напр.к тому минитсру,который оставался все время при Инмераторе-Барону Фридериксу.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ:Иначе говоря,мирились ли Вы с существованием монархии,являлись ли Вы сторонником ее сохранения или Японская война и революция 1905-06 г.г.внесла изменения в Ваши политические взгляды.

Адм.КОЛЧАК:Моя точка зрения была точкой зрения слежащего офицера,который этими вопросами не занимался.Я считаю,что при нашей присяге моя обязанность заключается в несении службы так как эта присяга этого требовала.Я относился к Монархии,как к существующему факту,не критикуя и не вдаваясь в вопросы по существу об изменениях строя,я был занят тем,чем занимался.Как военный я считал обязанностью выполнять только присягу,которую я принял и этим исчерпывалось все мое отношение.И сколько я припоминаю в этой среде офицеров,где я работал,никогда не возникали и не затрагивались эти вопросы.

Н.А.АЛЕКСЕЕВСКИЙ:Среди военных,как среди всего русского общества условия и политическия события,связанные с династией и в частности с семьей быв.Императора,события последних лет перед Революцией повлияли в значительной степени на разрешение тех симпатий,которые существавали раньше.Военная среда в этом отношении не бфла чужда этой перемены.В частности появление Распутина,его роль,насколько мне известно,повлияли на изменение отношений к династии и в частности к Императору Николя среди военных.Я имею сведения,что и в военно-морской среде существовали такие же настроения.Так вот захватывали ли Вас эти настроения и в какой степени.

Адм.КОЛЧАК:Насколько мы получали эти сведения и в частности о распутинской истории,они глубоко возмущали ту среду и меня,и т тех,которые об этом деле осведомлялись и получали какие нибудь известия.Я напр.помню такой случай.1912 г.когда я плавал на" Уссурийце"верно это или нет,-прошел слух,что Распутинсобирается из Петрограда прибыть на место стоянки императорской яхты в их шхеры и для этого будет дан миноносец.Я помню,со стороны офицеров было такое отношение:чтобы там не было,но я не повезу. пусть меня выгоняют,но я такую фигуру у себя на миноносце не повезу.Это было общее мнение командиров.Но дело в том,что мы в это время плавали,получали такия известия,но на самом деле и не было и никого из нас не звали и никокого Распутина не возили.Эта история глубоко возмущала нас,но непосредственно с ней, мы не соприкосались,никто толком не знал,была масса слухов и разговоров.

В.П.ДЕНИКИН:Мы как будтобы остановились на том,как сложились Ваши воззрения в конце 1906 г.Что же в дальнейшем за этот период времени с 1906г.по 1917 г.ко времени революции происходили ли изменения Ваших политических воззрений и принимали ли Вы какое нибудь прямое или косвенное участие в политической жизни страны.

Адм.КОЛЧАК:Нет.Я не принимал участия,я в это время был занят чисто технической работой,у меня не было времени,я соприкосался с ними, но сколько бывали разговоры.

Н:А.АЛЕКСЕЕВСКИЙ:Здесь уместен один вопрос,который кажется вот чего:Вы сначало нам скажите,имели ли Вы личные отношения с быв.императором и с видающимися членами и деятелями династии и в частности имели ли Вы хоть одно свидание с Распутиным.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ:Я прибавлю,не изменились ли эти отношения до самой революции 1917 г.

Адм.КОЛЧАК:Я никакого участия в политической работе не принимал.Я скажу прежде всего о Государе.Нужно сказать,что до войны-меня выдвинула война-я был слишком маленьким офицером,слишком маленьким человеком,чтобы иметь соприкосновение вообще с к какими нибудь высшими кругами и потому непосредственных сношений с ними не мог иметь,по существу.Я не имел ни связей,ни знакомств,ни возможностей бывать в этой среде,среде придворной, среде правительственной.Соприкасался я с отдельными высшими

правительственными лицами только тогда,когда я работал в Генеральном Штабе,когда я бывал в думе,где мне приходилось встречаться с отдельными министрами,а кроме своего прямого начальства я непосредственно не мог ни с кем сталкиваться.Государя я видел в Могилеве,в Ставе,перед этим я видел его,когда он приезжал на смотры во флот.При дворе я никогда не бывал.В 1912 г. я видал Государя и царскую фамилию,когда царская фамилия стояла на рейде "Штандарт"-в шхерах.Туда были вызваны отряды заградителей для постановки пробных заграждений и отряд миноносцев для конвоирования этих заградителей.Я тогда комендывал "Пограничным".Туда прибыл Эссен.Мой миноносец состоял в распоряжении Эссена.Характера постановок мин был такой,что заградители шли из строя и сбрасывали мины,но для того,чтобы видеть характер этой постановке мой миноносец назначен был идти рядом с ними и видеть эту постановку.Вот на мой миноносец прибыл Государь, свита его и адмирал Эссен.Мой миноносец шел рядом с одним из заградителей "Амуром",который ставил мины.Это был случай,когда Государь был у меня на миноносце,гно так как я был командиром,стоял на миноносце и управлял им,то не мог с ним разговаривать.Затем после окончания постановки мин я прищел на "Штандарт".

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ:Вы уклоняетесь от прямого ответа:были ли Вы монархистом или нет.

Адм.КОЛЧАК:Я был монархистом и несколько не уклоняюсь.Тогда этого впроса:"каковы у Вас политические",никто не задавал. Я не могу сказать,что монархия это единственная форма,которую я признаю,я считаю себя монархистом и не мог считать себя республиканцем,потомучто тогда такого не существовало в природе. До революции 1917 г.я считал себя монархистом.Итак,я был на завтраке на "Штандарте",затем я второй раз выдал Императора в Ревеле,когда Государь прибыл на смотр,на крейсер "Россия".Я тогда стоял во флоте,он приш л,обошел флот,поздоровался с командой и уехал.Никаких других по своему положению я не мог иметь связей.Императрицу я видал единственный раз,когда я был на "Штандарте"-во время завтрака.Из вел.князей до 1917 г.я встречался в Морской Академии с Кириллом Владимировичем,видел я также Вел.князей,когда были смотры.

Н.А.АЛЕКСЕЕВСКИЙ:С Распутиным Вы не разу невидались.

40

А Адм.КОЛЧАК:Нет ни разу не видал.

Н.А.АЛЕКСЕЕВСКИЙ:В числе вещей у Вас есть икона-золотой складен там как будто есть надпись,что она Вам дана от Императрице Александре Федоровне,от Распутина и какого то епископа.

Адм.КОЛЧАК:У меня есть благословение епископа Омского Сильверства,которое я от него получил,эта маленькая икона в голубом футляре.Эта икона принадлежит ему,он получил ее от каких то почитателей с надписью и так как у него другой не было,то он мне эту и подарил.

А.Н.АЛЕКСЕЕВСКИЙ:Мы бы хотели,чтоб Вы нам сказали,не касаясь всех событий,какие пришли после февральских переворотов,изменились ли Ваши политические взгляды за это время и какими они представляются в настоящее время.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ:Какова была Ваша общая политическая позиция во время революции.

А.Н.АЛЕКСЕЕВСКИЙ:Если угодно,мы зафиксируем в протоколе,что с Вашим представителем прошлого режима личных отношений Вы не имели.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ЧУДНОВСКИЙ:Мы бы хотели знать в своих общих чертах Ваши политические взгляды во время революции,о подробностях Вашего участия Вы нам расскажите на следующих допросах.

Адм.КОЛЧАК:Когда совершился переворот,я получил извещение о событиях в Петрограде и о переходе власти Государственной Думы непосредственно от Родзянко,который телеграфировал мне о этом.Этот факт и приветствовал всецело.Для меня было ясно,как и раньше что то правительство,которое существовало предшедствующие м-цы,Притопопов и т.п.не в состоянии справится с задачей ведения войны,ия вначале приветствовал самый факт вступление Государственной Думы,как высшей правительственной власти.Лично у меня с Думой были связи,я знал много членов Гос.Думы,знал, как честных политических деятелей,совершенно доверял им и приветствовал их выступление,так как я лично относился к существующей перед революцией власти отрицательно,считая,что из всего состава министров единственный человек,который работал,это был Морской Министр Григорович.Я приветствовал перемену правительства,считая,что власть будет принадлежать людям,в политической честности которых я не сомневался,которых знал и поэтому мог

отнестись только сочувственно к тому, что они приступили к власти. Затем, когда последовал факт отречения Государя, ясно было, что уже монархия наша пала и возвращения назад не будет. Я об этом получил сообщение в черном море, принял присягу вступившему тогда первому нашему временному Правительству. Присягу я эту принял по совести, считая это правительсво, как единственное правительство, которое необходимо было при тех обстоятельствах признать и первый присягу эту принял. Я считал себя совершенно свободным от всяких обязательств по отношению к монархии и после совершившегося переворота стал на точку зрения, на которой я стоял всегда, что я в конце концов не той или иной форме правительсва, я служу родине своей, которую ставлю выше всего и считаю необходимым признать то правительство, которое об"явило себя тогда во главе Российской власти. Когда совершился переворот, я считал себя свободным от обязательств по отношению к прежней власти. Мое отношение к перевороту и к революции определилось следующим. Я видал, что положение на фронте у нас становится все более угрожающим и тяжелым и что война находится в положении весьма неопределенным в смысле исхода ея. Поэтому я приветствую революцию, как возможность расчитывать на то, что революция внесет энтузиазм, как это и было у меня в Черноморском флоте вначале - в народные массы и даст возможность закончить победоносно эту войну, которую я чтал самым главным ми самым важным делом, стоящим выше всего и образа правления и политических соображений.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Как Вы относитесь к самому существу вопроса сверхения монархии и какова была Ваша точка зрения на этот вопрос.

Адм. КОЛЧАК: Для меня было ясно, что монархия не в состоянии довевси эту войну до конца и должна быть какая то другая форма правления, которая может закончить войну.

А.Н. АЛЕКСЕЕВСКИЙ: Не смотрели ли Вы слишком професионально на этот вопрос.

Адм. КОЛЧАК: Я не могу сказать, чтобы я винил монархию и самый строй, создавший такой порядок; я откровенно не могу сказать, чтобы причиной была монархия, ибо я думаю, что и монархия могла вести войну. При том же положении дела, какое существовало, я ви-

дел,что какая нибудь,должна быть,и переворот этот я главным образом приветствовал,как средство довести войну до счастливого конца.

Н.А.АЛЕКСЕЕВСКИЙ:Но перед Вами должен был встать вопрос о дальнейшем:какая форма государственной власти должна существовать,после того,как это будет доведено до конца.

Адм.КОЛЧАК:Да,я считал,что этот вопрос должен быть раньше каким то представительным учредительным органом,который должен установить форму правления и что этому органу каждый из нас должен будет подчиниться и принять ту форму государственного правления,которую этот орган установит.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ:На какой орган по Вашему мнению могла быть возложена эта задача.

Адм.КОЛЧАК:Я считаю,что это должна быть воля Учредительного Собрания или Земского Сбора.Мне казалось,что это неизбежно должно быть так как правительство должно было носить временный характер как оно заявило.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ:Какой образ правления представлялся Вам лично для Вас наиболее желательным.

Адм.КОЛЧАК:Я затрудняюсь сказать,потому что я тогда об этом не мог еще думать.Я первый признал Временно Правительство, считал,что как временная форма,оно является при данных условиях желательным,его надо поддержать всеми силами,что всякое противодействие ему вызвало бы развал в стране,и думал,что сам народ должен установить в Учредительном органе форму правления и какую бы форму он не выбрал,я бы подчинился.Я считал,что монархия вероятно,будет совершенно уничтожена для меня было ясно,что восстановить прежнюю монархию невозможно,а новую династию в наше время уже не выбирают,я считал,что с этим вопросом уже покончено и думал,что вероятно,будет условлен какой нибудь республиканский образ правления,и и этот республиканский образ правления я считал отвечающим потребностям страны.

А.Н.АЛЕКСЕЕВСКИЙ:Не возникали ли у Вас лично и вообще в офицерской среде мысль,что отречение Николая II произошло не совсем на тех формах,которые бы позволили военным делам считать себя совершенно свободными от обязательств по отношению к монархии.

Я предлагаю этот вопрос потому,что Император Вильгельм,когда отрекался,специальным актом освободил военных от верности присяги,данной ему не возникалали у Вас о том мысль,что такого рода акт должен был сделать и Император Николай.

Адм.КОЛЧАК:Нет,об этом ни когда не поднимался вопрос,Я считаю -что раз Император отрекся,то этим самым он освобождает о всех обязательств,которые существовали по отношению к нему,и когда последовало отречение Михаила Александровича,то тогда было ясно что с монархией дело было покончено,Я считал необходимым поддерживать временное правительство совершенно независимо от того, какое оно было,так как было время войны,нужно было,чтобы власть существовала,и как военный я считал нужным поддерживать ее вооруженными силами.

Допрос Чрезвычайной Следственной Комиссии Адмирала Колчака 24 января 1920 года.

Адм.КОЛЧАК.:Прошлый раз,когда я говорил о черном море,я упустил одно событие,которое м.б.представляет некоторый интерес. Затем,когда Вы спросили,с кем из Вел.Князей я виделся,я упустил из виду одну подробность.Одно из этих событий был взрыв происшедший 7 ноября на дредноуте "Марии".Что же касается свидания с Вел.Князьями,то я упустил из виду,что я видился с Николаем Николаевичем,который был тогда Главнокомандующим,в Барановичах,куда я ездил из Балтийского моря.Затем я виделся с ним перед Революцией в Батуме.

АЛЕКСЕЕВКИЙ:Что касается взрыва,то было бы важно,чтобы Вы сказали,чему Вы,после расследования,приписывали взрыв и последовавшую гибель броненосца.

Адм.КОЛЧАК:Насколько следствие могло выяснить,насколько это было ясно из всей обстановки,я считал,что злого умысла здесь не было.Подобных взрывов произошел целый ряд и на границей во время войны - в Италии,Германии,Англии.Я приписывал это им совершенно предусмотренным процессом в массах пороха которые заготовлялись за время войны.В мирное время эти пороха изготовлялись не в таких количествах,поэтому было более тщательная выделка их на заводах,во время войны,во время усиленной работы на заводах,когда вырабатывались громадные количества этих порохов,не было достаточно технического контроля, и в этих порохах являлись процессы саморазложения,которое могло вызвать взрыв.Другой причиной,могла явиться какая нибудь.неосторожность,которой,впрочем, не предполагаю.Во всяком случае никаких данных,что это был злой умысел,не было.

АЛЕКСЕЕВСКИЙ:Как относились Вы к Николаю Николаевичу,как Главнокомандующему и считали ли замену его,как Главнокомандующего,бывш.Императором полезным для войны событием,или вредным?

Адм.КОЛЧАК:У Николая Николаевича я был в первый раз в 1914 1915 г.на второй год войны,когда я был послан Адм.Эссеном для доклада ему о положении дел в Балтийском море и о возможности совместных действий с армией на берегах этого моря.Ставка была тогда в Барановичах и я ездил туда.В Барановичах я пробыл 2-3 суток.

С Николаем Николаевичем я говорил очень мало и работал главным образом по этим вопросам в его штабе. Второй раз я виделся с ним в Батуме. Как раз, первое известие о Революции в Петрограде я получил в Батуме. Николай Николаевич в это время был командующим Кавказской армией и я был вызван туда для решения вопроса устройства портов побережья, устройство Трапезунского порта, где была главная база снабжения Кавказской армии, и вопросов о перевозках по Черному морю. Я тогда как и раньше считал Николая Николаевича самым талантливым из всех лиц Императорской фамилии. Поэтому я считал, что раз уже назначение состоялось на императорской фамилии, то он является единственным лицом, которое, действительно, могло нести обязанности главнокомандующего армией, как человек, все время занимавшийся и близко знакомым с практическим делом и много работавший в этой области. Таким образом, в этом отношении Николай Николаевич являлся единственным в Императорской фамилии лицом, авторитет которого признавали и в армии и везде. Что касается до его смены, то я всегда очень высоко ценил личность генер. Алексеева и считал его, хотя до войны мало встречался с ним, самым выдающимся из наших генералов, самым образованным, самым умным, наиболее подготовленным к широким военным задачам. Поэтому я крайне приветствовал смену Николая Николаевича и вступление Государя на путь верховного командования, зная что н-ком штаба будет Ген. Алексеев, что для меня являлось гарантией успехов в ведении войны, ибо фактически Н-к штаба верховного командирования является главным руководителем всех операций. Поэтому я смотрел на назначение государя который очень мало занимался военным делом, чтобы руководить им, только как на известное знамя, в том смысле, что верховный глава становится вождем армии. Конечно, он находится в центре управления но фактически всем управлял Алексеев. Я считал Алексеева в этом случае выше стоящим и более полезным чем Николай Николаевич. Насколько я помню, Алексеев последнее время был Н-ком Штаба у Николая Николаевича.

Возвращаясь к рассказу о перевороте, должен сказать, что первые сведения о перевороте, происходящем в Петрограде, я получил,

находяст в Батуме с двумя минными судами,куда пришел по вызову главнокомандующего Кавказским фронтом Николая Николаевича для решения вопроса о снабжении Кавказской армии морями и в частности вопроса об устройстве Трапезундского порта,которым мы должны были принять насебы,устройство молов и т.д.С этой целью я прибыл в конце февоаял в Батум,пройдя под Антонолейским побережьем и пройдя Трапезунд.Главнокомандующий Кавказской армией прибыл в Батум к этому времени с свои поездом.В течении первого же дня он познакомил меня со своими требованиями и пожеланиями. Мы затем обсуждали вопрос кв какой мере и в какой срок мы в состоянии выполнить его.Вечером на второй день,насколько помню, я полунил шифрованную телеграмму из Севастополя от Морского министра Григоровича,что в Петрограде происходит восстание войск что существующая власть дезорганизована и что комитет Гос.Думы взял на себя функцииправительства.Вот содержание этой телеграммы Насколько помню,последние слова этой телеграммы были успокоительного характера-в настоящее время волнение утихает.Это была первая телеграмма,которую я получил о событиях в Петрограде.Тогда я обратился к Н-ку Штаба Николая Николаевича ген.Янкушкевича и спросить его имеет ли он какие нибудь сведения о событиях. Он сказал,что пока у него нет ни каких сведений.Тогда я сказал ему прошу долложить Вел.Князю,что я должент итти в Севастополь что я прошу меня больше не задерживать,так как хотел сейчас же выйти из Севастополя.Янушкевич долокил Вел.Князю,который вызвал меня и спросил телеграмму.Я показал ему телеграмму,он прочел телеграмму,пожал плечами и сказал,что ему ничего неизвестно, но что мне известны его основные пожелания и поэтому он меня не задерживает.Вечером в тот же день я вышел из Батума в Севастополь.По дороге я принял открытое немецкое радио/из Константинополя,где была мощная радио станция,которая рисовала потрясающую картину событий в Петрограде,что в Петрограде присходит Революция,идут страшные бои и кровопролитие.Словом все эти

сведения были сгущены и утрированы,как оказалось впоследствии. Суть конечно была справедлива.Но форма и тон,которым излогалось все это не соответствовали действительности.Радио было немецкое на испорченном русском языка с болгарскими оборотами,очевидно его передовалинакой нибудь болгарин специально по русски с тем, чтобы его приняли все станции.Когда я прибыл в Севастополь,то первым вопросом,который я задал Н-ку штаба,был вопрос-имеется ли у него какие нибудь сведения о происходящих событиях.Он ответил мне,что никаких сведений у него нет и что он знает только,ч что в Петрограде происходит какое то восстание войск,что больш ни чего он не знает и ни каких данных относительно этого не имеет.Вечером я получил телеграмму от Родзянко,в которой он извещал,что правительство пало,что власть перешла к Комитету Госуд. Думы и что он просит меня соблюдать полное спокойствие,что все идет к благу родины,что прежнее правительство оказавшееся несостоятельным,будет заменено новым,и что он просит меня принять меры,чтобы не было никаких осложнений и эксцессов.Вот приблизительное содержание.Вслед за этим был целый ряд радио из Константинополя,которые сообщали что на фронте и в армии происходят бунты,что немцы победоносно подвигаются вперед и что в Балтийском флоте происходит полное восстание и избиение офицеров.Я лично сразу же отнесся к этому Константинопольскому радио,как к совершенно определению провокации,но препятствовать передаче было совершенно невозможно,так как все радио принимаются на судах дежурными телеграфистами.Тогда я издал приказ,в котором упомянул,что такие радио даются наших врагам,очевидно не для того,чтобы сделать для нас что нибудь полезное и поэтому я обращаюсь ко всем командам с требованием,верить только мне,моим сообщениями и что со своей стороны обещаю оповещать их о том, что будет мне известно и прошу их не придавать никакого значения слухам ич то если команды будут обращаться в случае каких либо сомнений ко мне,то я буду давать соответствующия раз"ясне Этот мой приказ сыграл большую роль:команды не верили циркулирующим в то время слухам,оказав мне полное в этом смысле довер

я

со своей стороны сделал так как обещал: все что я ни получал все дальнейшие подробности опроисходящих событиях, я немедленно выпускал из штаба и широко распространяя для сведения команд в городе.. Таким образом, все вздорные сообщения, которые шли и тем и другим путем - и через неприятельское радио и изнутри никакого впечатления не производили, так как считались только с теми данными, которые я сообщал командам. Затем совершенно неожиданно я получил телеграмму от Алексеева в которой он сообщал текст телеграммы за подписью главнокомандущег ск командующих армиями. Под этой телеграммой подписалося Николай Николаевич, ген. Рузский, Эверт, сам Алексеев и, кажется, ген. Щербачев, бывший на юго- западном фронте. В этой телеграмме они предлагали государю отречься от престола. Я сейчас же оповестил всех об этой телеграмме. Вслед за этим получилось извещение, что произошло отречение от верховной власти в лице государя и наследника. Предполагали, что верховную власть возьмет Михаил Александрович. Вскоре и это недоразумение разъяснилось когда пришла телеграмма, сообщая об отказе Михаила Александровича. Вслед за этим была получена телеграмма от кн язя Львова об образованиии первого министер ства. Получивши эту телеграмму, я сейчас же разослал ее по всем судам, и так как я не мог объехать все суда, то собрал команды на моем флагманском судне " Георгий Победоносец", когда они собрались я прочел манифест и сказал, что в настоящее время прежней власти не существует, династия, видимо, кончила свое существование и наступает новая эпоха. При этом я обратился к ним и сказал, что какие бы ни были у нас взгляды, каковы бы ни были наши убеждения, но мы ведем войну и потому мы имеем обязательства не только перед правительством или той властью, которая существует, но мы имеем большие обязательства и перед нашей родиной. Какое бы правительство не существовало у нас, оно будет продолжать войну и мы будем выполнять свой долг также, как и до того времени. За тем я указал, что в такое время, как то, в котором мы находимся, правительству будет чрезвычайно трудно и потому я считаю необходимым оказать ему всемерную поддержку первый стою за это правительство и считаю необходимым в ближайшие дни приягнуть ему на службу. Вот та речь с которой я обратился к командам. Она произвела повидимому, чрезвычайно благоприятное и спокойное впечатление

49 ST

ние. Среди команд в это время никакие в силу предоставленных правительством прав, возникли комитеты, стали устраиваться митинги. Я бывал несколько раз на этих собраниях и разъяснял командам то,что происходит , делился с ними своими соображениями относительно того ,что будет дальше, но везде неизменно указывал на одно § " покуда война не закончена , я требую ,чтобы Вы выполняли свою боевую работу также , как выполняли раньше ,чтобы в этом отношении всеми , начиная с командного состава , и кончая самыми младшими матросами , мне была бы оказана помощь ,чтобы у меня была уверенность ,что каждое мое приказание относящееся до боевых действий флота, будет немедленно выполнено". Мне это обещали,я в этом отношении не могу сделать никаких упреков никому из команды.

Алексеевский: Я хотел бы вопрос о вашем отношении к приказу № I.

Адм.Колчак: Приказ № I сообщен ЦарскоеСельской радиостанцией на подписью Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, когда на одном из митингов , на котором собралось огромное число свободных от службы команд, меня спросили, как относиться к этому приказу. Я сказал ,что для меня этот приказ, отданный Советом Рабочих и Солдатских Депутатов , не является ни законом ни актом , который следовало бы выполнять , пока он не будет санкционирован правительством , так как в силу настоящего положения Советы Рабочих и Солдатских Депутатов могут собираться любом месте, в любом городе , и почему в таком случае приказ Петроградского Совета является обязательным , а не обязателен приказ Совета в Одессе или в другом месте. Во всяком случае, я считаю ,что этот приказ не имеет для меня никакой силы и я буду выполнять только те приказы , которые буду получать или от правительства или от ставки. Команды к этому отнеслись совершенно спокойно никаких вопросов мне не задавали. Когда пришло от Гучкова известие распоряжение ,то было проведено в жизнь без возражение с моей стороны.

Алексеевский: Был ли образован Обще-флотский Комитет Совета матросских Депутатов до всего Черноморского флота.

Адм. Колчак: Комитеты были образованы в Севастополе и Одессе и др. портах, согласно предложению правительства. Первое время отношения между мною и комитетом были таковы, что все постановления комитета были легализированы. Моим приказом было назначено время выборов лиц и эти Комитеты, в составе которых входили офицеры и команды. Первое время отношения были самые нормальные. Я считал, что в переживаемый момент необходимы такие учреждения, через которые я мог бы сноситься с командами. Больше всего, я скажу даже, что вначале эти учреждения вносили известное спокойствие и порядок. Дело было поставлено таким образом, чтобы все постановления Комитета мне докладывались: ко мне являлись периодически несколько раз в неделю либо председатель Комитета, либо его заместитель, приносили постановления Комитета мирия и спрашивали меня, какими я согласен или какие я считаю неприемлемыми, в силу известных обстоятельств. Некоторое время такой порядок и существовал. С некоторыми постановлениями я соглашался, некоторые предлагал снова пересмотреть, а некоторые считал невозможными для осуществления. Таким образом в этом отношении работа не вызывала никаких трений. Так продолжалось первый месяц. Затем произошло явление такого рода. Рабочие порта также образовали у себя Совет Рабочих Депутатов, но этот Совет не слился с флотским Комитетом и существовал независимо, слияние произошло проще, примерно в мае месяце. Нужно сказать, что рабочие Севастопольского порта прямо заявили мне, что они будут поддерживать меня во всех военных работах, что выполнять свои работы, также, как и ранные и даже вначале заявили мне, что они не признают 8-ми часового дня и будут работать столько сколько потребуется для военных надобностей флота. Такое заявление установило самое лучшее отношение с рабочими Севастопольского порта, но во всех тех постановлениях которые касались известных экономических вопросов, которые я мог своей властью разрешить, я всегда шел им навстречу. Обычно ко мне являлся Васильев Председатель Совета Раб.Деп. Севастопольского порта и мы с ним очень долго обсуждали эти вопросы, некоторые я удовлетворял, другие направлял в дальнейшую инстанцию- ставку и сообщал правительству. Я был чрезвычайно обязан покоен тем обстоятельством, что в связи со всеми этими радио, неприятель,

51

предполагая, что у нас во флоте наступил полный развал, может войти в море неожиданно. Поэтому в ближайшие дни разъясним командам, почему я это делаю и указав на то, что я очень боюсь что нами совершенно неожиданно будет произведено нападение я сделал демонстрацию и вышел с флотом в море. Я показался по обе стороны Босфора в виду берегов, чтобы противник знал, что революция революцией, а если он попробует явиться в Черном море, то встретит там наш флот, это имело повидимому положительные результаты, потому что в связи с этим неприятель никаких активных действий не проявлял: все оставалось так как раньше. Так продолжалось приблизительно с неделю. Я не скрою, что в этом отношении много способствовал известному порядку и лойальности, которую проявили эти учреждения, в отношении меня и командования, Начальник Штаба ударной дивизии десанта, который готовился у меня, Верховский, который впоследствии был вызван Керенским в Москву и был затем военным министром. Он был товарищем или заместителем председателя в этом Совете и внес много успокоения, много порядка во всю работу эту. Так продолжалось недели 2 - 3, затем начали проявляться тенденции несколько ху дшего порядка: начались прежде всего просьбы об увольнении в отпуск. В отпуск стали проситься целыми массами, так что я не знал, что делал с этим стихийным движением, приходилось чуть ли не выводить некоторые суда из строя. Затем начались различные несогласия между с офицерами. Первое заявление мне было сделано по поводу некоторых офицеров с немецкими фамилиями, что немцев надо изъять всех полностью. На это я ответил, что у нас в России существует масса людей с немецкими фамилиями, которые также, и может быть больше работали для блага родины, чем люди, носящие русские фамилии, что у нас в России фамилия решительно ничего не значит удалить офицера только потому, что он носит немецкую фамилию нет решительно никаких резонов. Я сказал им, если они имеют какие либо конкретные факты, определенные поступки, что пусть доложат мне и мы разберемся, но выгонять людей только за то, что они носят немецкую фамилию, нет решительно никаких оснований. Я указал им на то го же адмирала Эссена, Ливена и др. С этим вопросом было быстро покончено и он больше не поднимался,

52

По вслед за этим начались всевозможные беспорядки с офицерами: требования об удалении их, перемещение и т.д., может быть некоторые разногласия/возвдось и окрашивалось в известных столкновениях между офицерами и матросами, но большая часть была лишена какого-либо основания. Я делал в этом отношении что возможно, что возможно стерпеть. Боевая готовность флота в это время совершенно не прерывалась: все шло как шло раньше. Я был настолько убежден в этом, что разрешал какой нибудь митинг, знал, что стоит только подать сигнал, как все, кто нужен на судах, бросят этот митинг и хлынут на корабль и пойдут куда угодно: Поэтому у меня была полная уверенность, и с этой стороны я считал себя совершенно спокойным. Так шло все первое время, пока к нам никто также не являлся и пока мы оставались сами собой. Затем начался приезд всевозможных депутаций из Балтийского флота. Вместе с этим, к нам хлынула масса самых подозрительных и неопределенных типов, началось веление совершенно определенной программы, направленной к развалу флота, начали обливать офицеров в газетах, и обслуживания интересов буржуазии. Вид клеток прежних подводных плавания, подводных лодках в числе других знаков было внесено требование-Босфора и Дарданелл. Вокруг этого была страшная полемика: говорили, что Босфор и Дарданеллы нужны только буржуазии вообще выставлялись те мотивы, которые выставлялись обычно при борьбе с первым правительством. Тогда уже начали появляться первые признаки развала, который быстро пошел среди команд. Нельзя это сказывалось на рабочих, нужно сказать, что рабочие Черноморского флота стояли, если можно так выразиться выше команд в смысле дисциплины, порядка и организованности, прямо докладывал правительству и приносил извинение конфликтов спокойствию именно внешнему со стороны рабочих и их органов. Когда под влиянием пропаганды Совет Рабочих Депутатов поднимал вопрос, что надо требовать ликвидации войны и т.д., рабочие приходили успокаивали их и вносили известное успокоение своим трезвым спокойным отношением ко всем событиям. В половине апреля, мне стало ясно, что дело пойдет таким образом, то несомненно дело кончится так же как и в Балтийском флоте, т.е. полным развалом и невозможностью дальше продолжать войну. В половине апреля я выехал в Одессу привезал Гучков, который вызвал меня. В апреле месяце приблизительно 12 - 15 числа, я приехал в Одессу, где Гучков с большим подъемом демонстративно принимали, как нового военного министра.

53

Гучков был болен, встретившись со мной, он обратился ко мне с вопросом как у меня дела. Нода сказать, что в Одессе я был на судах которые там стояли и у них тоже был сравнительный порядок, на вопрос Гучкова я сказал что меня чрезвычайно заботит то направление, тот путь, по которому пошел Черноморский флот под влиянием измен, под влиянием пропаганды и появлением неизвестных лиц, бороться с которыми я не могу, так как теперь под видом свободы, может говорить кто угодно и что угодно. Гучков на это ответил" я надеюсь, что Вам удастся с этим справиться, у Вас до сих пор ило все настолько хорошо, что правительство выражает твердую уверенность что Вам удастся справиться с этим направлением. Я ответил на это, что до сих пор для того, чтобы справиться с этим, у меня оставалось только одно средство - мое личное влияние, уважение ко мне, мои личные отношения к командам и рабочим, которые, я знаю, доверяют мне и верят. Но это средство является таким средством, которое сегодня есть, а завтра рухнет и тогда уже у меня не будет никаких средств, так как постановлением правительства, я в сущности лишен возможности влиять и бороться с этим, если бы и считал необходимым вступить в борьбу. Вот на чем держится пока Черноморский флот, но я считаю почву настолько шаткой, что завтра я, может быть точки опоры и не буду иметь и тогда я уже не в состоянии буду что либо сделать. До этого времени мне доносили подробно о всех происходящих на митингах, о ходе пропаганды, которая шла во флоте, также как и в армии но при этом я должен отметить что за весь этот период времени это меня не касалось и личности моей никто не задевал и не затрагивал. Так как Гучков в это время был болен, то переговорить обо всем он со мной не мог и сказал мне, что в ближайшие дни вызовет меня в Петроград. Около 22 -х чисел апреля, я был в Петрограде по вызову князя Львова для доклада о положении вещей. Кроме того меня вызвал и генерал Алексеев, который приехал в Петроград для обсуждения общего положения, для чего вызывались все командующие армиями. Перед уходом из Севастополя, я собрал все команды сообщил им о своем отъезде и спросил их, имеются ли у них какие либо настоятельные нужды и требования, чтобы я мог передать их правительству, заявлений никаких не было сделано и я уехал.

АЛЕКСЕЕВСКИЙ: Я бы хотел поставить вопрос ,ведь за это время во флоте ...мно и произошли большие события, в том числе большое возмущение матросов в ...ва/воз- Кронштадте,тв результате которого погибло несколько офицеров , в том ...звала в числе и адмирала Непенин. Какое впечатление произвели эти события на флот.

...л ли ...вести до ...была

Адм.КОЛЧАК: Эти события были в начале марта.Непенин был убит в первые дни революции. В Черноморском флоте эти события не произвели особого впечатления , может быть потому ,что сведения об этих событиях пришли с большим опозданием . Сначала об этом был только ряд слухов,официально ...лько,что не об этом никто нам не сообщал. Я узнал об этом только через неделю. ...ходимо. До этого передавалось как слух, что в Балтийском флоте беспорядки, что ...вызовет убит Непенин , убиты офицеры . Может быть благодаря этому , известие об ...ся пере- этом не произвели особого впечатления. Насколько было лояльно в начале ...бщее настроение флота , можно видеть из того ,что у меня весь флот принял ...люцию, присягу. Для этого все офицеры и судовые команды , свободные от служб... ...ое ста- были собраны в одно место. Я первый произнес торжественную присягу на верн... Поко- ность новому правительству ,которую повторил весь наличный состав. Таким ...но,что образом около 80 -х чисел апреля я приехал в Петроград. Прежде всего я ... войны, явился к Гучкову, военному и морскому министру , который все еще продол- ... с Рер- жал болеть и не выходил из своей квартиры на Мойке и даже принимал меня ... разо- первый день лежа в постели. В это время настроение в Балтийском флоте было ...которая таково ,что при свидании с офицерами я спросил их о положении вещей,то они ответили мне, что ожидают на днях повторения того,что было , т.е. ...ирует нового избиения офицеров. Большую роль в это время играл адмирал Мак- ...Грен- симов, деятельность которого носила почти преступный характер,он чрез- ...дое вычайно быстро перекрасился успев какую то скверную демагогическую окра... ...о,что ку и на этом все время вел игру , по существу не имея ничего подобного р... .В от- ньше и будучи наоборот убежденным митаристом в демагогическом направ- лении.

...дел

В связи со всеми событиями этими , Максимов не был даже принят Гуфко- вым и вместо него представителем Балтийского флота был начальник штаба капитан I -го ранга Черниховский. Максимов должен был приехать, как коман-

55. 74 77

дующим Балтийским флотом с докладом к Гучкову, но в виду то ,что в Гельсингфорсе обстановка ,в чем инозем был Максимов,то Гучков заявил ,что он не желает видеть Максимова и тогда с докладом к нему явился Начальник Штаба Черкасский. Гучков сообщил мне о создавшемся положении, и сообщил ,что в Балтийском флоте появляется много беспорядка,что с Кронштадтом ничего нельзя сделать,причем сказал,что главную вину и ответственность за происходящее на Балтийском флоте - он возлагает на Максимова ,что его неприличная работа , направленная в демагогическом духе ,привела и приводит к таким последствиям ,которые не дают уверенности, что Балтийский флот будет существовать к весне.

С моей точки зрения может быть , вина была не столько Максимова , сколько причина крылась в положении нашего флота , стоявшего в Ревеле и Гельсингфорсе. Я совершенно определенно считал,что главной причиной этих событий была немецкая работа. Гельсингфорс буквально кишел тогда немецкими шпионами и немецкими агентами так как по самому положению Гельсингфорса, как финского города контроль и наблюдение над иностранцами была страшно затруднены, ибо фактически, отличать немцев от финов или шведов почти не было возможности. Что касается того , что разница в настроении Балтийского и Черноморского флота могла находиться в зависимости от состава офицеров, то я считал ,что это существенного значения не могло иметь, ибо состав офицеров флота выходит из одного источника. Никаких особых привилегированных групп во флоте не существовало, так как офицерство в Балтийском и Черноморском флоте распределялось главным образом, по месту рождения, южане шли на юг, те же которые были с севера, шли в Балтику. Поэтому эта сторона никакого влияния на настроение флота иметь не могла. Разницу в настроении я приписываю согласно тем данным, с которыми я познакомился, исключительно работе немецкой, которому в Балтийском флоте было гораздо легче влиять на настроение команд чем в изолированном Черноморском флоте, который по первых - почти все время плавал и находился в движении. Балтийский же флот несколько месяцев находился в портах, когда устанавливалась тесная

56 56

связь с берегом. Вот главная причина этого явления все остальные являются уже неосуществимыми. Затем Гучков, выслушав доклад Черняевского о положении дел в Балтике. Черняевский сообщил о выставленном командами требовании, чтобы судна управлялись Комитетами, о том, что командование должно быть на выборных началах и о целом ряде требований относительно офицеров. Было выставлено требование относительно проведения полного выборного начала флоте, чтобы офицеры могли бы оставаться на судах после санкционирования их командования и целый ряд других требований о которых Черняевский подробно доложил. Я в свою очередь обрисовал то, что делается у меня на Черном море, тогда Гучков сказал мне " я не вижу другого выхода, как назначить Вас командовать Балтийским флотом"; Я ответил: " если прикажете, то я сейчас же поеду в Гельсингфорс и подниму свой флаг, но повторяю, что я считаю, что у меня дело закончится тем же самым, что у меня в Черном море события происходят с некоторым запозданием, но я глубоко убежден, что та система, которая установилась по отношению к нашей вооруженной силе, и те реформы, которые теперь проводятся, неизбежно и неуклонно приведут к развалу нашей вооруженной силы и вызовут то же самое явление, как и в Балтийском флоте. Я указал, что у меня во флоте вовсе не так благополучно, как кажется. Надо сказать что перед этим правительство прислало мне благодарность и выражение доверия за мою работу в Черноморском флоте. Я указал, что дело обстоит не так благополучно, как кажется со стороны и просто лишь в силу изолированного положения флота, в силу ряда причин, которых не было в Балтийском флоте, события протекают с задержкой, но я глубоко уверен, что в конце концов, кончится тем же. Поэтому я сказал Гучкову: " если прикажете, я сейчас же вступлю в командование Балтийским флотом, но вряд ли я смогу помочь и сделать что нибудь". Гучков сказал, что он подумает еще раз и спросил меня: " ведь Вы не откажетесь принять это назначение. Я сказал, что привык исполнять приказания и что если прикажут я сейчас поеду в Гельсингфорс." На этом кончилось мое первое свидание с Гучковым.

57 56 57

Тогда же я получил предложение приехать к Родзянко к завтраку. В разговоре Родзянко высказал оптимистический взгляд относительно положения в Черном море. Я сказал ему, что у меня идет такой же внутренний развал как и везде, пока мне удается сдерживать это движение, действуя на остатки благоразумия, но что в настоящее время уже есть признаки, что это благоразумие теряет и я опасаюсь повторения такого же взрыва, который был в Балтийском флоте и что совершенно не верю в благополучие, которое часто внешнего свойства. Родзянко задал вопрос " что же делать по Вашему мнению" . Я сказал, что развитие, с пропагандой совершенно неизвестных безответственных типов, совершенно неизвестно откуда появившихся, которые ведут совершенно открыто работу против войск и против правительства. Пока меня еще не тронули, и я пользуюсь известным влиянием, которое у меня еще осталось, но, вероятно, на днях и это кончится. Я сказал, что я считал к кому мне обратиться, кто мог бы помочь мне в этом деле. Родзянко спросил меня обращался ли я к каким нибудь политическим партиям, чтобы они помогли бы мне в этом деле. Я сказал, что пока еще не обращался. Родзянко предложил мне просить к Плеханову и поговорить с ним, может быть он даст совет, даст указания как лучше поступить в этом деле. Я поехал к Плеханову, изложил ему создавшееся положение и сказал, что надо бороться как с совершенно открытой и явной работой разложения, которая ведется в полку и обращаюсь к нему, как к главе или лицу известному с.д. партии с просьбой помочь мне, прислать своих работников, которые могли бы бороться с этой пропагандой разложения, так как другого способа бороться в настоящую в силу создавшегося положения, когда под видом свободы в армию злоумышленники вносят что угодно. Насильственными мерами прекратить в силу постановления центральных, я этого не могу, и следовательно только этот путь бороться с пропагандой. Плеханов сказал мне: конечно, в Ваших положениях, я считаю этот способ единственным, но этот метод является в данном случае невозможным" Во всяком случае, Плеханов обещал мне содействие в этом направлении, при чем указал, что правительство не управляет событиями, которые оказалось сильнее его. "Вы знаете

58 40

спросил меня он " , что сегодня должно быть выступление войск , что сегодня около трех часов должны выступить войска с требованием смены части правительства".

Это было 21 - 22 апреля , как раз в этот день около 4 -х часов, было назначено заседание правительства на квартире Гучкова на Мойке. Плеханов заметил , что это выступление будет пробой правительства : раз правительство не будет в состоянии справиться с выступившими против него, то какое же это правительство. По всей вероятности, оно должно будет пасть." Я лично думаю " сказал Плеханов, что все не так мы хотели или предполагали, события принимают стихийный характер и в этом случае отдельные лица или отдельные группы могут только до известной степени задерживать или способствовать течению но я сомневаюсь ,чтобы мы могли в ближайшие дни что нибудь сделать.

Вот суть его отношения.Тогда все это выступление базировалось, главным образом, на почве империалистической политики правительства - стремление получить Босфор и Дарданеллы,что вызвало требование смены Гучкова и Милюкова, как носителей этой тенденции. Плеханов, в разговоре со мной, сказал такую фразу " отказаться от Дарданелл и Босфора, все равно ,что жить с горлом, залитым чугунными ранами. Я считаю, что без этого Россия никогда не в состоянии будет жить так как она хотела бы" От Плеханова я отправился прямо на совещание совета министров , которое происходило на Мойке , в кв. Гучкова .Когда я проезжал по Невскому и Морской , то мне начали попадаться отдельные войсковые части: там был финляндский полк и насколько помню, Измайловский. Вся эта демонстрация стекалась на Марсово поле , перед Мариинским дворцом , где обычно заседало правительство.В данном же случае демонстранты сделали ошибку, не зная ,что из за болезни Гучкова ,правительство заседает не в Мариинском дворце , а на Мойке. Поэтому демонстрация происходила перед пустым фактически,Мариинским дворцом. Здесь в присутствии всего правительства, заседавшего под председательством кн.Львова я подробно доложил все, о чем уже упоминал раньше , о положении на Черном море и о том ,чему это ,по моему мнению , должно привести . В это время получено известие об этой демонстрации и о требованиях убрать Гучкова и Милюкова из состава

59 Д Н

правительства. Как резюме этих разговоров, было сказано, как будто Милюковым " Мы можем обсуждать здесь и говорить о чем угодно, а может быть через некоторое время, мы все вкорпоре будем сидеть в Крестах или в крепости". С разумностью такого взгляда нельзя было не согласиться. Как раз перед концом заседания, прибыл генерал Корнилов, как потом, из Царского села, | я его в первый раз тогда видел |. Корнилов сказал, что в городе происходит вооруженная демонстрация войск против правительства, что он располагает достаточными силами, чтобы прекратить это выступление и, в случае, надобности, если бы произошло вооруженное столкновение, ~~нибудь~~ у него есть уверенность в возможности подавления этого движения. Поэтому он просил чтобы правительство санкционировало это и дало возможность немедленно начать действовать. Это послужило поводом к обмену мнениями и дебатам, причем особенно против восставали Львов и Керенский, который заявил, что наша сила заключается в моральном воздействии, в моральном влиянии и применить вооруженную силу, значило бы, вступить на прочный путь насильственной политики, что я считаю неприемлемым. На этом заседание закончилось. По Керенский долго еще беседовал с Корниловым. Затем Керенский обратился ко мне и спросил " как у Вас в Черном море". Я сказал, что дело идет все хуже и хуже, сообщил ему, что я был у Плеханова, прося его помощи, и что с своей стороны, я прошу его так как он имеет связь с политическими партиями, с партией с.р. и другими прислать ко мне опытных руководителей митингов, опытных агитаторов, которые могли бы разбивать тех людей, которые у меня ведут разлагающую флот пропаганду Керенский обещал мне, что пришлет. На этом совещание закончилось. Вечером я уехал в Псков, где в это время происходил совет командующих армиями, где был Алексеев, Рузский и целый ряд представителей армий - командующих армиями или начальников штабов всего фронта. Картина, вначале при этом превзошла все мои ожидания, я совершенно не отдал, что в армии происходили события, о которых открыто докладывали предатели командного состава - братались с немцами, продажа оружия, начавшийся стихийный уход с фронта. Словом в армии происходил полный развал. Никаких мер, чтобы остановить этот развал и выйти из затруднительного положения, в сущности, никто не мог предложить. Что касается того, что может быть возникла мысль, что прекращение войны и есть этот исход, то должен сказать, что общее мнение было таково, что войну продолжать во что бы то ни

стало нужно.Отдельных мнений в пользу прекращения войны,я не помню и наоборот общее мнение было,что войну прекратить мы не имеем права/возможности/.Таким образом,совещание только констатировало факт развала в армии,не выработав никаких мер к борьбе с этим явлением.

АЛЕКСЕЕВСКИЙ:Ведь ген.Рузский после этого ушел в отставку.Не был ли его уход продиктован тем обстоятельством,что войну мы не можем вести да дальше и остается только заключить мир.Впоследствии эта мысль была определенно формулирована Духониным.

АДМ.КОЛЧАК:В такой форме это не высказывалось,говорилось только,что при таких условиях вести войну нельзя,но все же продолжать необходимо. У всех был расчет на то,что революция вызовет под'ем в войсках,вызовет чувство патриотизма,желания победы,желание закрепить совершившийся переворот победой на театре военных действий.Я помню,что это было общее мнение людей,знакомых с историей.Взять хотя бы Французскую Революцию, которая все победила коалицией.Между тем потом выяснилось,что все стремились революцию для своих личных целей.Во время же совещания в Пскове,общая точка зрения была такая;что продолжать войну необходимо,что мы связаны такими обязательствами с союзниками,что выход наш из войны, вызовет такие последствия,что при этих условиях заключение мира с Германией будет означать полную победу Германии,которая немедленно разобьет союзников и затем продиктует нам свою волю в такой форме,которая вряд ли явится приемлемой.

АЛЕКСЕЕВСКИЙ:Было ли Вам известно тогда или после,что существует такое соглашение,заключенное 5-го сентября 1914 г.между Россией,Францией и Англией,относительно того,что при известных условиях,каждое из этих государств,не смотря на то,что в открытом тексте сказано,что никто не может отдельного мира, - может заключить отдельный мир.В отношении России этим условием была революция.

АДМ.КОЛЧАК:Я в первый раз слышу об этом.

АЛЕКСЕЕВСКИЙ:Слышали ли Вы,что товарищ министра иностранных дел Нератов перед большевистским переворотом

61

увез с собой некоторые документы министерства иностранных дел. Он оставался в министерстве при первом и втором правительстве и был главной работающей силой в министерстве иностранных дел, потому что ни Никитов, ни в особенности Терещенко, не были достаточно подготовлены для руководства ведомствами иностранных дел. Документ, о котором я говорю, Комиссия в руках имела, но я слышал от лица, пользующегося доверия, состоявшегося с министерством иностранных дел, что такой документ существует. В отношении Франции таким обстоятельством, разрешившим заключение отдельного мира, являлось взятие Парижа, в отношении Англии высадка германского десанта на островах и у нас - революция.

АДМ. КОЛЧАК: Я с Нератовым не встречался, и о существовании такого соглашения не слышал. После совещания в Пскове, было еще одно совещание у Гучкова, где рассматривался документ, известный под именем "Декларация прав солдата". Я вернулся в Петроград вместе с Алексеевым по предложению Гучкова - собрались у него на квартире для обсуждения вопроса о документе, известного под именем "Декларация прав солдата", под председательством Гучкова. Эта декларация вырабатывалась особой комиссией при Петроградском Совете Рабочих и Солдатских депутатов из представителей армии и флота. Доклад по этому поводу дела помощник военного министра, генерального, ген. Маниковский. При начале чтения декларации, сказал: "Я должен доложить, что с выработанным в настоящее время такого рода документов, который предполагается провести в жизнь, я не согласен по существу, но я хотел бы, чтобы каждый из присутствующих высказал свои замечания и м.б. нам удастся внести некоторые поправки и исправления." Тогда Алексеев, который сидел по правую руку Гучкова, когда началось чтение, встал и сказал: "Я, как главнокомандующий, не могу обсуждать вопроса о том, как окончательно развалить ту армию, которой я командую." Поэтому обсуждать вопрос и не буду и от дальнейшего участия отказываюсь." После этого, все присутствующие заявили, что присоединяются к мнению командующего и считают бесполезным обсуждать этот документ: разрешено его внести, пусть вводят, но рассматривать его они не будут. На этом что-

ние документа и закончилось. Ген. Маниковский говорил: "Я решил доклад сдать только в надежде, что удастся внести некоторые поправки, удастся смягчить то, что здесь сказано, но раз все считают излишним обсуждать, то больше ничего не могу сделать." Тогда все встали, распрощались и ушли. Я остался еще несколько минут с Гучковым и спросил его, как он решил, должен ли я перейти в Балтику или вернуться в Черное море. Гучков подумал и сказал: "в сущности это все равно, в таком случае, возвращайтесь в Черное море." На этом кончилось мое пребывание в Петрограде, и я уехал в Черное море.

АЛЕКСЕЕВСКИЙ: В эту поездку в Петроград Вы видели всех представителей временного Правительства. Комиссия хотела бы знать Ваше отношение к этому правительству с точки зрения интересов военных и морских, в частности к наиболее видным его представителям - Львову, Гучкову, Керенскому. Какие недостатки и достоинства видели Вы в этом правительстве.

АДМ. КОЛЧАК: За время пребывания в Петрограде я убедился, что это Правительство состоит из людей искренних и честных, желающих принести возможную помощь родине. Никакого из них я не мог заподозрить чтобы они преследовали личные или корыстные цели. Они искренно хотели спасти положение, но опирались при этом на очень шаткую почву, а именно не какое-то нравственное воздействие на массы, на народ, на войска. Для меня было также совершенно ясно, что это Правительство совершенно бессильно, что единственный орган, который выдвигается и совершенно определился - Совет Солдатских и Рабочих Депутатов ведет совершенно открыто разрушительную работу в армии и вообще в отношении вооруженной силы, открыто выставляет лозунги прекращения войны с Германией и т.д. Правительство бороться с ним совершенно бессильно, хотя бы даже оно располагало силами, так как оно принципиально применять эту силу не хочет, а рассчитывать на возможность чисто морального воздействия, и держится методов управления, основанных на чисто моральном воздействии. Такое впечатление на меня произвело Правительство. Повидимому такой точки зрения держались все правительство, так как разногласий у них не было. Гучков может быть и понимал положение

63

но на меня он произвел впечатление человека так далеко зашедшего со пути компромиссов,что для него не оставалось другого пути.Он сам говорил,что он больше работать не может и повидимому ясно видел,что должен уйти.

АЛЕКСЕЕВСКИЙ:Гучков держался того же мнения,как и выдающиеся генерали,что больше работать нельзя.

АДМ.КОЛЧАК:Да,к этому времени все пришли к тому убеждению.

АЛЕКСЕЕВСКИЙ:Но это не есть исход - уйти ответственным людям и оставить на второстепенных персонажей ведение дела.

АДМ.КОЛЧАК:Никто из нас ни от чего не отказывался,но мы ясно видели,что при такой обстановке мы ничего сделать не можем.Если бы нашлись люди,которые могли бы взять это дело,то пусть бы они брали его,но дело в том,что революция не выдвинула таких людей,их не было.Тем не менее идеи кончить войну у меня никогда не возникало.Я считал,что лучше итти солдатом и выполнить ту роль,которую я найду возможной при данных условиях,но ни у кого из нас мысли об окончании войны не было.

АЛЕКСЕЕВСКИЙ:Что Вы думали тогда и впоследствии о предложении Корнилова,сделанном на кв.Гучкова,что обладает достаточной силой, чтобы поставить барьер этому движению,ведущему к прекращению войны. Действительно ли он обладал достаточными силами.

АДМ.КОЛЧАК:Да,я считаю,что обладал достаточными силами,иначе он не сделал бы это предложение,это человек,отдающий себе отчет в окружающей обстановке и,конечно,в то время это можно было еще сделать.

АЛЕКСЕЕВСКИЙ:Вы как будто сказали,что с другой стороны Вы просили указаний для себя.Если бы были даны известные директивы ответственными руководителями,чтобы поставить барьер этому движению физическими репрессиями,считаете ли Вы,что это было бы возможно у Вас на Черном Море.

АДМ.КОЛЧАК:Да,я считаю,что в это время это было возможно и у меня.В то время у правительства было достаточно дисциплинированных сил, чтобы подавить это движение.Это было мнение

среди военных,которое было в частности высказано Корниловым,разделил его и я,так как считал,что в то время было вполне возможно.

АЛЕКСЕЕВСКИЙ:Происшедшие в начале мая перемены в составе правительства,в результате чего было исключение из рядов его представителей буржуазии в лице Гучкова и Милюкова,не вызвали ли надежды на улучшение положения в смысле непрерывности правительственной политики..

АДМ.КОЛЧАК:Считали,что это есть ухудшение,что дальше все пойдет хуже и хуже.

26-го Января 1918 года.

А.И.АЛЕКСЕЕВСКИЙ:В прошлый раз,адмирал,мы остановились на Вашем возвращении в Черное море после совещания в Пскове.

АДМ.КОЛЧАК:По возвращении моем в Черное море из Пскова я был в Севастополе и должен сказать,что,находясь в Севастополе,я был не в курсе дел в смысле положения вещей на фронте,и не представлял себе такого потрясающего развала нашего фронта.Для меня стало ясно,что войну,в сущности говоря,надо считать проигранной,и я положительно затруднялся решать,что предпринять для того,чтобы продолжать эту войну.По приезде в Черное море ко мне явилась депутация от солдат Черноморского гарнизона,во главе которой стоял унтер-офицер Киселев,который командовал Сербской дружиной.Он был сначала на фронте,а потом в броневой автомобильной роте,он первый в первых числах марта.После предоставления депутации он остался у меня.Это был человек глубоко убежденный в необходимости этого переворота,он первый выступил и говоря,что он действительно видит теперь,что путь,по которому пошла вся русская революция ведет нас к гибели:"я был убежденный революционер,сам первый выступил,был ранен во время этого выступления,а теперь я вижу,что фронта у нас почти нет."Обсудивши с ним все то этот вопрос,я ему сказал,что я тоже пришел к тому убеждению.По его мнению,единственное средство м.б.было бы,если бы я открыто заявил здесь в Севастополе,о том,что такое положение погубит революцию и всю нашу родину.Тогда я решил поступить таким образом:я собрал все команды свободные в нескольких

65

местах и,как я это делал раньше,совершенно откровенно высказал все то,что я узнал в Петрограде,обрисовал им положение вещей,указал на бессилие правительства,на то,что фронт у нас в настоящее время разваливается совершенно,удастся ли его восстановить,неизвестно,и что оказать сопротивление непринятию будет возможно.Я главным образом базировался на следующем положении:для меня,как человека военного и все время занятого исключительно только своими военными делами,казалось необходимым рассматривать происходящую у нас революцию с точки зрения войны.Для меня казалось совершенно ясным,что втикой гражданой войне,в какой мы участвуем,проигрыш этой войны будет проигрышем и революции и всего того,что связано с понятием Родины России.Я считал,что проигрыш войны обречет нас на невероятную вековую зависимость от Германии,которая к славянству относится так,что ожидать хорошего от такой зависимости,конечно,не приходилось.Суть моего сообщения сводилась,во-первых,к обрисовке полной картины,к характеристике Балтийского моря,к характеристике различных частей фронта,я не считал нужным ничего скрывать,изложил все это,что я узнал на Псковском Совете, обрисовав события,которые были в Петрограде,указал,что теперь начинается движение под лозунгом прекращения войны во что бы то ни стало.Тогда последствия от этого произойдут двояко:во первых - зависимость от Германии,так как мы дадим ей возможность,заключивши с нею какое-нибудь соглашение и выведя себя из театра военных действий,разбить союзников на западном фронте,Германия победит и мы попадем в полную от нее зависимость.Германия смотрит на нас,как на навоз для удобрения германских полей и будет соответствующим образом третировать нас в будущем.Если мы выйдем из концерта согласия держав в этой войне и допустим даже,что Германия будет побеждена,что ей не удастся победа над союзниками,то тогда нам придется иметь дело с союзниками.Я указал,что сентиментальности в политике не существует,что в политике существует чисто примитивные соображения о выходе того или иного положения,указал,что с союзниками мы связаны обязательствами,что союзники потратили колоссальные средства для оказания нам помощи

66

и что никогда раньше до 17-го года мы не были так сильны в смысле снаряжения и так подготовлены для окончания войны, что, если мы сейчас бросим свое участие и будем в этом направлении что-нибудь делать, то несомненно мы вооружим против нас союзников, счет, который будет чрезвычайно тяжелым, наша зависимость будет уже не от одной Германии, а может быть, от целого ряда государств. Чем же расплачиваться придется нам, - говорил я. Ни для кого не тайна, что мы находимся в самом бедственном положении и придется расплачиваться натурой: территорией и нашими природными богатствами. И вот наступит в конце концов призрак раздела нашего, мы потеряем свою политическую самостоятельность, потерпим свои окраины, в конце концов обратимся в так называемую "Московию", центральное государство, которое заставят делать то, что им угодно, не то, что обуславливало нашу политическую самостоятельность и свободу, все будет от нас отнято. Суть сводилась к этому. Затем я указал, что союзники действительно в это время еще колебались, еще недостаточно ясно учитывали, какие последствия дадут у нас этот переворот и революция, как они отразятся на войне и они перешли в наступление было для того, чтобы дать возможность оправиться нашему фронту, т.-е. оттянуть немцев на себя. Союзники выполняли это апрельское наступление, я указал на то, что прежде всего здесь мы связаны с союзниками не только какими-нибудь обязательствами, а связаны с ними кровью союзники нам не простят. Я указал на те перспективы, которые казались мне несомненными. И вот мое спокойное объективное и совершенно правдивое без всяких каких-нибудь недомолвок сообщение произвело громадное впечатление на всех присутствующих. Ко мне начали обращаться команды, с тем, что команды желают сами отправиться и если надо послать свои делегации на фронт с призывом продолжать войну во что бы то ни стало, что подобное положение является позорным, что мы прежде всего должны закончить войну, что эту войну можно закончить и вот результаты моих сообщений явилась так называемая Черноморская делегация, которая в мае месяце выехала на фронт и принимала там весьма деятельное участие. Я знаю, что многие деятели не вернулись с фронта, потому что активно старались бывать в передовой линии, - показывать пример. Вот эта черноморская делегация, которая поехала тогда по России, сейчас не

вызвала у меня через неделю после своего отъезда реакцию, которая заключалась в той же самой пропаганде, которая уже получила характер пропаганды, направленной персонально против меня. Там не выставлялось лозунгов политического характера. Пропаганда эта велась на чрезвычайно примитивной почве, разбивать этих противников было бы в конце концов нетрудно, но она в конце концов свое дело делала. Суть сводилась главным образом, насколько мне помнится, к тому, что я являюсь крупным собственником на юге России, что мое постоянное упорство и настойчивость в продолжении этой войны и освобождение свободного выхода из пролива в Средиземное море об'яснялось тем, что я являюсь крупным земельным собственником и для меня выгодно вывозить хлеб на тех условиях, которые предоставляют из себя эти открытые и свободные проливы - такие заявления делались на митингах на Черном море. В Севастополе затем уже появились признаки довольно скверного свойства: около положения мая один из миноносцев "Гаркий", который должен был итти к неприятельским берегам с какими-то поручениями, как-то постановки мин, отказался выйти - это был первый случай корабля исполнить боевое приказание, потому что в начале мая я выходил в море и никаких вопросов по этому поводу не возникало. Затем одновременно с этим потребовали смены командира этого миноносца, старого лейтенанта Веселого. Этот Веселый был отличный молодой командир, прекрасно жил с командой, команда его сама выбирала на какие-то выборные должности, от чего он отказывался. И тут совершенно неожиданно команда потребовала его смены. Поводы сводились к тому, что Веселого яко бы слишком смело ставит миноносец в опасное положение, - вот единственный мотив, который могла команда выставить против своего командира. Я сказал, что я его не сменю, а миноносец я вывожу из компании, приказав ему спустить флаг и прекратить свою деятельность, т.-е. окончить плавание. Так он и сделал. Вместо с тем я послал своего флаг-офицера в Совет Матросских и Солдатских Депутатов. Совет в это время был тоже бессилен что-нибудь сделать, хотя он совершенно разделял мою точку зрения, послал своих представителей, но в это время уже подымалась против того состава совета целая компания. Этот случай был сам по себе не особенно потрясающим

68

и катастрофическим,но он для меня был весьма симптоматичен:выяснилось,что я ничего сделать не могу и сам совет бессилен что-нибудь предпринять,кроме разговоров.Веселого заявил,что он при таких условиях просто не считает возможным оставаться и просил его списать. Пришлось удовлетворить его просьбу и убрать его с миноносца.Вслед затем такой же случай произошел на другом миноносце " Конек" по совершенному нелепому поводу.Я поехал туда уже сам и после переговоров с командой,этот инцидент был улажен,так как я им указал,что никаких оснований для подобных выступлений нет.Затем произошло еще одно весьма типичное явление.Какая-то комиссия - я точно не знаю,в каких отношениях она стояла к Совету, - обнаружила какие-то злоупотребления,по крайней мере так было доложено в порту,по поводу каких-то коз,которые там должны быть сданными для прокормления Черноморского флота,они должны были быть сданными на кожевенный завод.Возникло обвинение против одного помощника заведывающего портом.Он был генерал-майор по адмиралтейству,не помню его фамилия. Обвинялся он в том,что эти козы не сданы,куда следует,они частным образом куда-то проданы и что эта комиссия постановила требовать немедленного ареста этого помощника.Когда следственная комиссия при Совете ко мне явилась,они и раньше приходили ко мне и делали различные заявления по поводу непорядков,я дал резолюцию,направляя дело к прокурору,производилось следствие и представляли Совету,в каком положении дело находится,- и вышел к ней и сказал:прошу дать мне список,я сейчас вызову главного военного прокурора и поручу произвести соответствующее расследование по этому делу.Тогда комиссия мне заявила,что она требует его ареста.Я сказал,что арест будет произведен тем лицом,которое будет производить следствие.Когда оно обнаружит признаки преступления,тогда от этого лица и будет зависеть,какие меры пресечения следует применить в отношении лица, на которое падает обвинение,так как я не знаю,виновен ли он или кто-нибудь другой,так как их доклада этого совершенно не видно.Поэтому я сказал,что я приказа об аресте не дам,покуда я не получу доклада от главного военного прокурора

69

или я ничего не буду делать,я передам Ваше заявление туда.На этом мы разошлись.Затем я совершенно случайно узнал,что они арестовали этого офицера.Я потребовал его немедленного освобождения,я сказал,что я комиссии права не давал производить арест,что этот арест должен быть произведен только судебными властями.Это как раз совпало с переменой личного состава первого совета.Были произведены новые выборы и в это совет прошло значительное количество - я прямо это признаю,- солдат Севастопольского гарнизона.Это был элемент уже совершенно другого порядка.Он был там и раньше,но тогда он был в меньшинстве,там преобладали морские команды.

А.Н.АЛЕКСЕЕВСКИЙ:А в то время были у Вас политические комиссары.

АДМ.КОЛЧАК:Нет,и не было во все время моего командования флотом.Эти обстоятельства в связи с тем,что результате тов.практических не было - я знаю,там были некоторые лица,которые выступали на митингах от партии с.-р.,от партии с.-д.,но все это имело чрезвычайно малое влияние,- привели к тому,что дело шло хуже и хуже,и эти события заставили меня задуматься.Состав Совета изменился.Верховский оттуда ушел,часть людей,с которыми я работал в согласии,ушли и заменились другими,и,таким образом,порвалась всякая связь у меня с этим Советом:я перестал бывать там,они перестали приходить ко мне.Взвесивши все эти обстоятельства,я признал по совести,что дальнейшее мое командование флотом является совершенно ненужным и что я могу по совести сказать,что я больше ненужен совершенно.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ:Какого партийного состава был новый Совет.

АДМИРАЛ КОЛЧАК:Тогда было разрешено и офицерам и командам записываться в какие-угодно партии,но партийность состава Совета я бы не характеризовать,но общее течение склонялось в пользу большевистской партии.Тогда еще официально такой партии большевиков не существовало,но настроение носило такой характер.Все же я затрудняюсь назвать этот Совет большевистским,так как он не носил еще определенной окраски большевизма.Там было выборное начало

для офицеров, контроль над действиями командования, т.-е. приблизительно та же программа, какая была и в Балтийском флоте. Надо сказать, что тогда в Черноморском флоте не было такого термина "большевик", потому я и не называю его так. Большинство, насколько мне помнится, записывалось в партию д., меньшая часть продолжала из себя партию с.-р. И вот в конце концов, я решил просить освободить меня от командования по следующим мотивам: общее положение, полное бессилие что-нибудь сделать и совершенная моя бесполезность в той роли, в какой я нахожусь. Управлять флотом так, как я понимал, я считал невозможным и считал нелепым занимать место. Поэтому я обратился к Керенскому с просьбой освободить меня от командования. На это Керенский мне ответил, что он считает это нежелательным и просит меня подождать его приезда в Севастополь и надеется, что ему удастся устранить и удалить трения, которые возникли в последнее время. Я согласился и второй раз уже не настаивал. В сущности говоря, в мае месяце бисером пронесся общий и внутренний развал по флоту, тут явилась картина, что державшиеся до того времени рабочие порта, которые все время вели все работы по исправлению, ремонту и т.д. уже к тому времени стали разваливаться. Стали выставляться требования только экономического характера, а производительность все падала и падала с каждым днем и каждое выводимое на строй судно уже оставалось в бездействии, потому что все работы в порту стали падать. Тем не менее я должен отметить, что известные части команды совершенно не разделяли нового настроения и сохраняли свои понятия о долге службе. Я упоминал, что в самый печальный период

уже окончательно развала флота мне нужно было,ввиду полученных сведений о новых подводных лодках усилить заграждения Босфора и в самом Босфоре оставить заграждения.Для этого нужно было сделать очень опасное и рискованное предприятие и войти в Босфор на катерах с баркасами,нагруженными минами.Это предприятие носило характер чрезвычайной опасности и риска и потому я и взял охотников,набилось столько,что они превышали то число,которое мне нужно было для постановки этих заграждений.Это было в мае.Операция эта была выполнена,но с одним печальным происшествием:ночью на одном из баркасов взорвалась мина,произошло это в Босфоре,их заметили, произошла стрельба,было много раненых,но большинство людей успели вытащить и перенести на другой катер,- это было серьезное предприятие.Я это привожу как характеристику того,что был известный процент людей,которые шли на это,а наряду с этим другое явление - инцидент с миноносцем "Жаркий".К событиям этого времени относится приезд Керенского в Одессу.Я получил приказание прибыть в Одессу. с миноносцем с тем,что Керенский из Одессы пойдет в Севастополь на миноносце.Это было около 20 чисел мая.Я к назначенному времени имел с отрядом из 4-х миноносцев в Одессу и присутствовал там при тех торжествах,которые в честь Керенского были устроены в Одессе,и которые носили такой же характер,как и встреча Гучкова в Одессе месяц тому назад.Затем вместе с Керенским я перешел на свой миноносец и мы отправились в Севастополь.Во время перехода я долго и подробно,почти целую ночь,рассказывал Керенскому о тех обстоятельствах,которые произошли в Черном море,я указал,что считаю совершенно невозможным продолжать свою деятельность,потому что считаю совершенно невозможным продолжать свою деятельность,потому что я коренным образом расхожусь в своих взглядах на командование, на дисциплину во флоте,которая теперь проводится и что я неспособен работать в этой обстановке,что я не отказываюсь по существу от какой-бы то ни было работы,и предоставляю себя в полное распо-

ряжение Правительства, но я считаю совершенно безполезным может-быть, даже вредным для дела, если я останусь. Я сказал ему: "Я не понимаю, чего вы хотите для республики во время войны нужна вооруженная сила, я приложил ве усилия, чтобы ее удержать, но раз это выходит из Вашего плана, и это не нужно, зачем я буду продолжать работать". Он на это ответил: "я считаю наоборот, что правительство это, как и правительство прежнего состава считает, что вы должны оставаться что теперешнее правительство признательно вам за сохранение Черноморского флота в его боевом состоянии, но вы понимаете что мы переживаем время брожения, тут надо считаться и с возможностью эксцессов." Керенский, как и всегда как то необыкновенно верил во всемогущество слова, которое в сущности говоря за эти два-три месяца всем надоело и общее впечатление было таково, что всякая речь и обращения уже утратили всякий смысл и значение, но он верил в силу слова. Я доказывал ему, что волей неволей к ней придется вернуться и ему, что так наз. революционной дисциплины не существует и та партийная дисциплина, которую он проводит, это дело совершенно другое, потому что дисциплина, в сущности говоря, которая выражается в известных внешних формах дисциплинарного устава, которая характеризует взаимоотношения начальника и подчиненного, одна и та же во всех решительно армиях и флотах всего мира и какой бы не взяли дисциплинарный устав или американский, мы найдем там одно и тоже, никакой разницы по существу там нет, это есть детали, а то, что он говорил и примере партийной дисциплины , это есть дисциплина, которая не создается каким-нибудь регламентом, а создается воспитанием и развитием в себе чувства долга, чувства обязательства известных по отношению к родине, и в этом отношении эта дисциплина может быть у меня, может быть у него, может быть у отдельных лиц, но в массе такой дисциплины не существует, и опираться на такую дисциплину для управления массами нельзя. Так мы до ничего договориться не могли потому что стояли на совершенно исключительных друг для друга точках зрения. По приезде в Севастополь, Керенский об-

езжал суда, я был все время с ним. Он был встречен весьма торжественно, говорил речи, но на меня производило впечатление, что он на команды никакого впечатления не производит. Казалось, что все идет хорошо, "Вот видите, адмирал, все улажено, мало ли что теперь приходится смотреть сквозь пальцы на многие вещи, я уверен, что у вас не повторятся события, команды меня уверяли, что они будут исполнять свой долг".. После таких разговоров, он в конце концов еще раз обратился ко мне с просьбой от имени "Правительства" оставаться. "Сейчас вас заменить нежелательно, я прошу, чтобы вы продолжали оставаться." Я сказал: "Хорошо останусь". После от"езда его положение нисколько не изменилось, ве продолжалось в том же духе, в каком все это шло раньше и у меня было общее впечатление такое, что его приезд никаких результатов - не дал и никакого серьезного впечатления ни в командах, ни в гарнизоне не оставил, хотя он был принят хорошо. Я на некоторое время уходил из Севастополя, ездя в Николаев на заводы посмотреть строющиеся там корабли. Там я узнала о положении вещей на судостроительных заводах все в сдности шло к полной остановки, к полному прекращению работ: Тем не менее все таки продолжа дать то, что делал раньше, продолжал выходить в море, вести работу постановки заграждения, сетей против подводных лодок, по дозорной службе, конвоирова нию, по сколько это было возможно, поскольку это выполнялось

Затем в июне месяце начали происходить события уже более серьезного характера. Под влиянием агитации среди команд яви лось совершенно неожиданное событие на почве вражды с офицерским составом - до тогов времени таких вопросов не существовало: начали уверять, что офицеры замышляют какую то к-р волюцию. Никакая контр-револ. со стороны офицеров, разделенного по судам, была не выполнима. Офицерские союзы сущест вали совершенно открыто, на них могли присутствовать команды и потому конечно, вопрос о какой нибудь к-революции совершенно исключался, а наоборот все усилия со стороны командного состава и офицерства заключались в том, чтобы поддерживать правительство и выполнять свой долг по отношени к службе. Это было неожиданно для меня, которая было совершенно ясно, что это есть работа провокационного характера, ко-

торая, конечно, клонится в конце концов к тем событиям, которые имели место в Балтийском море. Я сообщал об этом все время правительству, доносил ему о всех тех событиях и настроениях, которые у меня были в Черном море и предупреждал, что дело становится все хуже и хуже, что я считаю безнадежным положение дела в дальнейшем, но так как я обещал оставаться до последней возможности, то я и не поднимал вопроса о своей смене, так как считал, что она произойдет и без согласия правительства. Я очень часто выступал перед командами, постоянно проезжал и обыкновенно по заведенному ранее порядку меня извещали, что в таком то часу, в таком то месте будет собрание, чтобы я мог взять в учет в случае тревоги готовность флота, чтобы потребовать команду, и все это шло до этого события в совершенном согласии. Теперь же все пошло самочинным порядком, я получал известия стороной, не имея никакой связи ни с какими представителями командных органов. Наконец, случилось весьма характерная вещь. Киселев, оставаясь все время в Севастополе, где проживала его семья-отец, сестра, мать и брат, принимал очень большое участие и помогал мне. Он очень часто выступал, прекрасно говорил и ему удавалось совершенно срывать ораторов своими выступлениями. Я считаю его одним из самых крупных деятелей на митингах и собраниях, где он оказывал известное влияние на команду своим уменьем говорить с большим воодушевлением. Он у меня часто бывал, я с ним подружился, потому что я видел в нем глубоко порядочного русского солдата, глубоко преданного идее блага родины, и в этом отношении у меня установилась с ним тесная близость. Это был человек совершенно безкорыстный. Затем произошли последние события вначале июля, которые заставили меня уйти с командования помимо желания правительства. В один прекрасный день состоялся митинг на дворе Черноморского экипажа - это огромная площадь, на которой было 15.000 народу, я был на этом митинге - для того, чтобы разбирать вопрос персонально относи-

тельно меня.Обвинялся я во первых в том, что являюсь в роде прусского аграрея, во вторых и это уже обвинение в совершенно странного свойства, что я ослабляю черноморский флот выводом из строя судов, при чем приводился в пример миноносец "Маркий", о котором я сказал, что я его никуда и не пошлю и считаю его, как судно, совершенно несуществующи Было еще одно обстоятельство. Был один старый броненосец "Три святителя", который в виду того, что очень много людей просилось в отпуски мне нужно было чем-нибудь компенсировать людей на транспортах,я решил вывести из компании и команды этого броненосца "Три святителя" пополнить команды транспортной флотилии в Одессе. Отпусками у этому времени ведали уже комитеты и все отпуска шли без какого бы то ни было контроля со стороны командования,я же полуал тольк извещения от командира, что не хватает людей,партии не возвращаются,а новых уходят,и это заставило меня прибегнуть к этой мере. В военном отношении это играло очень незначительную роль, это было старое судно,которое должно было незначительную роль осенью быть сдано в порт. Тогда я решил поехать на этот митинг,хотя меня не приглашали. Узнав время,когда будет этот митинг,около 4-х часов дня,я один вместе с своим дежурным флаг-офицером,поехал в этот экипаж Там какие то неизвестные мне посторонние люди начали вести вопрос относительно прекращения войны, представляю его в том виде,в каком велась пропаганда у нас на фронте,что эта воен.выгода исключительно известному классу. В конце концо перешли на тему относительно меня, причем я был выставлен в виде прусского агрария. В ответ на это я потребовал слова и сказал,что мое положение материальное определяется следующими:с самого начала войны с 1914 г.кроме чемоданов, котор.я имею и которые моя жена успела захватить с собой из Либавы не имею даже движимого имущества,которое все погибло в Либаве.Я жил там на казенной квартире вместе со своей семьей.В первые дни обстрела Либавы моя жена с некоторыми другими женами офицеров,бежала из Либавского порта, бросивши все.Впоследствии это все было разграблено,ввиду хаоса,который произошел в порту.И с 1914 г.я был только тем,что у меня было в чемоданах в каюте.Моя семья была в т

таком же положении. Я сказал что если кто-нибудь укажет или найдет у меня как-е-нибудь имение или недвижимое имущество или какие-нибудь капиталы обнаружит, то я могу их охотно передать потому, что их не существует в природе. Это произвело впечатление и этот вопрос больше не поднимался, затем пошел вопрос относительно инцидента с "Кагким", затем с броненосцем "Три святителя" действительно, несомненно флот ослаблялся, в это в виду того, приходящий периодически в ремонт миносцы не поступали в срок просто потому, что работа шла отвратительно: такие работы, которые при нормальных условиях требовали трех-четырех часов производились трое-четверо суток. Я приводил этот пример, сколько времени требовалось, чтобы винт вытащить из ящика и эти факты, были приведены мною. Я совершенно определенно и не скрывая того положения, которое создалось в порту и во флоте сказал, что ослаблять флот с моей стороны, конечно, совершенная бессмыслица и совершенно бессмысленно возводить на меня такое обвинение. Если кто-нибудь заинтересован, чтобы во флоте был порядок то, конечно, я первый, и следовательно, трудно мне пред"явить обвинение и заподозрить меня в том, что я умышленно ослабляю флот ибо это значит рубть сук, на котором я сижу. После этого мне никаких возражений сделано не было. Я сел в автомобиль и уехал. Затем я вернулся к себе на "Георгий Победоносец" и чем кончился этот митинг, я не знаю, повидимому он кончился ничем. Вечером я получил в первый раз от нового Совета приглашение, притти в Совет на заседание. Как раз приехал Киселев ко мнеи сказал, что дело очень плохо, что теперь поставлен вопрос относительно разоружения офицеров и обвинения их в к-революционном заговоре. Данных почти нет никаких, но это теперь пущено кем то и среди команды идет по этому поводу брожение. Совет будет этот вопрос обсуждать, при чем прибавил "Я советую вам не ехать туда, так как это совершенно бесполезно, делу не поможете, будете резкости говорить."

И ничего из этого не выйдет. Он сказал, что он будет на этом собрании, но мне там делать нечего. Я все таки поехал. Я решил посмотреть, так как я никогда еще не видел этих заданий. Когда я приехал, то увидал, то увидал, что там уже разговор к-революции реакции, о реставрации и еще о чем то, и я увидел, что разговаривать об этом было совершенно бесполезно. Там был поднят, между прочим, вопрос о том, что всех офицеров надо немедленно разоружить, потому что иначе они устроят к-революцию. В какой форме, как они его устроят, с оружием или без оружия, я не знаю, это было настолько бессмысленно и глупо, что я прослушав несколько речей обратился к председателю и спросил: "Нужно мне здесь быть и если ко мне какие-нибудь вопросы". Он мне сказал, что вопросов никаких нет, на это я ответил, что если будет нужно, то меня можно будет вызвать, зачем я буду даром терять время и уехал. Так меня тогда больше и не вызывали. Киселев известил меня, что по видимому завтра будет решение относительно разоружения офицеров, на другой день было сделано с одного из линейных судов радио в виде приказа о том, чтобы разоружить всех офицеров, это было часа в 3 - 4 дня, произвести обыски в квартирах и т.д. Сделано это было, нисколько меня не оповещая, и прежде чем можно было на это как нибудь реагировать или снестись и поговорить, это было выполнено и на некоторых судах было потребовано оружие. Офицеры были на кораблях. Несколько офицеров застретилось в знак протеста но в общем никаких эксцессов и истрорий не произошло. Я сделал распоряжение на своем судне, чтобы никакого сопротивления не было, чтобы не было кровопролития и никакого безобразия на моем судне. Затем я потребовал собрать свою команду "Георгия Победоносца", я сказал им несколько слов по поводу бесмыслицы этого акта, о том, что если даже они боятся, то эта бесмысленно совершенно, так как офицеров приходится по 1 на 15-20 человек команды, и никакой по существу опасности для них они представлять не могут. Затем я сказал, что вооб-

ще какое то ни было к-революции не существует в природе потому что союз офицеров существует совершенно открыто, он мне лично известен, я знаю все его дела, и я бысам не допустил в такое время какие бы то ни было выступления, потому что они приблизили бы нас к полной гибели. Я указал им, что мы старшие офицеры были лояльны в отношении к правительству, исполняли все его приказания, что следователь но, вопрос о какой нибудь к-революции никогда не поднимался. Затем я сказал, что я могу рассматривать это как оскорбление, которое наносится прежде всего мне, как старшему из офицеров, здесь находящемуся, и я сказал им: с этого момента я командовать вами не желаю больше и сейчас об этом телеграфирую правительству. Затем я взял свою саблю и бросил ее в виду. Я стоял около трапа и ушел вниз. После этого я послал телеграмму Керенскому об этом событии и указал что я уже ни при каких обстоятельствах и ни при каких условиях командовать не буду флотом больше, что я передаю командование старшему после себя адмиралу, что в полночь я спускаю свой флаг, который буде заменен флагом старшего по мне. Я написал в письме, что исполнил все то, что обещался командовать больше не могу, и совесть моя чиста. Затем ко мне явилась какая то депутация по поводу отпусков. Я сказал ей, что я больше не командую, и просил ее по этим вопросам ко мне не обращаться, потому, что я никаких распоряжений давать не буду, затем я вызвал к-адмирала Лукина, командующего линейными кораблями старшего по мне и сказал, что я, будучи фактически поставлен в невозможность командовать, приказываю вступить в командование флотом и поднять свой флаг. Затем ко мне вечером ч.в 8 явилась какая то делег. от Совета, котор. без всяких мотивов внесла резолюцию, что она считает необходимым, чтобы сдал свое командов. старшему. Я сказал, что командование уже сдал адмиралу Лукину, котор. вступит в командов. делегация просила, чтобы передали все секретные документы, я сказал: " Прин имайте какие хотите документы, но

имейте в виду, что это длительное дело. Вы, конечно, можете их принять и рассмотреть."Вместе с тем такое же постановление было относительно к-адмирала Смирнова,моего нач. штаба. Относительно других офицеров никаких постановлений не было сделано. Затем я сказал, что уезжаю к себе на берег.

А.М.АЛЕКСЕЕВСКИЙ: Адмирал Лукин никаких возражений не сделал по этому поводу.

АДМ.КОЛЧАК: нет, он все видел и, конечно, возражал, но я сказал ему, что я приказываю, так как сегодня ночью возможна какая нибудь тревога или нападение и я фактически не могу командовать, а он обязан это сделать. Вечером я поехал к себе домой. Вскоре ко мне на городскую квартиру явились еще два три человека, с заявлением, что они уполномоченные Исполнительным Комитетом, посмотреть нет ли у меня каких нибудь секретных документов, но так как я на квартире никогда не жил, приезжал туда по вечерам на несколько часов, а жил на корабле, то конечно, никаких документов у меня и быть не могло. Я предложил осмотреть свой кабинет, они произвели обыск, но ничего не нашли. Я оставался дома. Смирнов пришел ко мне вечером. Когда ко мне явился один из флаг-офицеров и сообщил, что будто бы состоялось постановление о моем аресте . Я сказал, что поеду на корабль и буду там ночевать, так как я не хотел, чтобы меня арестовали в моем доме в присутствии моей жены и ребенка. Я уехал на корабль, там я лег спать, а в 2-3 часа ночи меня разбудили флаг-офицеры, который сообщил мне телеграмму от К"ренского. Телеграмма была направлена по моему адресу и в Совет и еще, кажется, по командам и в очень резких выражениях, составленная по поводу безобразия, которое произошло в Черном море, что правительство считает, что если будет происходить подобные вещи, что правительство считает, что подобные выходки являются актом враждебным революции и родине и требует немедленного прекращения всех этих безобразий и возвращения оружия офицерам, а что касается меня, то правительство согласилось, чтобы я временно передал командование и требовало моего немедленного приезда в Петроград для доклада. На другой день к моему чрезвычайному тяжелому состоянию прибавилось известие, что в Севастополь прибыла Американская Военная миссия адмирала Гленона, которая имела в виду оставаться некоторое время для изучения постановки у меня минного дела и методов борьбы с подводными лодками. Тогда же приехала в Петроград миссия Рута. При ней была морская миссия Гленона, которая приехала ко мне, эта миссия предполагала у меня проплавать несколько времени и познакомиться с положением дела. Я, конечно, неме-

дленно уехал на берег и сказал,что я никого не принимаю и принять миссию не могу и миссия, ознакомившись с положением вещей,немедленно решила уехать.Приказ правительства был выполнен,оружие было возвращено сейчас же и все опять пришло во внешнее благополучение и спокойствие.Я оставался целый день у меня дома,никто ко мне больше не являлся,ночью я беспрепятственно сел в поезд и поехал в Петроград. В этом же поезде ехала как раз американская миссия Гленона. По прибытии в Петроград я должен был явиться-Керенского тогда не было-к его помощнику Кедрову или Дудорову.Он мне сказал,что правительст в ближайшие дни соберется,что правительством назначается особая следственная комиссия,которая спешно выезжает в Севастополь для разбора всего дела. Председателями этой комиссии были А.С.Зарудный и Бунаков. Между прочим Зарудный сказал,что все это вздор и все наладится,но я сказал,что это не наладится. так как я был целый месяц в этой обстановке,целый месяц старался всеми зависящими от меня способами как нибудь дело поправить,что я считаю, что дело пойдет все хуже и хуже,во всяком случае я назад не вернулся и командовать при таких условиях не буду.Затем я был принят в Мариинском дворце на заседании правительства.Я сделал доклад,изложил я деталях все то, что у меня было, и затем говорил уже говорил не стесняясь ре[з]ко,что все это я предвидел и обо всем заранее предупреждал, что я не могу иначе рассматривать деятельность правительства, как ведущую к разрушению нашей вооруженной силы. Я говорил, что гораздо проще было итти совершенно открытым путем, просто напросто распустить команды и прекратить деятельность флота, потому что при таких условиях флот все равно никакой пользы не принесет. Вместе со мной был Смирнов, который тоже говорил на ту же тему. Я указывал, что считаю виною ту политику правительства,которую оно приняло в отношении вооруженных сил: подрыв и развал командования, подрыв его авторитета, постановка командования в совершенное безправное и безпомощное положение,указывал, что под видом свободы собрания и свободы слова совершенно открыто ведется работа наших врагов.Я глубоко убежден,что то[л]ко всех этих собраниях,как в Балтийском море,так и в Черноморско[м]

флоте, для меня совершенно ясно видна работа не русская, а работа германскай агентуры. Указал на целый ряд совпадений и фактов, которые мне были известны по Балтийскому и Черному морям, что в течение революционного периода, образцовое состояние Черноморского флота в отношении команды систематически разлагалось у меня на глазах, причем я был бессилен что либо сделать, я был только зрителем, и единственно чем мог ~~хххххххххххххх~~ я расправляться, это моим нравственным авторитетом и моим влиянием. Я узнал, что долго на этом играть нельзя, что потом все это провалиться, что про мои команды я в течение целого года ничего кроме хорошего сказать не мог гу, команды вели себя настолько хорошо, что у меня очень редко заходили дела до конфирмации, и большинство случаев они были такого характера, что они разрешались в низших инст станциях. Я не говорю уже о том, что ни одного случая смертной казни не были проступки, но характера такого, что до командующего флотом они почти не доходили - и такие команды довели до такого состояния путем систематического планомерного развала. На это меня правительство бывшее в глубоком молчании, поблагодарило за обстоятельный доклад и отступило, никакого ответа мне никто не дал.

27 января 1920 г.

АДМ.КОЛЧАК: Таким образом я остался в Петрограде ожидать возвращения из Черного Моря комиссии под председательством Зе рудного, которая выехала туда в первые дни моего прибытия в Петрограде В ожидании этой комиссии я жил на частной квартире и почти никого не видел, пока ко мне не явился прикомандированный к миссии адмирала Гленона русский офицер лейтенант, который передал мне пожелание адмирала Гленона видеть меня и переговорить со мною. Зная о целях миссии, я, сказал, что пусть он назначит мне время, когда я могу приехать к нему: Адм. Гленон жил в Зимнем дворце. Там был принят Рутом и адм. Гленоном. Гленон сообщил мне, что цель его миссии сделать визит нашему флоту, затем американское правительство интересуется, некоторыми вопросами по минному делу и борьбе с подводными лодками и желало бы познакомиться с этим. Кроме совершенно секретно он сообщил мне, что в Америке существует предположение предпринять активные действия американского флота в Средиземном море против турок и Дарданелл. Зная, что я занимался аналогичными операциями, адм. Гленон сказал мне, что было бы желательно, чтобы я дал все сведения по вопросу о десантных операциях в Босфоре. Что, я не отказываюсь от этого и готов поделиться всеми сведениями которые у меня имеются. Тогда Гленон спросил меня: "Как бы Вы отнеслись, если бы обратился с просьбой к правительству командировать вас в Америку, так как ознакомление с этим вопросом потребует продолжительного времени, а между тем мы на днях должны уехать." Относительно этой десантной операции он просил меня никому ничего не говорить и не сообщать об этом даже правительству, так как он будет просить правительство командировать меня в Америку, официально для сообщения сведений по минному делу и борьбе с подводными лодками. Я сказал ему: что против командования в Америку ничего не имею, что в настоящее время свободен и применения себе пока не нашел. Поэтому, если бы правительство согласилось командовать меня в Америку, то я возражать не буду. В то время, как миссия сносилась с правительством, в ожидании ответа от правительства, я начал собирать все необходимые материалы, выписал одного флаг-капитана, который имел на руках все данные по босфорским операциям, словом начал

подбирать все материалы, необходимые для этой задачи. Как раз в это время Керенский уехал и потому окончательного согласия со стороны правительства на американскую командировку нельзя было получить. Наконец, ответ получился в положительном смысле, вскоре после приезда Керенского с юго-западного фронта после наступления 18-го июня. Насколько я знаю, этот вопрос обсуждался тогда в совете министров и совет министров без всяких возражений согласился на командирование меня в Америку. В это время приехал и Зарудный с комиссией. "Зарудный заявил мне: "совершенно ясно, что все это работа немецкой агентуры, сколько мы не расследовали этот вопрос, было ясно что против Вас команда решительно ничего не имеет. Поэтому вы должны принести жертву и снова вернуться на флот, так как большинство лучших элементов желает Вашего возвращения". Я сказал, что в Черноморский флот я больше не вернусь, что я считаю себя настолько сильно оскорбленным, что командовать им считаю ниже своего достоинства и поэтому к командованию Черноморским флотом, ни при каких обстоятельствах не вернусь. Вскоре после этого, в связи с приездом Керенского произошло положительное решение вопроса о моей поездке в Америку. За все это время я мало кого видел в Петрограде. Меня посещали знакомые офицеры, главным образом офицеры флота, которые упрашивали меня, чтобы я оставался во флоте и не уходил. Я сказал, то я уже принял на себя известное обязательство и что в России сейчас нет применения моим силам. Одно время я хотел уйти на фронт, чтобы меня назначили командовать тяжелой батареей, но после позорного наступления на Юго-Западном фронте 18 июня, я решил отказаться от этой мысли. Затем одна группа офицеров обратилась ко мне с просьбой, ввиду невозможности ведения войны в России, но считал необходимым продолжать войну, - сформировать легион из добровольцев и с ним отправиться во францию. Я одно время остановился на этой мысли, но затем я получил сведения об отношении за границей к русским частям, виду их позорного поведения на французском фронте, и отказа драться и участвовать в борьбе. Когда я получил сведения о том, что имя русского во франции является чем то вроде брани, я пришел к мысли, что расчитывать на

такую работу

какую я имел ввиду, в конечном, при этих условиях не приходиться. Затем политические деятели, которые заседали в Таврическом дворце кажется по делам ликвидации, и с которыми я был знаком еще по Г[осударственной] Думе, узнав о моем приезде, пригласили меня. Я при[шел] и рассказал им о своем положении. Они также говорили мне, что[бы] я не уезжал, что я нужен здесь. Я сказал, что я готов ехать к[уда] угодно и делать что угодно, но пусть мне укажут определенно, что я должен делать, что таких указаний я не получал, обстановка в которой я мог бы оказаться, если б я остался в России такова что исключает возможность какой бы то ни было полезной работы для родины. Я считал, сказал я, что единственное, чем я могу принести пользу, это драться с немцами и их сообщниками, когда угодно и в качестве кого угодно.

Я считал, что это будет единственная служба родине, которую я еще могу принимая участие в этой войне, которую я считал самой важной, самым существенным делом из всего того, что происходит, что революция пошла по пути, который приведет ее к гибели, но я не политический деятель; я солдат и поэтому считаю нужным продолжать свою службу, чисто военную. Раз я не могу в России принимать участие в этой борьбе, я буду продолжать ее заграницей,/ у меня была тогда надежда, что я буду принимать известное участие в Дарданельских операциях/. Затем я был еще на нескольких заседаниях Национального Центра, образовавшегося в это время. Там я также сказал, что работать здесь больше не могу, так как уже принял известное обязательство Американскому правительству и ожидаю только выдачи заграничного паспорта чтобы ехать с миссией, возложенной на меня Правительством, в Америку. Тут до моего отъезда, произошло выступление большевиков, прибывших из Кронштадта. Как раз в это время я был очень близок к правительственным сферам, хотя и принимал непосредственного участия в делах. Керенский 2 или 3 июля вернулся с фронта в Петроград. Я несколько раз приходил в Морское министерство с просьбой предоставить мне возможность повидать его, но он все время был так занят и переезжал с одного места на другое, что я не мог его видеть. Между тем от него записка

утверждение состава моей миссии: я подобрал специалистов 4 офицеров и надо было от Керенского получить санкцию на этот состав миссии выдачу заграничных паспортов, средств для поездки и так далее. Поэтому день 4 июля когда вечером началось выступление большевиков, я пришел в приемную морского министра я решил ожидать его пока Керенский не явится. Мне сказали, что он должен быть около 12 часов. Я ожидал его прибытия пока Керенский не приехал. Керенский заявил мне, что он очень занят, должен позавтракать и сейчас же опять на заседание Совета Министров и что времени у него нет. Я заявил тогда, что у меня такие срочные дела, что мне надо получить санкцию на состав миссии и ее отправление. Тогда Керенский сказал мне:" когда пойдет завтракать и во время него вы мне доложите все ваши вопросы." Мы пошли завтракать и так как Керенский очень торопился, то я рассказывал ему в общих чертах положение создавшееся относительно моей поездки. Во время этого разговора пришел дежурный адъютант и доложил, что к Керенскому явилась депутация уволенных старших возрастов, кажется, свыше 42 летнего возраста./тогда Керенским были устроены периодические отпуска для полевых работ, но все это делалось довольно не систематически и вызывало неудовольствие. Вообще эта тенденция ухода с фронта в армии и во флоте, особенно Черноморском, была особенно заметна. Я уже подчеркивал несколько раз, что после первой недели Революции у всех наблюдалось стремление все бросить и уехать домой по своим делам/. Когда явилась депутация, что он не примет его, так как у него нет времени. В ответ на это депутация заявила, что она не уйдет пока военный и морской министр не даст положительного ответа относительно продления срока отпуска. Тогда Керенский не кончив завтракать, встал и вместе с присутствующими вышел в приемную и на лестницу, где находилось человек 30 солдат старшего возраста. Они заявили, что хотя срок отпуска их и вышел, но что у них как раз теперь начинается уборка хлеба, что работников в деревне нет, и что поэтому они просят продлить срок отпуска до окончания уборки хлеба, что иначе они не в состоянии будут убрать хлеб. Керенский сказал, что постановление относительно их возвращения есть

постановление Совета Депутатов Фронта, что он его утвердил и наме-
нить его не может, но переговорив с фронтовой организацией / так
как продление их отпуска задерживает тех, которые ожидают свое-
очереди." Поэтому", сказал Керенский " я ни в каком случае не от-
мене этого распоряжения." Это в свою очередь вызвало чрезвычайно
энергичные протесты среди депутатов, которые начали говорить, что
их берут на фронт, так как хлеб также нужен для ведения войны.
Один из них обратился к Керенскому с таким заявлением:"Нас около
сорока тысяч, а здесь в Петрограде имеется до ста тысяч бездельни-
ков, которые никуда не хотят идти. Вы нас посылаете на фронта, по-
тому что мы люди старые, привыкшие к дисциплине, привыкшие исполнят
приказания, а вот вместо нас вы послали бы части, которые находятся
в Петрограде и которые ничего не делают. Между тем вы их не можете
сделать, от нас вы требуете этого, так как знаете, что мы привыкли
исполнять приказания и будем их выполнять. " На это Керенский
что то ответил, но в конце концов совершенно неожиданно повернулся
ко мне/ я стоял сзади его/ я сказал:" Говорите с ними адмирал, "
и сам ушел. Я остался имеется с Г унаковым и так как был
большой шум, раздавались протесты, то я обратился к депутации и
сказал, что я не могу говорить сразу с 30-40 человеками " Я вам не
могу давать никаких обещаний, потому что я посторонний человек но
министр приказал мне говорить с вами и я буду говорить, но для
этого выберите двух-трех человек, так как я не знаю в чем заклю-
чается дело." Тогда ко мне вышел почтенный отец" солдат с георгиев-
скими крестами и медалями бывший на японской войне и участво-
вавший также и в этой войне. Я с ним попал в прихожую и он начал
мне подробно рассказывать о положении. Действительности положе-
ние было трагическое:" Нас тянут на фронт," сказал он " но для
того, чтобы мы воевали, а для того, чтобы поставить нас вплу
на пилку дров, на все интендантские работы. Мы не отказываемся ни
от чего, но войдите во в наше положение." Он обрисовал картину по-
ложения дома, крайне печальную." Министр говорит нам, что мы долж-
ны выполнить наш долг," сказал он мне," но мы свой долг выполнили

~~40~~ 88

я веду уже вторую войну и воевал не даром- имеется все знаки отличия. Теперь двое сыновей взяты на фронт дома осталась только жена и девочки. Хлеб удалось кое как засеять, собирать его и в таком положении находятся почти все остальные. Мы просим дать нам возможность собрать хлеб, а затем мы снова можем вернуться на фронта. При настоящих порядках мы могли бы и не являться в никто нас не потребовал бы, но мы привыкли к дисциплине и потому хотели действовать в законном порядке.-" Выслушав его я сказал:" Конечно по моему мнению вы могли бы быть уволены, но, конечно, я дать такого разрешения не могу. Тогда они сказали, что они хотели получить ответ от министра. Я пообещал им, что сделаю все, что могу, что я постараюсь повидать министра, чтобы выслушать от него тот или другой решительный ответ- положительный или отрицательный. Я вызвал дежурный автомобиль и поехал искать Керенского, я ездил по всему городу, но долго не мог его найти; наконец случайно в одном из правительственных учреждений я узнал, что он находится в квартире Терещенко на Дворцовой набережной и что там происходит заседание Совета Министров. Я приехал туда, явился в приемную вместе с этим солдатом и стал ждать конца заседания. Когда заседание Совета министров кончилось и они начали выходить, я с солдатом подошел к Керенскому и сказал ему:" Вы приказали мне переговорить ; я переговорил и мое мнение такого, что с точки зрения военной можно было бы разрешить продление отпуска, но конечно я не в курсе дела. Я приехал сюда специально для получения определенного ответа так как депутация до сих пор сидит в Морском министерстве и ждет от вас окончательного ответа." Керенский на это совершенно определенно ответил. Нет, никаких отсрочек, никаких отступлений от тех распоряжений, которые были сделаны не будет." В это время подошли к нам все министра и начали говорить с солдатом, но повидимому это на него не произвело никакого впечатления этим дело и кончилось. Я сел в автомобиль и вернулся к депутации и сказал ей, что видел министра и все правительство и что вопрос о продлении отпуска решен отрицательно. Я больше сделать ничего не могу." На это мне солдаты заявили, что с этим ответом вернуться не

потому они пойдут не к своим, а куда глаза глядят. Между Керенским опять уехал и я не мог с ним переговорить. После ухода делегации я обратился к Дударову и сказал ему, что мне необходимо переговорить с Керенским. Дударов сказал мне: я скажу вам по секрету, что сегодня в семь восемь часов вечера Керенский должен уехать. Официально он уезжает с Варшавского вокзала, неофициально же с Царско-Сельского. У меня также имеются срочные дела и единственный способ поймать Керенского- это сейчас не ехать на вокзал, а сесть на поезд, в котором должен ехать Керенский и на дороге, когда поезд тронется, переговорить с ним обо всем, так как здесь он слишком занят. Мы едем до Царского Села, откуда и вернемся." Мы так и сделали приехали на Царскосельский вокзал, узнали от коменданта, где поезд Керенского, сели в поезд и стали ждать прибытия Керенского. Керенский прибыл поезд тронулся и я на ходу поезда стал делать подробный доклад и подписал бумаги, относящиеся к моей миссии. Дударов также сделал доклад. В конце концов когда поезд подошел к Царскому Селу, мы оставили его и вернулись в Петроград. Вечером этого дня началось первое выступление против правительства. На следующий день прибыли команды из Кронштадта и произошли те события, которые известны вероятно и вам. Вот все, что я могу по этому поводу сказать.

АЛЕКСЕЕВСКИЙ: Какое впечатление произвели на Вас эти события, какие были причины выступления, какие меры приняло правительство и были ли это те меры, которые нужно было принимать.

Адм. КОЛЧАК. Я считаю, что это было выступление чисто большевистского характера. Это подчеркивало прибытие кронштадтских матросов и выступление частей петроградского гарнизона. В Петрограде в это время было около 12.000 войск, которые ничего не делали, только слонялись по улицам и не желали итти на фронт. Мотив был общеизвестный прекращение войны и роспуск по домам, все же остальные мотивы были преувеличенными. В связи с событиями Правительство вызвало войска с фронта; эти войска вступили в город и уже после этих событий я видел их входящими в город в очень хорошем порядке. Это были, кажется, велосипедные части кавалерии и ка-

вачьи части. Столкновения, которые были при этом в Петрограде, сводились к столкновениям большевистских частей с казаками. Единственно серьезное дело было около Литейного моста. В это время я как раз выходил от своих знакомых на Шпалерной, так что, хотя и непосредственно и не видел этого столкновения, но слышал стрельбу и видел бегство матросов по Шпалерной. Вообще же за все это время никаких ужасов на улицах ни днем ни ночью не было. Все это произвело на меня такое впечатление, что если бы были взяты войска с фронта, то они бы могли свободно подавить все это движение, так как особых затруднений в этом отношении не встретилось бы. Прошли такие команды, прибывшие в Петроград после этого столкновения, провели разгром, напились и затем сели на суда и уехали в Кронштадт. Все это производило впечатление неорганизованного выступления совершенно волнового характера.

ДЕНИСЕВСКИЙ: У вас не возникало мысли, что правительство могло бы переменить курс политики в смысле установления более твердой власти в этот момент и что правительство могло стать господином положения и подавить начинавшееся большевистское движение.

Адм. КОЛЧАК: Я уверен, что правительство, если бы еще этого хотело, могло бы это сделать, но так как в состав правительства частью входили члены, находящиеся в полной зависимости от Совета солдатск. и раб. депутатов, то оно и не могло ничего предпринять против этого. Там наблюдалась картина полной анархии: в Петрограде существовали два совершенно независимых органа-правительство и Совет Раб. и Солд. депутатов. Они вступали в какие то переговоры, но тем не менее, каждый из них действовал совершенно самостоятельно на свой страх и риск. То части, которые были матросами большевистов, находились в распоряжении Совета, у правительства были такие свои войска. Таким образом, была картина полной анархии и двоевластия, при которой одна власть признавалась и не считалась с другой. Конечно была полная возможность если бы правительство захотело этого, устранить это, но там происходили такие события, что когда часть членов Совета была арестована, то Керенский вернувшись в Петроград их освободил. Трудно

было разобраться, какую игру в л Керенский, но мне представлялось что он находится в какой то зависимости от Советов, не решается ни в чем выступать против них, а старается вести политику примирения, что конечно осуществить было совершенно невозможно, так как вся политика Совета была определенно направлена к прекращению войны , заключению мира с Германией, ввода из коалиции сомнительных и к дальнейшему немедленному проведению всех принципов социализма. Поэтому правительство все же поддерживало борьбу с Германией и считало необходимым продолжать оставаться против введения в жизнь социализма в том виде, как этого делали большевики. Поэтому правительство и Совет расходились. Само среди войск существовал полный хаос. Никто не знал, кому он подчиняется и чьи распоряжения он должен выполнять. Части прибывшие с фронта были в распоряжении правительства и сколько можно было судить по внешнему виду, находились в полном порядке, были вполне дисциплинированны, в особенности части кавалерийские. Таким образом с этой стороны вопроса не возникало и вероятно, они исполнили бы всякое приказание правительства.

АЛЕКСЕЕВСКИЙ: В этот период Вашей жизни Вам было сделано предложение от группы офицеров образовать легион, чтобы выступать им на Французском фронте. Кто был инициатором из кого состояла эта группа офицеров.

Адм. КОЛЧАК: Трудно сказать: Я помню, Алексеев все были незнакомые. Большею частью это были офицеры, которые я встречал в морском генеральном штабе, помню, что в это время мне приходилось встречаться там с Пепеляем. Он говорил со мною откровенно и нарисовал мне картину положения наших войск во Франции. Рассказ его и послужил поводом к отказу моему от работы в этом направлении. Это были люди, которые также не знали, где найти применение своим силам, которым их совесть и долг подсказывали, что в такое время нельзя сидеть сложа руки и смотреть на то, что происходит. Затем большое моральное воздействие оказала ещё депутация союза офицеров фронта, в состав которой входили Новицкий и еще несколько представителей которые поднесли мне георгиевское оружие и адрес

и выразила полное сочувствие. Это было во время или незадолго до июльских событий.

АЛЕКСЕЕВСКИЙ : Это время у Вас возникла мысль, что война дальше продолжаться не может, что надо подчиниться необходимости кончить войну и пойти за той действительной властью, которая представлялась Советам.

Адм. КОЛЧАК: Нет, такой мысли у меня не явилось: я считал что войну мы кончить не можем и что ее надо продолжать во что бы то ни стало. Никогда мысль о необходимости кончить войну мне не приходила в голову и я не мог на это пойти. В встречался с офицерами фронта знал , что есть части, которые желают драться, во главе наших войск стояло такое лицо как ген. Корнилов, которому в армии доверяли и на которое можно было положиться. Корнилов считал возможным дальнейшее ведение войны, так что говорить о каком то мире было бы невозможно.

АЛЕКСЕЕВСКИЙ : Ведь ген. Корнилов был начальником штаба Юго-Западного фронта во время этого неудавшегося июльского наступления и значит до известной степени был и автором этого наступления.

Адм. КОЛЧАК: Автором был Керенский, Корнилов не являлся только выполнителем.

АЛЕКСЕЕВСКИЙ : Но ведь выполнение возлагало известную долю ответственности и на исполнителя. Принимая во внимание, что тогда выяснилось, что наступательные действия для нас невозможны, что армия на фронте в половинном составе не хочет драться не стало ли тогда ясно для военных, что войну продолжать мы не можем

Адм. КОЛЧАК: Все считали, что войну продолжать надо во что бы то ни стало и чего бы это не стоило.

АЛЕКСЕЕВСКИЙ : Среди солдатских масс армии раздаваться голоса что командный состав войска , не желая служить под большевистской властью красной демократии, в известной степени стал саботировать. Это выражалось в том, что в критические минуты командование и даже руководство военными действиями стало переходить в руки комитетов. Так было при операциях под Ригой.

Адм. КОЛЧАК: Меня в это время было, во всяком случае при в

93 ДЛ

этого не было.

АЛЕКСЕЕВСКИЙ: Не было ли у Вас мысли, которая оправдывала бы эти упреки, а именно мысли, что уход крупных представителей командного состава с ответственных постов, напр. Ваш уход с поста командующего Черноморским флотом, является саботажем той военной силы распоряжение которой переходило в другие руки. Не было ли у Вас мысли, что Вашим уходом Вы ослабляете ту остающуюся военную силу государства ввиде Черноморского флота, которая была под Вашим руководством.

Адм. КОЛЧАК: Нет этой мысли у меня не являлось: я считал, что поступаю так, как мне подсказывала моя совесть и долг. Я не мог оставаться во флоте, так как меня удалили.

АЛЕКСЕЕВСКИЙ: Вы оставили командование без приказа.

Адм.КОЛЧАК: Но я был поставлен в такое положение, что не мог больше командовать. Я сделал то, что я должен был сделать и считал, что иначе поступить не могу: Что мне оставалось еще делать- нижи пути на дальнейший поворот, на то, чтобы мои приказания не выполнялись Я оставался на своем посту, пока меня не убрали. Когда меня заставили уйти, правительство на это никак не реагировало, сидел в Петрограде I I/2 месяца и правительство не делало мне никаких предложений, повидимому они и сами считали это невозможным.

АЛЕКСЕЕВСКИЙ: Если бы правительство сделало такой приказ. я вернулся: я всегда был подчинен правительству. Несомненно, что если бы правительством было мне дано такое приказание, то не выполнить его я не мог бы, но в том и дело, что мне только один Американец говорил:" Вы должны принести эту жертву и вернуться в Черноморский флот." Я ему на это ответил, что сам я этого вопроса не поднимаю и сам ни при каких условиях туда не вернусь. Сам и просить ся туда не стал бы, но приказание, если бы таковое мне было дано исполнил, бы, так как иначе я должен был бы не признавать правительства. Раз я подчинился ему и был до последнего дня, то выполнил бы все его приказания. Что касается моего отправления в Америку, то оно находилось в связи с согласием английского правительства дать мне возможность проехать через Англию, так как в это время

англичане установили на пограничных пунктах свой контроль: англичане контролировали выезд из России тех лиц, которые проехали через эти пункты? Поэтому я вошел в сношения с английской миссией, сказал им откровенно о цели моей поездки. Причем они мне сказали, что было бы лучше, если бы я выехал из России под чужой фамилией в виду того, что немцы следят за мной и если им сделается известным мой выезд, то они примут меры? действительно, один из пароходов, который шел из Христиании в Англию. . . . . / миссия была сама виновата в этом, так как причалила и пумела об этом/, в Немецком море был остановлен подводной лодкой в сопровождении миноносца причем немцы вызвали прямо по списку лиц которые ехали с этим пароходом и были нужны им, забрали их и отпустили пароход дальше. Англичане по секрету сказали мне, что дадут знать, когда мне будет выехать, чтобы не задерживаться в Норвегии, так как поезду . . . . . пароходы ходили довольно нерегулярно раз через неделю, иногда дней через 10 и поэтому никто не знал, когда пароход будет. После двадцатых чисел июля я уехал из Петрограда. За несколько дней до моего отъезда я видался с Гурко. /Гурко в это время уже отказался от командования/ Гурко предлагали на Кавказ наместником или Пятигорск. Сначала он поехал на съезд командующих армиями в Могилево, куда должен был приехать и Корнилов, но присутствие Гурко там оказалось нежелательным, так как он был в обостренных отношениях с Корниловым, который заявил:" Если будет Гурко, то я не буду." Поэтому, Гурко приехал в Петроград, с намерением вернуться затем на Кавказ. Гурко сообщил мне о положении в армии, но сказал при этом, что надежды на продолжение войны есть, что Корнилов привлекает к этому все усилия. Гурко смотрел на продолжение войны, как на необходимость. Гурко первый приехал ко мне с визитом. На другой день я хотел поехать к нему на квартиру, отдать визит, но узнал, что утром был арестован и послан в Петропавловскую крепость. Больше я с ним не виделся. Арест был произведен по ордеру Керенского по ко[illegible] воду каких то документов, которые были найдены у Гурко, известно переписка его с бывш. государем. Подробности этого мне неизвестны

так как вскоре после этого я уехал. Получил от англ[ийско]й миссии уведомление, что мне надо выехать тогда то, я [с]ледующих числа уехал вместе с миссией по жел. дороге на Тронсо, Христианию, Берген и действительно совершенно точно приехал к самому отходу парохода. За все время пути ничего замечательного не произошло. В Бергене я провел около суток, пока не пришел пароход. О поездке моей и моей миссии англичане были осведомлены. Я ехал через Швецию под чужой фамилией, при чем отношение ко мне было самое любезное. Из Бергена мы попали в Лондон, откуда предполагали через Атлантический океан отправиться в Америку. В Лондоне я был в начале Августа. В Лондоне я виделся исключительно только с морскими деятелями. Я был у адм. Дрейлино, который в то время был морским министром первым лордом адмиралтейства; был несколько раз у Начальника морского генерального штаба Ген. ХО Ген.ХО заявил мне, что мне придется подождать, так как в ближайшее время пароходов нет, что пароходы все страшно заняты и что мне придется недели две прожить в Лондоне. Тогда, чтобы использовать время, я просил разрешения Дрейлино познакомиться с морской авиацией и постановкой в Англии морских авиационных станций, чтобы осветить этот вопрос для себя. Для этой цели я ездил по различным заводам и станциям, летал на гидроплане в море и так дожидался момента, когда был отправлен вспомогательный крейсер из Гавра в устье Св. Лаврентия Галифакс. За все время пребывания в Лондоне я никого, кроме моряков не видел. Русским морским агентом Англии в то время был Волков. Видел также русскую морскую миссию, за исключением Ермолова, который в это время кажется был во Франции. С Набоковым я также виделся.

АЛЕКСЕЕВСКИЙ: Каково было настроение в военной и морской миссиях и русском консульстве в это время, что говорилось о положении России, отношении союзников и о расчетах союзников.

Адм. КОЛЧАК: Из тех разговоров, которые я вел с нашими миссиями видно было, что они смотря на положение вещей очень мрачно и считали, что это неминуемо кончится проигрышем войны и вынужденным соглашением с немцами. Этого они со своей стороны чрезвычайно боялись, так как считали, что в этом случае союзники примут против

нас такие же репрессивные меры, как и против Германии . Во Франции в это время было уже такое антирусское настроение, что французы третировали вообще всех русских и называли их не иначе, как " " мошенниками. У меня вначале было желание использовать время пребывания в Лондоне и поехать во Францию, но мне сказали, что лучше туда не ехать, так как настроение там к русским отрицательное.Поэтому я остался в Англии, где существовало все же более терпимое отношение. Правда, газеты уже выступали против Керенского, говорили, что во всем виноват Керенский и характеризовали его словом. . . . . т.е. болтун,но вообще в Англии относились к России и русским скорее положительно. В беседе со мной Грей сказал:" что бы делать, революция и война вещи несовместимые, но я верю, что Россия переживет этот кризис, но Вас спасти может только военная диктатура, так как, если дело будет и впредь так продолжаться, то Вы вынуждены будете примириться с немцами и попасть в их лапы."

АЛЕКСЕЕВСКИЙ: русских посольских кругах не было ли сведений по поводу событий в Феврале.

Адм.КОЛЧАК: Насколько я знаю, Набоков с самого начала приветствовал это положение и даже его разные отзывы, которые он помещал о бывшей царской семье, в Англии вызвали большое недовольство против него в видных правительственных сферах, которые считали, что каковы бы ни были его убеждения, но он не имел права, будучи на службе бывшего императорского правительства, так выражаться и высказывать свое мнение персонально бывшей царской семье в то время, как эта семья была лишена возможности возразить или ответить на это. Благодаря этой бестактной выходке он пользовался влиянием и авторитетом среди англичан, которые в этом отношении очень щепетильны и корректны. Во Главе я встал в Галифаксе. Англичане , благодаря моему личному знакомству с адмиралом Дженкинсом и., сами были со мной чрезвычайно любезны. Джелико беседовал со мной очень долго по поводу обороны Немецкого моря и минирования немецких берегов. Джелико спрашивал моего мнения по этому поводу и был чрезвычайно любезен. Обыкновенно о таких вещах не со

шим посторонним, он не находил возможным говорить об этом со мной. Таким образом, со стороны английского морского начальства отношение было самое корректное и любезное. Их любезность выражалась в том, что нас поместили на этот вооруженный крейсер совершенно бесплатно.

Конвоировал огромный транспорт" Кармения" идущий в Канаду с больными и ранеными канадскими солдатами. Мы вышли в Гламмо и направились в Ирландское море. Несколько сот мин нас сопровождали несколько миноносцев, а затем уже в открытом море мы шли вдвоем. Таким образом благополучно не встретив никакого неприятеля , мы пришли в Галифакс, совершив весь переход в 10-11 дней. По прибытии в Галифакс, нас встретил морской офицер- морской агент Никитов, который сказал, нам, что в Нью Йорке нас встретят представители морского министерства Соед. Штатов, что нам предоставлен специальный вагон, что мы являемся гостями американской нации и чтобы мы не беспокоились ни о помещении, ни о средствах передвижения, так как все это берет на себя американское правительство. Таким образом мы прибыли в Нью Йорк, где нам был подан вагон. Туда же прибыли представители морского министерства штатов- два офицера которые были прикомандированы к моей миссии и которые были раньше в России/ один из них Как Кормик, пробывший в Петрограде 4-5 лет и хорошо говорил по русски /. Таким образом, с полным комфортом мы приехали в Нью- Йорк и Вашингтон . По прибытии в Вашингтон я сделал прежде всего визит нашему послу Бахметьеву и морскому министру, его помощнику, министру иностранных дел, военному министру, военом министру, с которыми мне потом приходилось сталкиваться. После обмена визитами в первые же дни официальных приемов я выяснил, что идея переброски американских войск на Французский фронт и проведение новой экспедиции на Турцию Дарданеллы было бы совершенно невозможно, хотя военные круги и говорили, что это имело бы большое значение, так как захват Константинополя и выход Турции

из состава коалиции послужил бы началом конца всей войны. Тем не менее, выполнить этого было нельзя, так как весь транспорт был занят перевозкой войск на французский фронт.

АЛЕКСЕЕВСКИЙ: думали ли Вы лично, что форсирование Дарданелл американским десантом может дать успех, принимая во внимание неуспех предыдущих англо-французских попыток.

Адм. ХОЛЛАН. Да, я считаю это возможным.

АЛЕКСЕЕВСКИЙ: состояние американской армии, как экспедиционного корпуса, давала ли надежду.

Адм. ХОЛЛАН: Конечно, американская армия не была в состоянии выполнить блестяще эту задачу, но принималось во внимание то положение, что в этот момент Турция находилась в полном истощении. Американцы в этом вопросе базировались, главным образом, на том, что Турция не окажет сопротивления американцам, а даже пойдет навстречу. Как бы то ни было, этот вопрос был решен отрицательно и мне оставалось выполнить только мою миссию, т.е. передать те сведения, чисто технического характера, которые интересовали американцев. Также, как в Англии, я пользовался здесь полным вниманием со стороны американских и главным образом морских властей После того, как выяснилось, какую работу мне надо выполнить и как использовать приведенные со мной материалы, мне было предложено вместе с моей миссией поехать в Нью Йорк, к северу от Нью- Йорка известное место для летних купаний и недалеко от которого находится морская академия. Было условлено, что мы отправимся в Нью-Йорк вместе с прикомандированными офицерами, где разберем все материалы, где нам будет указано, что интересует морское ведомство штатов. Мы уехали в Нью- Йорк и там занимались недели две три. За все это время в Нью- Йорке я ни с кем не виделся, так как с утра до вечера мы все время проводили в академии и занимались чисто работой. Мне было поручено ответить на некоторые вопросы чисто технического порядка и я занимался этим делом. Когда я закончил эту работу, я получил приглашение от морского министра познакомиться с американским флотом и непосредственно участвовать в маневрах этого флота в Атлантическом океане. Я, конечно, при-

сенай
нял это приглашение вместе с офицерами. За нами пришел миноно-
сец и мы на этом миноносце прибыли на флот, стоявший в . . . .
Около 12 дн. я плавал на флагманском корабле американского флота
"Пенсильвания." Участвуя в его маневрах. Американцы были чрезвычай-
но любезны не только в смысле внешней стороны, но и в смысле
ознакомления меня с организацией маневрирования флота, управления
им и т.п. Я привез оттуда чрезвычайно ценные материалы, которые
теперь, конечно, имеют для нас только академическое зна-
чение. По окончании я решил, что надо возвращаться домой. Я был
глубоко разочарован, так как я мечтал продолжать свою боевую де-
ятельность, но я видел, что отношение в общем к русским тоже отри-
цательное, хотя конечно персонально я этого не замечал и не чув-
ствовал, так как я был гостем нации и приехал в ответ на такую же
миссию, которая была у нас и которая была хорошо принята. Тем
не менее я видел, что отношение Америки к русским было чрезвычайно
отрицательное и оставаться там было тяжело. Я сделал прощальные
визиты, представился президенту. Я беседовал с ним несколько
минут по поводу положения в России: он расспрашивал меня относитель-
но слухов, доходящих в Америку о русских операциях. наш флот тогда
был вытеснен из Рижского залива. Он спрашивал- были ли поправимые
силы у немецкого флота и как дело обстояло раньше. Я сказал, что
после моего ухода в 16 году была сделана громадная оборонительная
работа, усиливающая позиции, но я теперь не могу ничего
сказать кроме того, что моральное состояние команд, что драться
с ними невозможно, он сказал, вероятно, это и есть единственное
об"яснение. Затем я решил возвратиться в Россию. Я считал, что
моя миссия не удалась, что участвовать в войне мне не удастся
и что поэтому надо вернуться в Россию и там искать как . нибудь
соответствующей моим знаниям и способностям.

Антикоровский: Не замечали ли Вы в Нью- Йорке или в Вашингтоне,
что часть русского общества усиленно работала в пользу немедленного
выключения войны.

100 №2/2

Адм.КОЛЧАК: Я с этим совсем не сталкивался. Эта агитация, если она и была/ должна была вестись очень осторожно, так как американцы и все правительство страшно мусенировали эту войну, старались всеми мерами пощить воинственный дух. Все здание были оклеены плакатами патриотического свойства и если такая ра пропаганда велась, то очень осторожно, так как иначе американцы немедленно прекратили бы ее. Русских печатных изданий я там не видел и все сведения приходилось получать у американских газет, американская же пресса является удивительно несерьезной в смысле непогрешимости тех сообщений, которые она дает. Первые сведения о Корниловском выступлении я получил в Чон- Ролле, причем это было представлено в таком виде, что все уже кончено, что Корнилов взял Петроград и т.д. и только через несколько дней начали получаться другие сведения. Из Америки я решил ехать в Европ. Россию, дать о своей поездке ответ правительству и затем начать делать что нибудь. Довольно долго пришлось дожидаться первого парохода, который шел из Сан- Франциско. Это был японский пароход " Канио-Мару", я решил ехать через Японию на Восток. Я выбрал тот путь, прежде всего потому, что в это время в Финляндии уже шла борьба начиналось выступление Маннергейма и враждебные действия, направленные против русских. По некоторым данным я подозревал, что Маннергейм является немецким ставленником. Обсуждая этот вопрос, я считал, что нельзя ехать и через Францию, а затем через Архангельск, так как для этого пришлось бы обратиться и англичанам, мне же не хотелось второй раз прибегать к их любезности. Поэтому оставался только путь через Владивосток, это был к тому же наиболее скорый путь. Я выехал из Сан-Франциско. Как раз в день моего от"езда были получены первые сведения о большевистском перевороте 26 октября, что Керенский бежал, правительство пало, а Петроград находится в руках Советов Так как до этого я неоднократно читал в американск. газетах подобные же сенсации то особого значения я этому не придал, тем более, что американским газетам верить было чрезвычайно трудно. В Америке остался из моих спутников только один Смирнов, а остальные четыре спутника поехали вместе со мно". Это были - специалист по минному делу лейтенант Безуар

~~100~~ 101 ~~103~~ 20

мой флегматический офицер Лечитский и специалист по минным заграждениям Вуич. В Сан Франциске перед отходом парохода, я получил телеграмму на французском языке из Петрограда от партии к.д. подписанную как будто председателем комитета, где мне было предложено выставить мою кандидатуру в Учредительное собрание по Балтийскому и Черноморскому флоту. Я ответил на эту телеграмму согласием." Карио Мару" держала курс на Иокогаму через Гавай. Переход длился приблизительно 12-14 дней. За все время я был абсолютно отрезан от всего мира несмотря на то, что на "Карио Мари" была приемная станция. Пароход был страшно перегружен и только благодаря содействию Лансинга и знакомству в морском мире нам удалось получить места. В Иокогаму мы прибыли около 8-9 ноября. в Иокогаме был поставлен в курс событий и получил первые сведения о положении в России Там меня встретил наш морской агент контр-адмирал Дудоров, который сообщил, мне, что произошел переворот, что временного правительства не существует, что в настоящее время существуетитак называемая Советская власть, которая повидимому идет на соглашение с Германией и прекращение войны? Эти известия произвели на меня большое впечатление. Я подробно переговорил с Дудоровым- можно ли верить известию о заключении мира с немцами и нет ли возможности получить более точные сведения. "Вы находитесь в связи с Петроградом, в связи с генеральным штабом, поэтому я прошу обратиться к Альтатеру или к кому нибудругому в генеральном штабе, который бы информировал нас о том, что произошло и в каком положении находится фронт и война? Через некоторое время вскоре после этого получилось известие о брестском мире и переговорах Это было для меня самым тяжелым ударом, может быть даже хуже, чем да же в Черноморском флоте. Я видел, что вся работа моей жизни кончилась именно так, как я этого опасался и против чего я совершенно определенно всю жизнь работал. Для меня было ясно, что этот мир обозначает полное наше подчинение Германии, полную нашу зависимость от нее и окончательное уничтожение нашей политической независимости. Тогда я задал себе вопрос- что же я должен делать. Правительства , которое заключает этот мир, я не признаю, мир этот я также не признаю; на мне, как на старшем представителе флота, лежат известные обязательства и

принять такое положение для меня представлялось невозможным. Когда я собрал своих офицеров и сказал, что предоставляю им полную свободу ехать куда кто хочет, но я считаю возвращение мое в Россию после этого мира невозможным, что я сейчас ничего не могу решить, но поступлю так, как подскажет мне моя совесть. Обдумав этот вопрос я пришел к заключению, что мне остается только одно-продолжать все же войну, как представителю бывшего русского правительства, но только мало известное обязательство союзникам. Я занимал официальное положение, пользовался его доверием, оно дало эту войну и обязан эту войну продолжать. Тогда я послал к английскому посланнику в Токио сэру Грину и сказал свою точку зрения на положение, сказал, что этого правительства я не признаю и считаю своим долгом, как и они их представителей бывшего правительства, выполнить обязательства союзникам, что те обязательства, которые были взяты Россией по отношению союзников, принятся и новым обязательствам, как представителя русского командования, поэтому я считаю необходимым выполнить эти обязательства до конца и желаю участвовать в этой войне, хотя бы Россия и заключила мир при большевиках. Поэтому я обращаюсь к нему с просьбой довести до сведения английского правительства, что я прошу принять меня в английскую армию на каких угодно условиях. Я не ставлю никаких условий, а только прошу дать мне возможность вести дальнейшую борьбу. Сэр Грин выслушал меня и сказал:" я вполне понимаю Вас, понимаю Ваше положение, я сообщу об этом своему правительству и прошу Вас подождать ответа от английского правительства. Я сказал ему также, что два моих офицера также смотрят на вещи, как и я , желают разделить мою судьбу, другие же у которых в России остались семьи, которые они не считают возможным бросить, и желают ехать в Россию. Со мной Булич и Безуар

АДЪЮТАНТ: В то время, когда вы приняли такое тяжелое решение поступать на службу другого государства, хотя бы и союзного или бывшего союзным, у вас должна была явиться мысль, что ведь существует целая группа офицеров, которые вполне сознательно остаются на службе нового правительства во имя того среди них имеются известные крупные величины. Как рассматривали вы их поступок.

Арт.КОЛЧАК: Я считал, что они поступают неправильно, они не

должны были оставаться на службе. Я не мог, конечно, рассматривать их всех, как людей бесчестных, но ведь большинство их них поставлено в безвыходное положение, надо было что нибудь есть

АЛЕКСЕЕВСКИЙ: Но ведь там были крупные офицеры во флоте, которые сознательно шли на это, как напр. Альтфатер. Как относились Вы к ним.

Адм. КОЛЧАК: Поведение Альтфатера меня удивляло, так как если раньше поднимался вопрос о том, каких политических убеждений Альтфатер, то я сказал бы, что он был бы скорее монархистом. Мечтой Альтфатера было сделать адъютантство, он к этому и шел, так как имел большие связи при ставке. И тем более меня удивляла его перекраска в такой форме. Вообще раньше было трудно сказать, каких политических убеждений офицер так как такого вопроса до войны просто не существовало, если бы кто нибудь из офицеров спросил тогда: "к какой партии Вы принадлежите," то вероятно, он сказал бы" ни к какой партии не принадлежу и политикой не занимаюсь. Каждый из нас смотрел так, что правительство может быть каким угодно, но что Россия может существовать при любой форме правления. У вас под монархистом понимается человек, который считает, что только эта форма правления может существовать. Я думаю, что у нас таких людей было мало и скорее Альтфатер принадлежал к этому типу людей. Для меня лично не было даже такого вопроса. Может ли Россия существовать при другом образе правления, конечно, я считал, что она могла бы существовать.

АЛЕКСЕЕВСКИЙ: Тогда среди военных, если и не высказанная, но все же была мысль, что Россия может существовать при любом правительстве. Тем не менее когда создалось новое правительство, Вам уже казалось, что страна не может существовать при этом образе правления.

Адм. КОЛЧАК: Я считал, что это правительство является правительством шайки захватного порядка, правительством известной партии, известной группы лиц и что оно не выражает настроения и мнения всей страны. Для меня тогда это было несомненно. Я считал что то направление, которое приняла политика правительства, которое начало с заключения брестского [illegible] промышленности, падения чорда, где пришел отказ

он претендовать,для во флоте.Я был командующим флотом в черном Пре-

договора и разрыва с союзниками, приведет нас к гибели. Уже один ...ое ...акт обеспечивающий господство немцев над нами, говорил за то, что это ...вительство действует в направлении нежелательном, отвечающим чаяниям не... ких политических кругов.

АЛЕКСЕЕВСКИЙ: В отношении Альтфатера у Вас не явилась мысль, что он ... может быть назван не только человеком, открыто ориентирующимся на Германи... но и карьеристом.

Адм. КОЛЧАК: Конечно Я считал Альтфатера карьеристом, который считает возможным делать карьеру, таких людей было много. Другой такой фигурой ... нашем флоте являлся Максимов. Бернс мне представлялся с другой точки зр... ния. Бернс был всегда убежденным германофилом, он был всегда убежден... необходимости связи с Германией и считал величайшей ошибкой нашей участ... в войне против нее. Это было его глубокое убеждение и с этой точки зрения он и рассматривал все происходившие события. Поэтому я понимал точку зрения Бернс, она могла быть об"ективно оправдана, так как Германия во ... ми войны обнаружила необычайно высокую постановку дела во флоте. Так как вся военная литература, все военные исследования были немецкими, то ... не понятно, что он находился под влиянием немецкой военной и морской шк... лы. Поэтому, я вполне понимаю, что германский империализм, который сказал ся и в области знания и точной науки несомненно, имел на него влияние Я совершенно не отрицаю, что он находился под сильным влиянием этой шк... т.к. вся литература, вся работа в этой области шли из Германии. Это в ... кой-то мере сказывалось и в военном деле, в какой сказывалось и в област... техники и технической промышленности. Недели через две пришел ответ от военного министерства Англии. Мне сначала сообщили, что английское пра... вительство охотно принимает мое предложение относительно поступления на службу в армию и спрашивает меня, где я желал бы предпочтительнее слу... жить.Я ответил, что обращаюсь к ним с просьбой принять меня на службу в английскую армию, не ставя никаких условий и предлагая использовать меня так, как оно найдет это возможным. Что касается того, почему я выразил желание поступить

в армию,а не во флот,то я знал хорошо английский флот,знал,что английский флот,конечно,не нуждается в нашей помощи.Кроме того,флот гораздо меньше нуждается во внешнем пополнении,т.к.,если корабль гибнет,то он гибнет вместе со всем экипажем.Затем,на что же я мог бы претендовать,идя во флоте.Я был командующим флотом в Черном море,я бы попал на какие-угодно условия,но сами англичане,которые меня хорошо знают,были бы в ложном положении.Если бы я был молодой офицер,то меня могли бы назначить на какой-нибудь миноносец,но тут создалось неловкое положение.Вот почему я подчеркнул,что желаю итти в армию хотя бы простым солдатом.Таким образом,на запрос английского военного министерства я ответил,что у меня нет ни претензий,ни желаний,кроме одного возможности участвовать активно в войне.Наконец,очень поздно пришел ответ,что английское правительство предлагает мне отправиться в Бомбей и явиться в штаб Индийской армии,где я получу указания о своем назначении на Месопотамский фронт.Для меня это,хотя я не просил об этом,было вполне приемлемо,так как это было вблизи Черного моря,где происходили действия против турок и где я вел борьбу на море.Поэтому я охотно принял это предложение и просил сэра Ч.Грина дать мне возможность проехать на пароходе в Бомбей.

АЛЕКСЕЕВСКИЙ:Встречались ли Вы в Японии с русскими официальными кругами.

АДМ.КОЛЧАК:Да,я встречался там с Крупенским,Игнатьевым и вообще говорил со всем составом посольства.

АЛЕКСЕЕВСКИЙ:Как смотрел Крупенский на политическое положение в России и были у него колебания в отношении правительства большевиков.

АДМ.КОЛЧАК:У всех,кого я только видел,отношение к этому правительству было отрицательное.Они определенно этого правительства не признавали,не отвечали на его требования,кот.поступали т.д.При мне должен был приехать новый представитель советской власти и вступить в исправление обязанностей посла.Но японское правительство его не допустило.Таким образом,по-

~~105~~ 106

ложение наших послов внешне осталось как бы без перемен, но по существу они не были авторизированы никакой властью, существовали ли как бы по инерции по старым кредитам, которые еще существовали. С ними считались, как с представителями великой державы и, таким образом, все шло по старому.

АЛЕКСЕЕВСКИЙ: Но ведь тогда для официальных русских кругов вопрос об отношениях к правительству должен был встать хотя бы в грубой материальной форме.

АДМ. КОЛЧАК: Вопрос этот они решили таким образом: они существуют, пока существуют средства, отпускавшиеся для посольства. Средства эти получались от кн. Кудашева, который получал крупные ресурсы от боксерской контрибуции. Из этой суммы можно было содержать местные посольства, но, конечно, можно было ожидать, что китайцы откажутся выплачивать эту контрибуцию и посольствам тогда нужно будет закрыться. Я помню, Крупенский говорил, что в таком случае он закроет посольство, сдаст его под охрану, а сам уедет частным человеком.

АЛЕКСЕЕВСКИЙ: Этих средств хватало только на содержание восточных посольств и местных консульств или их хватало и на содержание всего дипломатического корпуса.

АДМ. КОЛЧАК: Я боюсь точно сказать, знаю только, что на Востоке посольства существовали на эти средства. Что касается американского посольства, то Бахметьев, располагая огромными средствами и во всяком случае американское посольство в этой помощи не нуждалось.

АЛЕКСЕЕВСКИЙ: Но ведь для Керенского и официальных русских кругов в Японии было ясно, что сменившее большевистским правительство правительство Керенского также не удовлетворяло требованиям момента и смены этого правительства они желали и раньше. Какого же они правительства хотели.

АДМ. КОЛЧАК: Они желали, чтобы это правительство было авторизировано Учредительным собранием. Общее мнение всех лиц, с которыми мне приходилось сталкиваться, что только авторизированное Учредительным Собранием правительство может быть настоящим, но то Учредительное Собрание, которое мы получили здесь, которое бы-

ло разогнано большевиками и которое с места заняло Интернационал под руководством Чернова, вызывало со стороны большинства лиц, с которыми я сталкивался, отрицательное отношение. Считали, что оно было искусственным и партийным. Это было и мое мнение. Я считал, что если у большевиков и мало положительных сторон, то разгон этого учредительного собрания является их заслугой, что это надо поставить им в плюс. Все считали, что нужно создать новое правительство, но что для этого прежде всего надо спросить голоса самой страны. На большевистскую власть смотрели, как на захват власти известной группой, которая не спрашивала, желает ли страна этой власти. Считали, что если такие события произошли, то по всей вероятности, они будут вынуждены прибегнуть к Учредительному Собранию или другому представительному органу, который или авторизирует или назначит другой орган. Таким образом, и к правительству большевиков и к учредительному собранию, которое было разогнано большевиками, отношение было отрицательное.

28 января.

А.Н.АЛЕКСЕЕВСКИЙ:Вчера мы остановились на Вашем отъезде по приглашению английского правительства в Месопотамскую армию.

АДМ.КОЛЧАК:Этими переговорами с английским послом в Токио сером Грином исчерпываются у меня все встречи более или менее серьезные,которые я имел за время своего пребывания в Японии.Я почти нигде не бывал и виделся только с членами посольства и с членами нашей военной и морской миссий.В конце концов мне удалось в 20-х числах января,после долгих ожиданий,уехать на пароходе из Осокагами в Шанхай,куда я прибыл в конце января.В Шанхае я явился к нашему Генеральному Консулу Гроссу и английскому Консулу,которому включил бумагу,определяющую мое положение,я просил его содействия устроить меня на пароходе и доставить меня в Штаб Месопотамской армии.С его стороны было сделано соответствующее распоряжение,но пришлось долго ждать парохода.Когда пароход пришел,на нем обнаружилась чума,его задержали,дезинфецировали,и наконец мы собрались выехать Шанхай,Гонг-Конг,Сингапур,Коломбо и Бомбей.Из Шанхая я выехал в феврале,ибо там пришлось три или четыре недели ждать парохода.Перед отходом моим я получил письмо от нашего посланника князя Кудашева,который был в Пекине,с просьбой приехать к нему по весьма важному делу для переговоров с ним,я ответил,что,если бы это было раньше,я бы мог заехать в Пекин,но теперь я никоим образом не могу изменить своего движения и нефиляюсь,что теперь приехать не могу.Затем еще в Шанхае я впервые встретился с одним из представителей Семеновского вооруженного отряда.Это был казак,сотник Левченко,который ехал через Пекин, был у нашего посланника,затем поехал в Шанхай и в Японию с просьбой оружия для отряда Семенова.В гостинице,где я остановился,он встретился со мной и сказал,что в полосе отчуждения произошло против Советской власти,что во главе восставших стоит Семенов, что у него сформирован отряд в 2000 человек,и что у них нет оружия и обмундирования,и

вот он послан в Китай и Японию просить о предоставлении ему возможности и средств закупить оружия для отрядов. Он меня спрашивал, как я отношусь к этой. Я ответил, что как бы я не относился, но в данный момент я связан известными обязательствами и изменить своего решения не могу. Он сказал, что было бы очень важно, если бы я приехал к Семенову поговорить, так как нужно, чтобы я был в этом деле. Я сказал: "вполне сочувствую, но я дал обязательство, получив приказание от английского правительства и еду в Месопотамский фронт." С своей точки зрения я считал безразличным, буду ли я работать с Семеновым или в Месопотамии, я буду исполнять свой долг по отношению к родине. В разговоре с нашим агентом я советовал дать средства на приобретение оружия, но средства эти не были даны Живченко, и он, уехавши в Японию, уже получил согласие от Японского Генерального Штаба, на то, что помощь оружием ему будет оказана. И, действительно, японцы послали известное количество оружия, патрон и т.д. Вот самое крупное, что было за время моего пребывания в Шанхае.

XL Из Шанхая я уехал на пароходе в Сингапур. В Сингапуре ко мне прибыл командующий войсками генерал Ридаут приветствовавъ меня, передал мне срочно посланную в Сингапур телеграмму от директора Осведомительного Отдела Военного Генерального Штаба в Англии. Телеграмма эта гласила так: английское правительство, приняв мое предложение, тем не менее в силу изменившейся обстановки на Месопотамском фронте - потом я узнал, в каком положении дело, но раньше я не мог это предвидеть - считает в виду просьбы, обращенной к нему со стороны нашего посланника кн. Кудашева, что будет полезно для общего союзнического дела, чтобы я вернулся в Россию, что мне рекомендуется ехать на Дальний Восток, начать там свою деятельность, и это с их точки зрения является более выгодным, чем мое пребывание на Месопотамском фронте, тем более, что там обстановка совершенно изменилась. Я сделал уже более половины пути, это меня

поставило в чрезвычайно тяжелое положение:прежде всего материально - ведь мы все время путешествовали и жили на свои деньги,не получая от английского правительства ни копейки, так что средства у нас подходили к концу и такие прогулки нам были не по средствам.Я тогда послал еще телеграмму с запросом,что это приказание или только совет,который я могу не исполнить.После этого была срочная телеграмма с довольно неопределенным ответом:английское правительство настаивает на том,что мне лучше ехать на дальний восток,и рекомендует мне ехать в Пекин в распоряжение нашего посланника кн.Куданова.Тогда я увидел,что вопрос у них решен.Подождавши первого парохода я выехал в Шанхай,а из Шанхая по железной дороге в Пекин.Это было в марте 1918 г.В Пекине я явился к нашему посланнику кн.Куданову,показал ему все документы,которые я имею,и на основании которых я действую,и сказал ему:"Я прислан в Ваше распоряжение,какую Вы миссию предполагали возложить на меня."Он мне ответил:"Я сам настаивал,что Вам делать на Месопотамском фронте,тем более,что там русских частей нет.Там были русские части,которых англичане поддерживали известным образом,и они вместе с англичанами дрались против турок,но теперь эти русские части бросили фронт,и этим об'ясняется их распоряжение."Вот каковы были мотивы распоряжения.

Князь Куданов дальше мне сказал вот что:"против той анархии,которая возникает в России,уже собираются вооруженные силы на юге России,где действует добровольческая армия генерала Алексеева,генерала Корнилова"-тогда еще не было известно о его смерти - что необходимо начать подготовлять Дальний Восток к тому,чтобы создать здесь вооруженную силу для того, чтобы обеспечить порядок и спокойствие на Дальнем Востоке.Для этой цели Куданову очевидно раньше был разработан этот вопрос таким образом,что в полосе отчуждения Китайско-Восточной ж.д. на средства этой дороги,которые предназначались ра-

110. 111

нее для отдельного корпуса пограничной стражи, которая охраняла к.д., положить основание вооруженной силы в полосе отчуждения сначала под видом охраны этой полосы отчуждения, а затем, когда эти войска будут обучены и подготовлены, двинуть их за пределы Китайской полосы на Владивосток или куда-нибудь. О Семенове там было известно, что Семенов действует своим отрядом, который поддерживается и материально и оружием и деньгами японцами, что этот отряд пока особого успеха не имеет, он действует на границе Маньчжурии, вблизи Забайкальской области, до полосы Маньчжурской границы, что у него ожидается приход добровольцев, которые увеличат вооруженные силы, и таким образом можно ожидать, что впоследствии этот отряд выльется в большую вооруженную силу, я спросил, какие у меня будут взаимоотношения с Семеновым, у которого есть приоритет. Он сказал, что Семенов действует в Забайкалье, а мне дается задача работать в полосе отчуждения, при чем он прибавил: "Конечно, Вам придется войти с Семеновым в компромисс, мне бы хотелось, чтобы Вы взяли на себя заведывание суммами, которые распределяются хаотически: нужно, чтобы эти деньги шли через определенные руки, через Вас. Мне известно, что англичане и французы поддерживают отдельные отряды и формирования, которые образовались в Харбине: но все это делается без всякого плана, отряды эти самочинные, не подчиняются никому, зависят от тех иностранцев, которые им дают деньги, и происходит полный хаос. Нужно постараться этот хаос привести в порядок." Я сказал, что займусь этим делом, но прежде всего мне хотелось бы знать, какие средства и в каком масштабе я могу вести эту работу. Кн. Кудашев мне сказал: "У нас теперь чрезвычайно тяжелое положение с Восточно-Китайской к.д.: в виду того положения, которое создалось в России китайцы обнаруживают тенденцию захватить эту дорогу в свои руки, дорога в сущности говоря русская, ковл деньги и акции большей частью находились в государственном банке, и только часть находилась сначала в Русско-Китайском, а потом в Русско-Азиатском бан-

II. 112

ке, вней заинтересованы непосредственно русские и французы, но китайцы хотят воспользоваться этим положением и забрать эту дорогу,- придется вести борьбу.Так как правление Восточно-Китайской ж.д.дороги было в Петрограде и большая часть его членов осталась там,но он мне сообщил,что Хорват считает необходимым образовать правление Восточно-Китайской ж.д.,которое бы уже получило возможность там так или иначе осуществлять свои русские интересы.Вслед за тем он сообщил,что план будет выработан и попутно выяснится вопрос о моей деятельности в полосе отчуждения.Вскоре в Пекин прибыли Хорват,Путилов,Гейер, с Хорватом еще прибыли несколько представителей жел.дор.и Русско-Азиатского банка,и их уполномоченный Славута,затем директор Азиатского банка - одним словом лица из состава представителей ж.д.и Русско-Азиатского банка.Хорват мне сказал, что он совершенно согласен с тем взглядом,который был высказан кн.Кудашевым:прежде всего нужно оформить мое положение,чтобы я мог в полосе отчуждения явиться лицом определенным,чтобы я вошел как член Правления в состав Правления ж.д..Там в составе Правления этой дороги был всегда член Правления по назначению Генерального Штаба,который ведал военно-стратегической стороной железной дороги и ее охраной.Я не помню,кто там был раньше,но это был офицер Генерального Штаба,теперь же они предполагали меня просить о том,что я должен был занимать совершенно определенное официальное положение.Затем было собрание у кн.Кудашева с китайскими представителями,которые по уставу должны были входить в состав Правления и совместно было образовано Правление Китайской ж.д.под председательством Хорвата.Я вошел в это Правление,как военный член согласно уставу,так что с формальной стороны все было сделано правильно.Туда не вошел и Устругов,с которым я впервые тогда познакомился,кн.Кудашев туда не входил,так как он как посланник не мог войти.

А.И.АЛЕКСЕЕВСКИЙ.В число лиц этого совещания был и Шталь.

АДМ.КОЛЧАК:Он был в Пекине,но в Правление не входил.

А.И.АЛЕКСЕЕВСКИЙ:Он был как бы юрисконсультом.

АДМ.КОЛЧАК:Нет,он не участвовал,акт этот составлял помощник Гейера,я видел его,несколько раз с ним говорил,но участия он не принимал.Все эти лица продолжали заниматься разбором различных дел,в которых я не принимал участия,а я вместе с нашими агентами Татариновым занялся разработкой формирований в полосе отчуждений,составлял сметы и затем ставил вопрос,где не достать оружие.Единственно,откуда представлялась возможность получить вооружение,была Япония,потому что английское и французское правительства тогда фактически в лучшем случае поддерживать только деньгами такое предприятие,но ни одной винтовки,ни одного патрона и пулемета они дать не могли.Это могла дать только Япония.Поэтому я на одном из частных бесед с князем Кудашевым и Хорватом сказал,что я считаю необходимым сейчас просить Японию об отпуске нам под те суммы,которые находятся в распоряжении К.В.Д.или каким-нибудь другим путем,но прежде всего надо известное оружие получить,потому что раз мы не будем обеспечены оружием,то формирование вооруженной силы явится невозможным.Тогда кн.Кудашев предложил мне поехать к японскому посланнику Сайде,которому я,не скрывая ни цели,ни смысла всего происходящего,все изложил и сказал,что весь вопрос заключается в оказании нам помощи оружием,я прошу снестись с правительством,какое оружие и в каком размере Военное Министерство Японии могло бы отпустить на предполагаемое формирование боевых частей,и что с моей стороны желание сводится к тому то, - и дал список.Затем ко мне прибыл Попуда и я с ним тоже не обсуждал этот вопрос.При переговорах с Попудой относительно оружия,он сказал,что будет телеграфировать об этом в Генеральный Штаб и что в Харбине имеется японская миссия с генералом Накашими во главе и было бы хорошо,если бы я с ним столковался.Он сообщил,что они Семенову передали довольно много оружия и что,вероятно,на известных условиях Япония согласится и нам дать вооружение.На этом мы покончили все дела и переговоры в Пекине и я уехал в Харбин.

А.Н.АЛЕКСЕЕВСКИЙ:Образование нового Правления не вызвало ли сомнения в самих участниках Совещания с точки зрения на его образования.Ведь в сущности говоря,было действительно старое правление,а тут как бы самочинно образовывается новое Правление,причем из старых членов правления было только два китайских представителя Хорват и Путилов,- больше никто не оставался из всех остальных лиц.Таким образом 4-е члена,два русских и два китайских выбрали приблизительно 12 человек и самих себя.

АДМ.КОЛЧАК:Нет,там было всего 7 или 8 членов.Вопрос стоял таким образом:или Правления нет и если мы правления не образуем,то китайцы возьмут дорогу в свое распоряжение.Но китайское правительство не возражало против этого,а оно могло бы легко возражать,это делалось совершенно открыто.Один член правления и был губернатором Гиринской провинции.

А.Н.АЛЕКСЕЕВСКИЙ:Значит выясняется,что в сущности главным лицом и инициатором всего этого предприятия в смысле образования нового Правления Восточно-Китайской ж.д.с созданием не только Управления дороги,но и администрации территории в полосе отчуждения,с созданием учреждения,которое ставит себе целью борьбу с большевизмом,был в сущности князь Кудашев.

АДМ.КОЛЧАК:Я думаю,что кн.Кудашев и Хорват.

А.Н.АЛЕКСЕЕВСКИЙ:Какие-нибудь переговоры по этому поводу с посланниками в Пекине были.

АДМ.КОЛЧАК:Франция была заинтересована и кн.Кудашев говорил тоже самое,что французы в общем относятся недоброжелательно к этому предприятию,они считали,что они имеют право тоже вмешательства в эти дела,но кн.Кудашев как-то уладил это дело.В это время происходила смена посланника.Приехал Коб,старый посланник куда-то уезжал,и Кудашеву удалось уладить трения,которые происходили с этой стороны.Все же нам препятствия они не ставили.

А.Н.АЛЕКСЕЕВСКИЙ:А Английские дипломатические круги в Пекине имели какое-нибудь отношение к этому.

АДМ.КОЛЧАК:Нет,ни английские,ни американские,ни японские круги не имели к этому никакого отношения с их стороны никаких во-

просов не возникло. После всех переговоров я выехал Мукден на Харбин. Это было в начале или половине апреля по нов. стилю. Прибывши в Харбин, прежде всего, не вступая в должность свою около 10-ти дней, старался присмотреться к тому положению, которое создалось по всей линии отчуждения ж.д. и изучить ту обстановку, которая сложилась на Дальнем Востоке и обстановку военную прежде всего. Как раз во время этого приезда там находился отряд Семенова, который вел активные операции против большевиков и довольно успешно, т.-е. ему удалось оттеснить противника за реку Онон, но Ононский мост был взорван красными частями и это остановило движение семеновского отряда и дальше он не пошел. Это было положение у Семенова в полосе от Читы до ст. Оловянная. Средства Семенов получал главным образом от японской миссии в смысле вооружения, денег, снабжения, а отчасти ему помогла Хорват из тех запасов, которые находились в полосе отчуждения ж.д. и принадлежали бывшей там стране этой дороги. В первые же дни мне было совершенно ясно, что Семенов действует, не считаясь ни с Хорватом, ни с его распоряжениями, широко применяя в полосе отчуждения ж.д. реквизиционную систему, т.-е. просто забирая все, что можно. Семенов реквизировал все железнодорожное имущество, приставляя револьвер ко лбу и все вносилось. Хорват и противился этому, но он не слушался. К этому времени у него явилась идея милитаризации ж.д. с тем, чтобы на ней было военное управление. Я говорил об этом с Хорватом и Уструговым и сказал, что я не верю в возможность милитаризации дороги, потому что нет здесь даже достаточно людей для того, чтобы взять дорогу в военные руки, а отряд Семенова не содержит в себе тех элементов, которые бы взяли это дело. Я говорил, что милитаризация в моих глазах будет тоже самое, что и социализация т.-е. эта дорога перестанет работать и что нужно держать тех техников и служащих, которые работали на этой дороге, но не допускать возможности военного управления дорогой. Таково было мнение Устругова и Хорвата, и этот проект не получил осуществления по крайней мере в полосе отчуждения. Затем на другом конце ж.д. около ст. Пограничная находился другой маленький отряд, не более 70-

80 человек,есаула Калмыкова.Этот отряд образовался самостоятельным путем независимо ни от кого,собралась группа офицеров и к ней примкнули уссурийские казаки.Этот маленький отряд находился около ст.Пограничной и как я вскоре убедился,он пользуется поддержкой в смысле оружия со стороны Японии.Кроме того Семенова поддерживают усиленно французы,и представители военной французской миссии перевели ему известные средства.Англичане держались несколько другого положения.Кроме этих двух конечных отрядов по концам дороги - Калмыков пока еще ничего не делал - в самой полосе отчуждения в Харбине главным образом находились следующие воинские части:отряд полковника Орлова численностью примерно в 1000 чел.,затем отряд полковника Мациевского,состоящий из китайских добровольцев.Это была небольшая часть,в которой было человек 400.

Затем было несколько независимо от Орлова и Мациевского формирование на ст.Эхо 200-300 вер.от Харбина,артиллерийский отряд с несколькими орудиями,кроме того в полосе отчуждения формировался отряд охранной стражи Китайской к.д.,куда принимались добровольцы,в нем было человек 600-700 стражи или даже меньше.Чисто железно-дорожными силами командовал ген.Самойлов.Плешков занимал в это время положение как бы командующего войсками с большим штабом,они начали с формирования больших Штабов,не имея никакой вооруженной силы.Все это отдельные отряды никому и ничему не подчинялись и правление Плешкова было чисто номинальное.Они сносились с Штабом по своим нуждам с требованием денег,снабжения и вооружения,но когда дело доходило до каких-нибудь распоряжений,исходящих из Штаба,они не желали их выполнять.Нужно сказать, что все эти отряды образовались как-то самостоятельно,никто из них определенными планами не задавался и поэтому лица,которые стояли во главе таких отрядов были совершенно независимы и самостоятельны,тем более,что иностранцы поддерживали Семенова и Калмыкова,англичане поддерживали не много Орлова - это единственное,что англичане делали и поддерживали только главным образом материально,потому что оружия у них не было.Французы присылали немного оружия Семенову,но мало.Американцы никакого участия ни в чем не принимали.

А.П.Алексеевский. Отряд Маковкина,состоящий из китайцев тоже предназначался для борьбы с большевиками,а не для охраны ж.д.

Адм.КОЛЧАК. Нет считалось что китайцы вообще не будут участвовать,этот отряд предполагали для охраны дороги,потому что на китайцев смотрели так, что они вообще драться не будут и на них надеяться нельзя. На них смотрели,как на возможность из"ятия русских от охраны ж.д.но они дальше этой дороги не пойдут.

Все эти отряды возникли совершенно самостоятельно,поэтому они сообразовали свои действия почти независимо от кого бы то ни было,подчинялись только своим начальником,а Штаб пред"являл одни только требования в смысле материального снабжения,деньгами и т.д.Что меня очень опечалило с самого начала это глубокая рознь между орловским отрядом и Семеновским. Они участвовали еще до меня в совместных действиях, но эти совместные действия привели к разрыву и осложнениям между Семеновым и Орловым и дело дошло до того, что Орловцев невозможно было двинуть на фронт вместе с Семеновцами.Таковы отношения были между отрядами Калмыкова и Врангеля, военная часть Орловского отряда,которая была образована и была в это время на Семеновском фронте, но готовилась отойти оттуда,потому что они свою задачу считали законченной.Эта часть в размере эскадрона с двумя орудиями и пулеметами действовала на Семеновском фронте,но там тоже шли все время трения и было желание у этих отрядов выйти из подчинения Семенову.

А.П.АЛЕКСЕЕВСКИЙ.Каковы были причины этих трений:

Адм.КОЛЧАК.Я думаю, что они лежали в характере русских людей совершенно утративших в это время всякое понятие о дисциплине.Никому не желаю подчиняться,кроме самого себя,поэтому каждое распоряжение,которое давал какой-нибудь начальник всегда резко критиковалось,считалось что оно бессмысленно и возбуждались бессмысленные жалобы на то,что нас мол заставляют драться,а своих бережете и т.д.Вот это все привести в порядок и заставить их об"единиться была моя задача,чтобы подчинить их одной власти.

А.П.АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Вы лично в Харбине встретились с Орловым.

Адм.КОЛЧАК. Да.

А.Н.АЛЕКСЕЕВСКИЙ. А раньше вы этих военных людей знали.

Адм.КОЛЧАК. Нет, я впервый раз их видел и узнал,что Орлов был в армии все время,что касается Семенова и Калмыкова,то я их нигде никогда не видал.

Политическое положение определялось следующим образом:политическую организацию в Харбине составлял дальне-Восточный Комитет В нем было управление Восточно-Китайской ж.д.и находилось то что называло себя правительство и жило в вагоне-это так называемое правительство Дерберга,в которое входил в Устругов.Оно состояло преимущественно из представителей торгово-промышленного класса на Востоке.

А.Н.АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Но Вы повидимому группу Дерберга не совсем точно называете правительством,правительством оно назвало себя позднее,а до этого времени оно называло себя Восточным Комиссариатом.

Адм.КОЛЧАК.Они называли себя правительством Дерберга.Вскоре после этого оттуда вышел Устругов,все посты у них были распределены,Краковецкий был военным министром.Жили они в вагонах предоставленных им Хорватом.Их деятельность ни в чем не сказывалось,я ни разу не сталкивался с ними ни в какой области,хотя мы жили рядом и стояли на смежных ветках. Министерские посты были у них все распределены,они не делали никаких выступлений и жили как частные лица и повидимому ни во что не вмешивались и никаких претензий ни на что не заявляли.

А.Н.АЛЕКСЕЕВСКИЙ. А Дальне-Восточный Комитет обнаруживал известную деятельность.

Адм.КОЛЧАК.Очень слабую,она клонилась к известному поддержанию этих отрядов,кое какие средства они давали.Дальне-Восточный Комитет проявлял чезвычайно малую и слабую политическую деятельность,они у меня бывали.Но это были только разговоры, а дела они никакого не делали.Что же касается гражданской власти,то на полосе отчуждения была восстановлена та власть,которая раньше там существовала.Там была администрация в руках гражданского управления при управлении и целая система администрации в полосе отчуждения ж.д.

А.Н.АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Там был установлен член директор-распорядитель при Управлении дороги,который стоял во главе Правления этой дороги.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Политическую работу начало вести уже вновь

организовавшееся Правление.

Адм.КОЛЧАК. Да,другого органа не было.

А.Н.АЛЕКСЕЕВСКИЙ.Каковы были взаимоотношения между Хорватом,который являлся как бы главою правительства,фактически существовущего на полосе дороги с Дальне-Восточным Комитетом и с группой Дербера.

Адм.КОЛЧАК. Что касается группы Дербера,то Хорват считался так: "было бы неудобно выбросить их на улицу,они просили у меня возможности жить,я дал им вагон и я смотрю на них как на частних лиц".Он им покровительствовал,как частным лицам,несмотря на то,что они претендуют на какое то звание членов.Я думаю что отношение всего правления было такое же,как и отношения Хорвата.Когда обсуждался вопрос о создании какой нибудь власти на полосе отчуждения,то я и некоторые другие заявляли совершенно определенно,что никакого правительства и определенной власти создать в полосе отчуждения,нельзя,потому что это в конце концов территория не русская, и китайцы могут попросить убраться это правительство вон,если бы таковое об"явилось.Дело в том,что положение полосы отчуждения было очень серьезно со стороны китайцев,китайцы уже чувствовали себя хозяевами положения.Это я заметил резкое изменение великолепных отношений,и когда я приехал в Харбин,они взяли совершенно другой тон и другое направление.Я думаю,что Дербер и его сотрудники потому не об"являли себя правительством,что это вызовет конфликт с китайцами.В полосе отчуждения можно было только держаться строго условий, которые поставлены между правительством,но что выходило их этих рамок, могло привести к крайне нежелательным последствиям.

А.Н.АЛЕКСЕЕВСКИЙ.Но тогда не возникали у вас опасения,что в конце концов с группой Дербера придется столкнуться,как к политическим противником и как с претендентом на то же самое, на что управление Восточно-Китайской ж.д.претендовало.

Адм.КОЛЧАК.Нет,какая же это правительственная власть.

А.Н.АЛЕКСЕЕВСКИЙ.Ведь по существу это было началом правительственной власти, юридически это не могло быть заявлено по тем соображениям,какие вы сказали,но по существу раз это

была организация,которая думала создать военную силу определенным образом наладить по борьбе с большевиками и отнимать у большевиков территорию,то ясно дело,что эта военная сила подчинилась бы каким то директивам правления и она подчинялась бы этому правлению до известного момента и на территории полосы отчуждения и на той территории,которая была бы отнята,начиная с полосы отчуждений.Таким образом это был зародыш власти,э это была власть,не формально ей не было присвоено с самого на-е чала никакого наименования.По рядом здесь же на рельсах стоит полный состав претендентов.Для меня не понятно,каким образом со стороны Хорвата было такое великодушие,такое

Адм.КОЛЧАК.Хорват не претендовал на формирование власти он к этому вопросу относился безразлично,потому что он группу Дербера не считал серьезной,у этих претендентов не было ни денег,ни вооруженной силы,следовательно это была группа лиц,которая могла себя назвать как угодно но фактически она не располагала никакими средствами,и со стороны иностранцев никаких отношений к ней не было заметно.

А.И.АЛЕКСЕЕВСКИЙ.Я думаю,что полезно было бы слышать от Вас соображения о финансовом положении:какие средства были отпускаемы для этого, в каких размерах и каковы были источники возобновления этих средств.

Адм.КОЛЧАК. Я не был посвящен и не входил во все финансовые рессурсы,у меня было условие с Хорватом,что я буду ежемесячно доставлять ведомость и по его распоряжению средства выдавались Начальнику Штаба из Русско-Азиатского банка в Харбине.Приблизительно ежемесячный расход достигал у меня отного миллиона руб.в месяц,которые мне выдавались по моему ордеру. Эти деньги шли на содержание всех отрядов,кроме семеновского и и калмыковского.

А.И.АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Знали ли Вы,каковы рессурсы Правления и на что Вы можете рассчитывать.

Адм.КОЛЧАК. Мне Хорват сказал,что я могу рассчитывать на средства в пределах одного миллиона руб.в месяц,эта сумма тогда приблизительно отвечала существовавшей потребности.

А.П.АЛЕКСЕЕВСКИЙ.Здесь возникает вопрос:если бы дело шло успешно главным образом на добровольческих началах,если бы было много желающих поступить добровольцами,то как бы Вы отнеслись к этому и до какого состава Вы бы могли бы дойти в формировании новых отрядов.

Адм.КОЛЧАК. До состава того корпуса пограничной стражи, которая находилась в полосе отчуждения,а средства для этого корпуса у дороги были.Эти средства шли не только на содержание отрядов Иаковкина и Орлова,ноя еще вел заготовку по интендантской части, все это требовало около I миллиона рублей,содержание же самых отрядов требовало гораздо меньше.

А.П.АЛЕКСЕЕВСКИЙ.Хотя корпус был и не пополнен,но все-таки по ра́списке достигал повидимому до 30 тысяч человек.

Адм.КОЛЧАК.Да эта цифра могла бы отвечать той задаче,которую мы ставили.Если бы в дальнейшем потребовались бы средства,то Хорват сказал что они найдутся 20.000 чел.предполагалось 5000 китайцев оставить для охраны дороги,а I5.000 отнести в действующие части.

После отрядов полковника Орлова и Иаковского и артиллерийской части,которая там формировалась,ко мне начали являться другие лица с просьбой формировать новые части,я им отказывал,потому что новых отрядов не к чему было создавать.Приток добровольцев был очень велик и я приступил к вопросу о мобилизации в полоче отчуждения,которая бы могла дать I0.000 чел.в пределах 5 верст.преимущественно молодых с самых ранних Поэтому велись работы,но осуществить эту мобилизацию так и не удалось.

Вот общая картина,которую я застал по прибытии в Харбин. Прежде всего мне хотелось выяснить взаимоотношения с Семеновым.Мне докладывали,что Семенов никому не подчиняется,что он будет действовать за свой страх,самостоятельно и независимо. Я сказал,что я не претендую на то,чтобы командовать им,но что должно быть какое нибудь согласование,нужно определить операционную зону какая то связь должна существовать,об этом я счи-

тал необходимым переговорить с Семеновым и поехать к нему. Перед этим я несколько раз беседовал с главой японской военной миссии генералом Накашима. Генерал Накашима выслушал мои пожелания и размер тех частей, которые я предполагал здесь развернуть, представил ему все эти сведения о помощи, которую я прошу у Японии для содержания этих частей. Он сказал, что так много они не в состоянии дать, так как мы имеем огромнейшие средства во Вдадивостоке, когда Владивосток будет в наших руках, нам будет легче, но у нас слишком мало сил, чтобы задаваться такими широкими проектами и он обязается предоставить сколько нам нужно пулеметов, материалов и т.д... Затем он неожиданно говорит: "какие вы компенсации можете предоставить за это." Меня чрезвычайно удивил этот вопрос, потому что в сущности говоря я не являлся лицом, которое могло бы говорить о компенсациях, я смотрел на оружие как на заем, потому что Хорват платит за это оружие. Я вовсе не прошу этого оружия как милости: если у вас есть оружие, то продайте мне, дорога платит за него, потому что все равно должен создавать охрану дороги, нужно, и дорога вынуждена будет это оружие приобрести. Он сказал, что денежный вопрос его совершенно не интересует. Я говорю: "какие я имеющийся сила офицер, член правления дороги, могу Вам компенсации предоставлять кем я уполномочен это. Я обращаюсь к вам и смотрю на это как на заем, если Вам нужно обезпечение, то Хорват даст обеспечение ценностями дороги. Я прошу у Вас так не много, какие тут могут быть компенсации. Вы знаете, что Россия может компенсировать что угодно, но я не могу вести с Вами переговоры, я никем не уполномочен. Затем я обратился к нему с просьбой: задача наша заключается в том чтобы от"единить эти части, так как иначе друг без друга они работать не могут, и я хотел бы, если Вы даете Семенову оружие и деньги, то нельзя ли это делать через один источник, хотя бы через Хорвата, чтобы Хорват мог бы распределить те средства, которые извне получаются для вооруженных сил более правильным образом. Затем я сказал, что я считаю что такая непосредственная помощь начальникам отдельных отрядов есть главная причина не - дисциплинарности и неподчинение этих частей, все они чувствуют себя

независимыми и согласовать действия отдельных частей при таких условиях невозможно." Я думаю, Вы как военный, это понимаете и прошу Вас, если Вы предполагаете какие нибудь средства давать делать это не непосредственно, через Дорвата, хотя бы по Вашим контролем."

Вот разговор, который у меня был с генералом Накашима. Он меня просил: "Вы к Семенову поезжете - Да, я поеду, я хочу с ним договориться о том, какие у нас должны быть взаимоотношения". С этой целью я вначале мая поехал в Манжурию, пославши Семенову телеграмму то прошу встретить меня на ст. Манжурия. По прибытии на ст. Манчжурия мне сообщили /, что Семенова нет. Меня это очень удивило, потомучто я послал за три дня телеграмму, на фронте было спокойно, но Семенова не было. Через некоторое время я убедился, что тут странная игра, мне донесли, что Семенов находится на ст. Манчжурия. Со мной было взято 300.000 руб. денег, которые я подагал передать от управления дороги. Это обстоятельство меня чрезвычайно удивило, тем не менее я продолжал там стоять и дожидаться. Наконец мне совершенно определенно сказали, что он здесь находится, но, что он не желает ко мне прибыть, тогда я решил, что вопрос настолько важен, что надо пренебречь самолюбием, я поехал к Семенову с ним переговорил. Затем мне совершенно отпределенно заявил, что Семенов получил инструкцию мне ни в коем случае не подчиняться. Я прибыл к Семенову в вагон и спросил в чем дело, я приезжаю сюда не в качестве начальника над Вами, я приехал с Вами поговорить об общем деле создания вооруженной силы и нам нужно договориться в какой мере и в какой степени я могу оказать Вам помощь своим отрядом, потому что средства у нас одно и те же, средства Восточно-Китайской ж.д. и мне как члену Правления этой дороги, чрезвычайно важно знать Ваши желания и цели для его, чтобы я мог распределять те остатки имущества и ценностей, которые имеются в распоряжения Правления, соответствующим образом. Я привез Вам денег от Восточно-Китайской ж.д.". Он отвечал мне довольно уклончиво, что он сейчас ни в чем не нуждается, что он получает средства и оружие от Японии и что он не обращается ко мне ни за какими пожеланиями и просьбами. Тогда я

убедился, что в сущности разговаривать не о чем. Таким образом выяснилось, что Семенов желает действовать совершенно самостоятельно и ни в какие обязательства и связи ни с Правлением к.Д. ни с Хорватом входить не желает. Тогда я ему сказал: "хорошо, я с Вами не буду разбирать этот вопрос, но имейте в виду, что раз со мной не могли договориться и не могли ничего выяснить, то я слагаю с себя всякую ответственность за ту помощь, которую могла бы Вам оказать к.Д., и уже ее средства и рессурсы буду применять к тем частям, которые находятся под моим командованием. Таким образом мы расстались, я уехал обратно в Харбин.

В.П.ДИКИХ. Вопроса об ограничении сферы действий Вы с Семеновым не ставили.

Адм.КОЛЧАК. Нет, это был очень короткий разговор. После этого я уехал в Харбин и сообщил Хорвату о положении вещей сказал, что я уже никакой связи не имею с отрядом Семенова, который действует вполне независимо и самостоятельно, и что я буду действовать, заботиться и налаживать работу штаба только на те части, которые фактически находятся у меня только в руках. Затем я разработал такой план я увидел, что создать здесь серьезную вооруженную силу удастся что единственное место, откуда можно начинать развертывания сил это Владивосток, и что операции надо вести главным образом на Владивостоке. Это было мое мнение которое совершенно не разделялось японским командованием, у них в это время обсуждался вопрос об интервенции, я и думаю, что с японской точки зрения создание вооруженной силы на востоке была в это время совершенно нежелательна. Из дальнейших разговоров я почти убедился, что это так поэтому они настаивали, чтобы все силы и средства употребить на действия в Забайкалье и передать их в распоряжение Орловского и Семеновского отрядов Между тем отношения Орловского отряда к Семенову совершенно исключали возможность посылки к нему этих лиц, они были не пошли. Я об этом серьезно разговаривал с Орловскими офицерами и они заявили, что они ни за что не пойдут.

А.И.АЛЕКСЕЕВСКИЙ. А вообще Орловский отряд в его составе мог пойти куда бы то ни было.

Адм.КОЛЧАК. Я думаю,что мог бы,он потом действовал в Приморской Области по моему плану.Этот отряд увеличился до 2000 человек, добровольцы все-таки являлись.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Как Вы реагировали на пожелание Японии.

Адм.КОЛЧАК.Я считал,что главные действия должны быть на Дальнем Востоке,потому что во Владивостоке были огромные ресурсы и средства,которые бы освободили нас от постоянного обращения за помощью к иностранцам.Хорват был очень огорчен, но что делать не вести же войну из за этого,между собою.Он ставил вопрос так как он есть.После этого,поговорив с Начальником штаба Орлова,я задал ему задачу строевой подготовки этих частей,чтобы сделать из них регулярные силы,потому что в конце концов все это носило характер партизанских нерегулярных воинских частей.Поэтому первой моей задачей было приведение в порядок всех этих частей в дисциплинарном отношении и обучении их стрельбе.Затем я на Сунгури начал образовывать флотилию, использовав морских офицеров команды,которые были добровольцами.Китайцы смотрели на это довольно косо,но каких бы то нибыло препятствий в этом отношении не чинили. Одним из первых мероприятий был вывод из Харбина всех воинских отрядов и частей, потому что это был город ниже всякой репутации пьянство и безобразия непременно связывали с пребыванием воинских частей в Харьбине.Поэтому когда явилась возможность все эти части вывести их Харбина и расложить их по линии до пограничной, я это сделал и отряд Орлова был расположен на ст.Пограничная.В Харбине я оставил не большие части для несения караула.Затем вскоре после моего возвращения от Семенова ко мне прибыл ген.Накашима, который сообщил,что известный груз артиллерии, снарядов и оружия посылается из Японии в мое распоряжение.Затем он сказал:"Как Вы с Семеновым". Мне было отчетливо понятно, и ясно, что все это дело рук японской военной миссии, и такое обращение ко мне Накашима меня взорвало. Я бываю очень сдержан,но в некоторых случаях я взрываюсь: это была насмешка,я и сказал:"Вы

вероятно отлично знали,к каким результатам эта поездка повед-
дет,яне знал,но Вы отлично знали.Мне очень хорошо известно,
что поведение и отношение Семенова было инструктировано под-
полковником Куроки,который стоял при нем.Вы можете против эт
го возражать,но это не меняет положения.Затем он говорит:"Чт
те отряд Врангеля возвращаете от Семенова к себе".- "Ваше
превосходительство,отряд Врангеля действует на фронте,и поэ-
тому независимо от каких бы то ни было отношений моих с Семе
новым,я не дам приказания убрать этот отряд,пока начальник не
скажет и пока не явится возможность.Не могу я с фронта убрат
часть,которая находится в боевой работе". Тогда он говорит:
"А Вы бы потребовали,чтобы эту часть вызвать". Это меня окон-
чательно возмутило, потому что это было бы просто провокаци-
онное предприятие: я приказал бы Семенову вернуть отряд, а
он не подчинился бы. Я сказал:- я бы может быть это и сделал,
если бы Вы мне и не мешали". Одновременно с этим я узнал,что
несмотря на обещания мне и Хорвату передать деньги в наше ра-
споряжение Накашима через Куроки передал их Семенову. Поэтому
поводу я ему сказал: "у меня к Вам была покорнейшая просьба,
исполнение которой я считал важной с дисциплинарной точки зре
ния: формально мы бы не возражали и то, что Вы приказали бы,
было бы передано. Я указал вам на те отрицательные результаты
которые получаются при непосредственной передаче этих сумм,
Вы обещали,но тем не менее не исполнили,непредупредивши меня.
Я должен сказать,что Вы способствуете нарушению дисциплины и
порядка наших частях.Мне не понятны мотивы,по которым Вы это
делали, но факт для меня фактом." После этого мы очень хо-
лодно расстались, причем он мне сказал: "я японский офицер,я
никогда не позволил бы себе нарушение дисциплины в каких нибу,
будь других частях Вы наносите мне тяжкое обвинение, что мои
действия нарушают военную дисциплину". На это я ответил:
"факты,которые я Вам привел,подтверждают справедливость того,
что я сказал".Это привело меня к совершенному разрыву с япон
ской миссией,я никаких дальнейших шагов не предпринимал и в
конце концов они задержали мне доставку груза оружия в Даль-
нем. Эта беседа была последней, содержание которой я не скры-
вал.

А.Н.АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Не приходилось Вам высказать мнений, которые могли бы быть или приняты за выражения вашего общего отношения к помощи Японии в борьбе с большевиками, которые резюмировались бы фразой: "в конце концов лучше большевики, чем японцы".

Адм.КОЛЧАК. Нет, такой фразы не было сказано, я таких положений не высказывал, кроме того я знаю хорошо, что против меня на этой почве шла борьба и интриги, которые велись от генерала Плешкова Хорвата для того, чтобы использовать мое японофобство. Собственно говоря никакого японофобства и японофильства не было, нужно было только получить оружие. Я считал, что все это должно быть оплачено на те размеры и средства, которые просил, были по существу так мизерны, что для первоклассной державы говорить о каких то компенсациях за четыре старых гаубицы и десять тысяч винтовок мне представлялось совершенно абсурдным, потому что сам Хорват говорил, что средства на покупку найдутся, если бы надо было заплатить. К этому периоду пошли слухи о восстании чехов на линии ж.д. и некоторые чехи уже ушли и начали продвигаться по Амурской дороге.

В.Н.ДЕНИКИН. За этот период времени до появления чехов были ли связи у Вас или у окружающих Вас групп с существовавшими на территории России или Сибири антибольшевитскими организациями или чехами.

Адм.КОЛЧАК. Нет, такой связи не было, были только слухи которые сообщали о том, что создается новая власть в Сибири, но о не я окончательно узнал только осенью, когда приехал из Японии во Владивосток и когда прибыла туда миссия Вологодского.

В.Н.ДЕНИКИН. А с российскими антибольшевистскими организациями например Национальным Центром были у Вас связи.

Адм.КОЛЧАК. О России мы узнавали только по слухам, а связи никакой не было. Первое известие более или менее точное и с опозданием большим привез приехавший из Добровольческой Армии генерал Степанов, впоследствии бывший у меня военным министром. Он привез сведения о том, что делается на юге России. Тогда же приехали Флуг и Глухарев.

А.Н.АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Они были в Добровольческой Армии или состояли только в офицерской организации в России.Они ведь приехали от Алексеева,имели ли какие нибудь задания или они были людьми,действующими за свой страх и риск.

Адм.КОЛЧАК.Они были посланы в Сибирь для осведомительной цели и никакой специальности миссии они не имели.Они все остались здесь, обратно не вернулись,а адмиралу Алексееву они послали доклад и письма с курьером окружным путем Кроме того была послана курьерами группа офицеров,но дошли они или нет мне неизвестно.

После этого я продолжал вести свою работу.Тут было несколько характерных инцидентов,совершенно расстроивших мою возможность работать с японцами. Среди этих инцидентов было два, которые чрезвычайно повредили мне в дальнейшей моей работе и сделали ее почти невозможной. Однажды я получаю телеграмму с одной из станций между Харбином и Маньчжурией, где находился интендантский склад,принадлежащий охранной страже маньчжурской дороги и где начальником гарнизона был Парковский,- от него же и была телеграмма эта. На станцию прибыл прапорщик Борщевский с отрядом в 20-30 человек семеновских войск, которые реквизировали весь склад.Нужно сказать, что там было некоторое количество обмундирования, и что они хозяйничали там как у себя дома, арестовали смотрителя склада, начальника гарнизона. В этом складе находилось много вещей офицеров, которые ушли на войну и оставили свое имущество в этом складе. Склад был реквизирован и начал грузиться в вагоны. Меня взорвало это предприятие, потому что это было уже вторжение в непосредственно подчиненную мне территорию мне, без всякого согласования мною. Я немедленно собирал экстренный отряд человек в 40 под командой 2-х офицеров и экстренным поездом двинул их на эту станцию арестовать эту компанию и отобрать это имущество. Эта компания была арестована привезена в Харбин и все было обратно возвращено в склад. Затем немедленно было начато следствие. Боль-

ничество солдат , которым в сущности нельзя было предъявлять каких нибудь обвинений , потому что они исполняли приказание , были возвращены в Семенову , а Борщовского и других лиц посадили под арест с тем, что бы предать их полевому суду ,чтобы раз навсегда прекратить хозяйничанье.Это вызвало страшный бунт среди японцев и среди семеновцев. Вскоре прибыл сам Семенов в Харбин для объяснения с Хорватом по разным вопросам и по поводу этого инцидента. Ко мне прибыл Тоскин, который состоял при Семенове с тем чтобы это дело ликвидировать,что это больше не повторится . Я сказал , что я его не отпущу покуда не предам его суду и сделаю то ,что суд постановит ,чтобы его расстрелять - расстреляли,постановит ,чтобы послать его куда нибудь - послали.Одним словом миссия Тоскина успеха не имела у меня. В конце концов атмосфера стала чрезвычайно напряженная. Было доведено до сведения ,что меня собираются арестовать. Я всегда ходил по городу и просил их это делать , но я собирал Орловскую часть и сказал ,что никаких мер не буду принимать совершенно, потому что это могут быть только одни угрозы, которые не будут приведены в исполнение , но примите все меры по отношению поезда состава Семенова , если со мною что нибудь случится. До этого дело не дошло. В сущности осталось все как и было: Семенова я не видел, он переговорил с Хорватом и уехал. Но когда узнали об этом японцы ,то они сделали заявление , что они в свою очередь выйдут вооруженной силой,для того чтобы прекратить столкновения, если они возникнут. Все это создало тяжелую атмосферу.Инцидент был мирно улажен, но тем не менее это чрезвычайно повредило моей дальнейшей деятельности. После этого японская миссия повела себя совершенно открыто - к сожалению я снял этот документ - от инструкторов офицеров я узнал, что японцы начали работать по германской системе над разложением тех маленьких частей, которые у меня были: говорили ,чтобы офицеры уехали к Семенову ,что у него открываются места.Начальником артиллерии был подан рапорт о том ,что заведующий этой миссией предлагал ему вступить в эту Калмыкова ,где он будет занимать пост Начальника артиллерии.

словом повелась работа совершенно определенного характера, относительно которой совершенно открыто докладывали Орловцы. Орловцы, которые были твердые и честные люди, возмущались и даже запугали одного из таких безответственных господ, которые приходили и говорили, чтобы они мне не подчинялись. Это меня глубоко возмутило? я видел, что раз являются с такими приказами, то работать нельзя. Тогда я обратился через нашего посла Крупенского в Токио с просьбой и с подробным изложением всего того положения, которое у меня было и о необходимости мне самому поехать в Токио к Начальнику Генерального Штаба Ихару, и переговорить с ним, что дальнейшая работа в такой атмосфере становится фактически невозможной. Хорват тоже был очень обеспокоен этим всеми делами и советовал мне поехать в Японию и договориться там, потому что здесь с этими лицами у меня разговора быть не могло. Тогда я передал командование Штабом Кращатицкому и в начале июля уехал в Токио. Мне были даны необходимые для это средства и документы. Я решил совершенно открыто поговорить с Ихарой, а Хорвату я сказал, что если наша работа противоречит японским целям, то мы здесь ничего не сделаем, потому, что противодействовать японским директивам у нас средств нет. В Токио я явился к нашему посланнику Крупенскому изложил ему все, что знал и просил устроить мне свидание с Начальником Генерального Штаба. Крупенский мне говорит " знаете, Вы поставили с бе с самого начала слишком независимое положение по отношению к Японии и они поняли это. Вы позволяете себе разговаривать с ними слишком независимым и императивным тоном. - это было с Вашей стороны ошибкой, Вы должны были этого избежать, они себе составили мнение о Вас, как о своем враге, который будет противодействовать всем их начинаниям, всему их делу и поэтому они, конечно, Вам не только помощи не будут оказывать, но будут оказывать противодействия Вашей работе. Я говорю: все эти сведения относительно моего враждебного отношения к Японии из определенных источников, но мои поступки не давали никогда основания и повода к тому, чтобы считать меня врагом Японии, я относился к ней, как к союзной державе. Война продолжается, большевизм

авангард находится на Дальнем Востоке , больше половины его состоит из мадьярских и немецких частей, все военно-пленные немцы участвуют на стороне большевиков и поэтому я считаю ,что я продолжаю войну,которую мы вели раньше и что в интересах Японии оказать мне ту маленькую материальную помощь, за которой я обратился . Повторяю ,что эта помощь исчисляется суммами насколько небольшими, что даже китайская дорога гарантировала бы уплату. Мне было устроено свидание с Ихарой, там был помощник Начальника Штаба Танака , который теперь состоит военным министром. Я изложил все дело Танака и сказал ему, что с самого начала моего прибытия я совершенно определенно считал необходимым добрососедательные отношения с Японией, на которую я смотрел, как на дружескую державу , от которой я просил только оружия и военное снаряжение,так как никаких других потребностей у меня не было и я рассчитывал,что Япония мне могла выдать из всех громадных запасов часть оружия, которое мне нужно, но события получили определенный характер и мне приходится совершенно откровенно узнать Ваше мнение: возвращаться ли мне в Харбин и будете ли Вы мне противодействовать в той работе, которую я Вам Вам изложил, если да, то я считаю, что работать я не могу, а если Вы дадите мне указание, что Вы не вмешиваетесь во внутренние дела и не будете мне препятствовать ,то я буду продолжать свою работу.Затем я говорю " я понимаю Ваше превосходительство,что если бы в моем распоряжении был огромный корпус, к которому можно было бы применять метод разложения по германскому образцу , я бы понял ,но у меня только два полка ,что же к таким силам применять такие средства. Это по меньшей мере неудобно. Он весьма весело встретил это заявление, потом подумал и сказал: Знаете ,адмирал, останьтесь у нас в Японии, когда можно будет ехать я скажу Вам, а пока у нас здесь хорошие места, поезжайте туда и отдохните. Для меня было ясно и понятно,что ничего из этого предприятия у меня не выйдет, потому ,что та линия , которую я взял , неприемлема. Тогда я сказал " хорошо, останусь пока я Японии. Я протелеграфировал Хорвату общее содержание этой беседы остался в Японии и решил полечиться ,потому ,что я чувствовал себя не вполне здоровым. Как раз в эти же первые дни моего пребывания до меня дошли известия о Владивостокском перевороте, произведенном чешскими и русскими частями, о том , что отряд Орлова вышел из погранично на Гродеково , что во Владивостоке образовалось правительство Дербера ,затем что там появилось Правительство Хорвата с различными органами.

132

АЛЕКСЕЕВСКИЙ: Скажите, адмирал, Вы знали раньше о намерениях Хорвата объявить себя правителем.

Адм. КОЛЧАК: Нет, у него таких намерений не было. Эта была работа Дальне - Восточного Комитета. Если у него эти планы были, то во всяком случае мне не было известно.

А.П. АЛЕКСЕЕВСКИЙ: Судя по этому манифесту, каким объявил о своем вступлении в Управление Всей Россией Хорват, этот переворот был подготовлен друзьями и лицами, которые его окружали, - Вы не принадлежали к числу этих лиц.

Адм.КОЛЧАК: Я с ним об этом даже не говорил и думаю, что этот переворот, подготовлен главным образом Дальне- Восточным Комитет.

А.П. АЛЕКСЕЕВСКИЙ: Еще один вопрос: Вы покинули Харбин по тем соображениям, которые Вы изложили. Деятельность отрядов Орлова и Семенова в Харбине по внутреннему управлению и несению ими чисто полицейских обязанностей Вами намечалась или даже может быть направлялась, или нет.

Адм. КОЛЧАК: Нет, они совершенно не несли никаких полицейских обязанностей, я высылал даже одну часть. Они несли только караульную службу.

А.П. АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Но в Харбине были случаи, когда представители отрядов Семенова, Калмыкова и Орлова иногда присваивали себе функции политической полиции и принимали меры ареста, а иногда даже увозы и убийства по отношению к отдельным лицам.

Адм .КОЛЧАК: Увозы все время повторялись, но я не могу сказать, что это делали представители всех отрядов, у меня данных определенных нет. Я могу только сказать, что я сам был свидетелем того,

что в Харбине ~~ккхулицехначеремхкхкхатыкхтиснкнки~~ арестовывали на улице вечером и в этом отношении отдельные группы действовали совершенно независимо. До моего отъезда было при мне убийство одного учителя Уманского.

134

Допрос Чрезвычайной Следственной Комиссии адмирала Колчака 30-го январ[я] 19[20] г.

Ко времени моего приезда наблюдалось , что самых казалось бы мале[йших] ких отрядах создавались особые органы кон тр- разведки.Создание этих органов было совершенно самочинное, т.к. контр- разведка может быть лишь при штабах корпусов. В таких отрядах могут быть лишь разведочные отделения, но контр- разведка , как орган, направленный для борьбы с противником, может существовать лишь в штабе корпуса. Между тем конт[р] разведка существовала во всех таких отрядах, в особенности в таких отрядах которые создавались сами по себе. Там, где впоследствии воинские части создавались на основании всех правил организации, там их, конечно ,не было, но во всех самостоятельно образовавшихся отрядах контр- разведка была. Эти органы контр-разведки самочинно несли политическую и главным образом политическую работу, которая заключалась в том ,чтобы высматривать, узнавать и арестовывать большевиков. Нужно сказать ,что эти органыконтр- разведки большей частью состояли из людей совершенно неподготовленных к этой работе , - добровольцев и по большей части основания, по которым производились все действия этих органов контр- разведки были совершенно произвольными, непредусматриваемыми ни[к]ими правилами. Обыкновенно все контр- разведочные органы должны состоять в тесной связи с прокуратурой и во всех случаях обязаны были действовать , оповещая друг друга , здесь же никакой связи с прокуратурой не существовало и самое понятие "большевик" было до такой степени неопределенным , что под него можно было подвести что угодно. Каких были причины для этого. Из разговоров с офицерами у меня создавалось впечатление, что эти органы были перенятые тех органов, которые существовали в Сибири. Во время большевитской власти в Сибири в целом ряде пунктов по т.л. дор. существовали такие заставы , которые контролировали пассажиров в поездах и тут же производили их аресты, если они оказывались контр- революционерами. По этому типу и эти отряды создавали у себя аналогичные органы: они занимались совершенно самочинно осмотро[м]

ФП 135

поездов , и когда находили кого-нибудь ,кто ,по их мнению , был причастен к большевизму или подозревался в этом , то арестовывали.Такие явления существовали несомненно по всей ж эл. дор.После моего прибытия туда, когда выяснилась картина, я беседовал с начальниками отрядов и сказал ,что в сущности контр-разведка должна быть только в моем штабе, т.к. они мешают друг другу и портят все дело. На это мне совершенно резонно ответили, что борются и те , что с нами делали, будем делать и мы, так как нет никакой другой гарантии ,что нас всех не перережут. Мы будем бороться таким то образом, как и наш противник боролся с нами. За нами устанавливается слежка по всему пути, а там где мы находимся, мы обязаны таким то образом обеспечить и себя от проникновения туда лиц , которые являются нашими врагами. Поэтому ,хотя такие органы контр-разведки никогда не значились официально , на деле они продолжали функционировать. В тех отрядах , которые мне были подчинены, мне удалось поставить дело таким образом ,что о производящемся аресте сообщалось немедленно мне, и прокурору;арестованные лица передавались прокурорскому надзору и там производилось быстрое расследование дела. Я помню, значительное число было арестовано по совершенно незначительным причинам; когда это выяснялось, то их отпускали, но те лица, которые были персонально известны этим частям, конечно, не выдавались и с ними воинские части расправлялись сами совершенно самочинно, в тех же случаях, когда было только подозрение, они выполняли это требование и передавали прокурорскому надзору и там производилось расследование, кот. большею частью не приводило ни к каким результатам. Контр-разведка при штабе у меня была, но контр-разведки при отрядах действовали совершенно самостоятельно . Формально они не существовали никогда и таким образом, любая часть могла сказать, что в какой разведки у нее нет. С точки зрения всех воинских чинов, это было средство борьбы; они говорили " мы защищаемся, мы ведем борьбу и считаем необходимым применить ту же меру, которую применяли и в отношении нас".

Нужно сказать ,что в Харбине ходило много рассказов относительно деятельности этих органов. Не знаю на сколько они были справедливы, т.к. это было сплошной кошмар, стоявший на всей линии жел.дор. как со стороны большевиков, так и со стороны тех , которые боролись с ними. Для меня, как совершенно нового человека, это казалось совершенно невероятным; я не верил этому , и считал больше сплетнями , но потом , конечно, ближе познакомился и видел ,что на жел.дор. или все же жесточайшая взаимная резня как со стороны тех районов,где хозяйничали большевики , так и в тех районах , где хозяйничали их противники. Методы борьбы были одни и те же.

АЛЕКСЕЕВСКИЙ: Когда факты самочинных обысков, арестов и расстрелов устанавливались ,принимались ли меры, чтобы привлечь виновных к суду и ответственности.

Ад.КОЛЧАК. Такие вещи никогда не давали основания для привлечения к ответственности : было невозможно допроситься , кто и когда это сделал. Такие вещи никогда не делались открыто. Обычно происходило так : в вагон входило несколько вооруженных лиц - офицеров и солдат , арестовывали и увозили. Затем эти лица исчезали и установить , кто и когда это сделал, было невозможно.

АЛЕКСЕЕВСКИЙ: Но ведь в самом Харбине или на ст. Харбин имелись определенные полицейские части, которые несли внешнюю полицейскую службу , кот. должна была заключаться в недопущении таких самочинных действий. Принимались ли меры, чтобы наружная милиция была господином положении на станции.

Адм.КОЛЧАК. На Центральной ст. этого не делалось. Бывали иногда случаи арестов в городе; большей частью это случалось по линии дороги в самом же Харбине это случалось сравнительно редко, т.к. там был комендант станции , была военная стража, существовала известная охрана станции. Приведу случай, с которым мне пришлось столкнуться произошел на второй день моего приезда и состоял в следующем:

137 156

Начальником милиции в Харбине в то время был фон - Арнольдт , который сообщил в канцелярии Хорвата. Утром в тот день он позвонил мне по телефону и по французски сообщил мне, что около дороги от Харбина к баням | единственная посещаемая дорога | найдено тело убитого учителя Уманского , что уже дано знать прокурору ,что он и следователь выехали уже на место и производят дознание. " Я приеду к Вам и все расскажу подробно". Через пять часов время он сам лично приехал ко мне и сказал ,что сильно подозревает , что это убийство совершено бывшими воспитанниками Хабаровского Корпуса. Кадеты Хабаровского корпуса были везде : в отрядах Семенова, Орлова , Калмыкова и др.,Уманский недавно приехал сюда , ничего не делал и очевидно, его убийство находится в связи с теми обвинениями , которые выдвигались против него в том ,что будучи в Хабаровске , он выдавал кадет и их родителей, якобы участвующих в контр- революционных заговорах , благодаря чему погибло масса народу", вследствие чего , бежавшие из Хабаровска старшие воспитанники корпуса посчитались, что относят ему."Вот все, что я подозреваю" сказал фон - Арнольд " остальное - дело следственных властей". Расследование как будто напало на известные следы, и в конце концов следователь направился в отряд Орлова , но его , конечно, туда не пустили. Но вот прибыл прокурор и заявил, что они хотят осмотреть все помещения отряда , казармы ,автомобили и т.д. , но что их туда не пустили тт. и немедленно сделал распоряжение не только допустить , но и оказать полное содействие судебным властям в осмотре и обыске, кот. они предполагают сделать. Но это последовал ответ, что это будет исполнено и они будут допущены. Через некоторое время они были у меня, я спросил их , каковы же результаты. Они ответили" Никаких, несмотря сильные подозрения, но ничего определенно нельзя установить". Конечно, самое важное было бы установить, кто оставался казармы вечером и в течение ночи. Обыкновенно в частях ведутся точные списки увольняемых , в отряде же ничего подобного не было: люди увольнялись просто дежурным офицером , который отпускал их .Никаких книг , никаких списков в отряде не велось. Поэтому установить факт

138

какие люди были мне казарму было невозможно , и вся работа прокурора решительно ни к чему не привела. Вблизи этого места ,где было найдено тело , был найден свежий след автомобиля, на котором повидимому и было привезено тело , но никаких характерных признаков не было установлено , ни шины , ни размер автомобиля. Таких автомобилей в Харбине сколько угодно и поэтому осмотр автомобилей не дал результатов. Этот случай произошел в первые дни моего пребывания там. Второй случай был таков. Однажды вечером , когда я сидел у себя в вагоне и занимался мне доложили ,что ко мне пришла молодая дама и просит меня принять ее. Я сказал, чтобы ее попросили ко мне; она входит и бросается ко мне с просьбой спасти ее мужа офицера, который на улице Харбина был арестован офицером Семеновского отряда. " Я знаю, его арестовали по приказанию помощника Семенова, который является его личным врагом. Его приказано арестовать и отвести в Хайлар, а кого отвозят в Хайлар, тот уже не возвращается назад. Я уверена , что его убьют , и только Вы можете спасти его." Я подумал ! я считал ,что прежде всего,Харбинцы являются частью, в которой распоряжаюсь я , и такие аресты без моего ведома являлись противоречащими основной воинской дисциплине. Семенов мог не считаться со мной, но в Харбине арестовывать офицера без моей санкции он, конечно, не мог. Затем отлично зная ,что разговаривать в данном случае будет совершенно бесполезно,поэтому я вызвал караул, приказал -х офицеров и сказал: " вероятно сегодня вечером к поезду , кот. должен отойти в Хайлар , вместе конвой с арестованным офицером арестуйте их всех и доставьте ко мне" Офицера контролировали и - в солдат и I офицер, мною же было послано полроты (40 - 50 чел., которые были скрыты на вокзале. Когда в вокзал вошел конвой с арестованным офицером их окружили и заявили " по приказанию командующего войсками вы арестованы". Те увидели , что сопротивляться бесполезно , тк.силы было значительно больше ,подчинились и были привезены ко мне. Я призвал к себе Начальника семеновского отряда .Он явился мне: Ваше превосходительство, я человек подчиненный ,мне было приказано моим начальником сделать это , я и должен был выполнить: Я не знаю моим начальником сделать это , я и должен был выполнить: Я не

138. 139

могу ни оправдываться , ни доказывать , почему я это сделал: я получил приказание от моего Начальника доставить в Хайлар и больше ничего не могу сказать. Я выполнил данное мне приказание , все остальное мне неизвестно" Тогда я отпустил конвой , арестованного офицера оставил у себя. Я позвал его и сказал: " единственный способ спасти Вас - арестовать Вас , чтобы вы были у меня под охраной."Я так и сделал и отправил его на гауптвахту в орловский отряд. При этом я приказал,чтобы следили за тем, чтобы к нему никто , кроме меня не мог подойти, в случае же попытки забрать его силой , действовать оружием. Он просидел таким образом некоторое время, затем я передал его корвату , который откуда-то некоторое время освободил | я тогда уехал во Владивосток| Вот способ, которым можно было бороться с этим влиянием, но это было возможно только тогда, когда вы об этом знали. Не приди ко мне его жена, я ничего не знал бы об этом: мало ли офицеров ездит с солдатами, на первый взгляд трудно узнать , ведут ли арестованного или просто идет с ними . Что касается того, что делал Калинков, то это были совершенно фантастические истории. Я лично, на р. знаю,что там производились аресты, не имевшие совершенно политического характера ,чисто уголовного порядка. Там или напр. правильная охота на торговцев опиумом.По линии Китайской ж.д.ездили постоянно с контрабандой опиума много лиц - женщин и мужчин , привозившие опиум , стоящий очень дорого. Здесь очень часто уже не контр- разведка , а просто предприниматели под видом политического ареста вымогали этих торговцев ,арестовывали их , отнимали и отбирали опиум , и убивали , а в случае обнаружения этого ссылались на то ,что это были большевистские агенты или шпионы. Конечно, это были не большевики , это были просто хищники, занимавшиеся провозом опиума ,что давало им большие деньги. За ними велась систематическая охота, при чем занимались и солдаты и вообще частные предприниматели ; обычно в вагон входила кучка солдат, заявляла такому продавцу опиума: " Большевистский шпион" , арестовывали,опиум вытаскивали и затем убивали его , а опиум продавали.

1420

АЛЕКСЕЕВСКИЙ: Не приведете ли вы несколько примеров из деятельности Калмыкова, относительно кот. Вы говорите, что она превышала, что делалось тогда.

Адм.КОЛЧАК. У него была крупная история, и я не знаю, как она уладилась. Это случилось за несколько времени до моего отъезда. Калмыков поймал вблизи Пограничной шведского или датского подданного, представителя Кр.Креста, которого он признал за какого то большевитского агента, которого он повесил, отобрал у него все деньги, большую сумму, в несколько сот тысяч. Требование Хорвата прислать арестованного в Харбин, деятельность консулов ничему не помогли. Скандал был дикого свойства, т.к. как его ничем нельзя было оправдать. Хорват чрезвычайно был обеспокоен этим случаем, но сделать ничего нельзя, даже денег не удалось получить. Это был форменный случай разбоя. Такие явления по линии Мадлор. существовали, и бороться с ними было почти невозможно. Теперь надо посмотреть, что представляла из себя милиция, единственный орган, который мог бы бороться с этими явлениями. Там где существует организованная полиция, кот. ведет наблюдение за порядком, она могла бы допускать появления самочинных партий, неизвестно кому принадлежащих, кот. осматривали вагоны, арестовывали людей, и т.п. нет, что милиция существовавшая в то время, м.б. даже сама участвовать в этом. Нужно сказать, что в то время, когда я был в Харбине, милиция представляла нечто потрясающее по своей распущенности и даже по своему внешнему безобразию. В Харбине на всех улицах была наша и китайская милиция. Китайцы, надо отметить им справедливость, прекрасно несли свою службу, хотя они не вызывались ни во что, но во всяком случае китайские посты производили нормальное впечатление людей, стоящих на посту и занимающихся делом и несением охраны города и личной безопасности, но что касается наших милицейских, то они были большей частью распущенные пьяные люди, абсолютно незнакомые ни с какими полицейскими обязанностями, которых китайцы очень часто | мне самому приходилось видеть | избивали, говоря: " Вы теперь капитаны, вы теперь ходя".

У Арнольда был маленький отряд , составленный из старых полицейских кот. дежурил на станции и поддерживал там порядок. Вообще же милиция представляла там один сплошной кошмар .

АЛЕКСЕЕВСКИЙ: Таким образом , не было возможности какие нибудь систематически меры к обеспечению безопасности личной и имущественной по всей линии ж.д. при помощи формируемых отрядов.

Адм.КОЛЧАК: В то время только налаживалось; может быть впоследствии это и можно было сделать. Когда позже осенью мне приходилось проезжать там , то таких явлений уже не существовало , по крайней мере никто не жаловался. В то же время милиции, охрана и стража по ж.д. находились в таком печальном состоянии ,что я глубоко уверен, что те же самые милицейские спокойно занимались подобными предприятиями , ловлей спекуляторговцев и т.д.

АЛЕКСЕЕВСКИЙ: Приходила ли Вам мысль ,что до Вас и вашего правительства много состава доходят сведения о жертвах такого произвола только о принадлежащих к обществу. К вам пришла жена офицера, для жены рабочего и ли крестьянина это было бы труднее не только в смысле физического проникновения ,но и в психологическом смысле. Приходила ли вам мысль ,что такие случаи произвола во много раз превышают те отдельные случаи , о которых Вам приходилось слышать.

Ад.КОЛЧАК: я думаю ,что все случаи едва ли могли касаться низов , т.к. не было смысла преследовать трогать этих людей По крайней мере со стороны железнодорожных служащих не было жалоб ни на какие аресты или обыски. До это вполне понятно , т.к. вряд

492

ли для организаторов подобных предприятий иного смысл арестовывать низших служащих.

И.А.ПОЛОВ : Над кем производились эти расправы.

Адм. КОЛЧАК : Большей частью над проезжавшими по ж.д. и, конечно, вся эта работа велась главным образом в классных вагонах. Вопрос стоял таким образом ; сколько я представляю, там постоянно ездили из Приамурья, Хабаровска по делам все эти лица. Если встречались лица, которые были известны раньше, то их хватали и арестовывали. Хватали также людей, у которых было известно, есть ценный груз опия. Все это относится к области уголовных дел.

АЛЕКСЕЕВСКИЙ : Когда мы старались выяснить, почему образуется такая контр-разведка, вы отвечали, что это метод противника. Вместе с тем, вы образовали у себя центральную контр-разведку с тем, чтобы упорядочить все эти органы контр-разведки. Те меры и методы, которые применяли эти контр-разведки отдельных отрядов, вала центральная контр-разведка также не применила бы.

Адм. КОЛЧАК : Если бы контр-разведка определила бы существование таких большевистских агентов, кот. я признавал бы опасными, то, конечно, их приходилось бы арестовывать. Каждый из их начальников может вступить на этот путь, может делать что угодно, но в пределах известных законоположений, в пределах законных норм. Я всегда стоял на этой точке зрения : можно расстрелять, можно проделать что угодно, но все должно быть выполнено на основании законных норм. Такие вещи, как аресты, производимые контр-разведкой, кот. подвергались расследованию, о кот. доносилось прокурору, можно было делать. При мне лично за все время не было ни одного случая полевого суда. Было штабом арестовано несколько лиц, приехавших из Владивостока с целью закупки хлеба, при чем у них были отобраны деньги. Затем было рассмотрено, какие это были деньги - общественные или частные; общественные были сданы в банк, частные не возвращены. Потом, насколько помнится, эти люди были освобождены, т.к. против них не было никаких улик. Они, действительно, принадлежали к большевистской организации и приехали закупить хлеб, но все же не было никаких оснований делать что либо с этими людьми.

АЛЕКСЕЕВСКИЙ : Вам говорили, что это метод усвоенный противником, но признавали ли вы, что это закон.

Адм. КОЛЧАК : Нет, не признавал. Несомненно, нужно было так бороться и я считал необходимым это делать, но я не допускал, чтобы это делалось

самочинными, неизветсными мне организациями.

АЛЕКСЕЕВСКИЙ :Офицеры говроили вам, что они могут быть вырезаны своим противником, если не усвоют себе методов защиты противника. Я ставил вам вопрос, что эти аресты должны быть более многочисленны в массах населения, по вашему же мнению эти аресты проивзодились , главным образом, среди пассажиров. Следовательно, среди русского населения Манчжурии как будто не было большевиков, не было тех агрессивных норм боевоего большевизма , как в России и Сибири : вы должны были заметить , когда при вас ссылались на необходимость создавать контр-разведку в Манчжурии, что это оговорка или повод для проявления ..... в офицерстве.

Адм. КОЛЧАК : Повторяю, что основания для этого были. Конечно, вполне понятно, что кодда ведется борьба, то нежелательно, чтобы на территории, на которой вы ведете борьбу , проникали агенты противника, но здесь вопрос другой : болшею частью это был вопрос мести. Люди, которые пробрались сюда с величайшим риском и опасностями, хотя бы через Слюдянку, где погибло по крайней мере до 200 офицеров, люди, прошедшие через эту школу, конечно, выслеживали лиц, кот. они знали в дороге и, конечно, мстили. Для меня было ясно, что все эти ужасы, которые творились по линии ж.д. происходили на почве мести.

В.П. ДЕНИКЕ : Здесь отчетливо освещены ваши отношения с Семеновым, но для меня не ясна роль Хорвата по отношению к Вам и Семенову с одной стороны и с другой - роль Хорвата по отношению к Японии.

Адм. КОЛЧАК : Хорват все время держался странной политики примирения. После отделения Семенова, кот. не признавал ни Хорвата, ни меня, Хорват все же против моего распоряжения оказывал Семенову помощь. На этой почве у меня было с ним несколько случаев столкновения, т.к. Хорват давал известные предметы снаряжения из запасов жел. дор. Семенову, тогда как я настаивал, что этой передачи не должно быть. Это могло держаться с моего ведома, но Хорват делал это несколько раз помимо меня, и это вызывало столкновения. В отношении японцев Хорват в то время держался политики необострения отношений , хотя вообще он с ними не работал и связи с ними не имел.

В.П. ДЕНИКЕ : Вас он поддерживал во всем.

Адм. КОЛЧАК : Я думаю, что меня он не поддерживал, в связи с отношением Семенова и японцев я сказал Хорвату , - в таких условиях работать невозможно, что обстановка, которая создается в полосе отчуждения , исключает всякую возможность сохранить наше положение, наш престиж,

и в этом случае я видел, что Хорват работает против меня. Он считал, что я слишком беспокоен и слишком несдержан и возможно, что Хорват желал от меня отделаться.

АЛЕКСЕЕВСКИЙ : Отношение Хорвата к репрессиям против большевиков каково было.

Адм. КОЛЧАК : Хорват глубоко возмущался всем этим и со своей стороны делал все, поскольку это зависело от него, чтобы прекратить это. Когда случилась эта история у Калмыкова с шведским подданным, то Хорват наложил запрет на то оружие, которое предназначалось для отряда Калмыкова и прибыло на ст. Харбин, чтобы воздействовать на него, но это оружие принадлежало японцам , и в конце концов ему пришлось его выпустить.

АЛЕКСЕЕВСКИЙ : Значит, он был человеком, который если стремился вести борьбу с большевиками, то в пределах законных норм. Был ли он в этом смысле более решительным, чем вы, он ли вас сдерживал, или вы его.

Адм. КОЛЧАК : В этом отношении мы не расходились : Хорват все время стоял на точке зрения законных норм борьбы. Вообще я не могу говорить об его борьбе с большевиками, т.к. в то время борьба только подготовлялась. В отношении железнодорожников, кот. ему были подчинены непосредственно, он старался держаться политики примирения, успокоения и удовлетворения всех требований, кот. выставлялись железнодорожниками. Таким образом, меры, кот. он принимал, были всегда в высшей степени гуманными; он старался достигнуть всего добром, путем сглаживания острых углов , разговаривал постоянно с рабочими и вносил много успокоения в эту среду. Насколько знаю, та была одна только забастовка, когда были остановлены поезда, причем мой поезд был об"явлен свободным для движения и я прекрасно ездил. Стачка была прекращена, насколько помню, без всяких репрессий со стороны Хорвата.

АЛЕКСЕЕВСКИЙ : Теперь продолжайте ваш рассказ.

Адм. КОЛЧАК : Я понял, что мое возвращение нежелательно. В это время готовилась интервенция , т.е. ввод иностранных войск на нашу территорию. По всей вероятности, впечатление, кот. осталось у японцев было таково, что я буду мешать этому делу. Поэтому они желали, чтобы я не вмешивался в дела Востока.

АЛЕКСЕЕВСКИЙ : Доходили ли до вас слухи, что параллельно с властью Дербера существует власть областного земства. Каково было ваше отношение к этим трем организациям власти.

145

Адм. КОЛЧАК : Из тех сведений, которые у меня имелись, я мог знать, более или менее определенно , только состав правительства Дербера, так как стоял в Харбине рядом с ними в вагонах. Что касается до Приморского Земства, то первоначально у меня были только сведения ошибочного порядка. Во время образования этих правительств я мог пользоваться только источниками из газет, , бывших в Японии. По этому поводу я беседовал с Дудеровым, нашим агентом в Токио, который представил мне целый ряд распоряжений, которые делались этими тремя органами власти на Востоке. Я должен сказать, что единственно серьезным органом, который занимался своим делом, мне представлялось земство, так как все акты, которые представлялись со стороны других правительственных организаций, носили только характер политической борьбы. У меня создалось представление, что между всеми этими организациями велась борьба за власть, и одна организация отменяла постановления другой. Между тем земство вынесло ряд постановлений, носящих деловой характер. Поэтому у меня создалось впечатление, что земство есть единственная власть, которая на Востоке может что-нибудь сделать, т.к. оно развивает работу чисто делового характера. На меня произвело тяжелое впечатление, именно тогда место разоружение отряда полковника Толстого. Я видел, что правительство Хорвата сделать ничего не может, и что, следовательно, сил у него нет. Во Владивостоке хозяйничали союзники: чехи, например, не пропустили в Никольско-Уссурийск отряда Хрещатицкого, задержав его на Гродекове. Для меня было ясно, что Хорват и его правительство не являются хозяевами на востоке и никаких распоряжений делать не могут в состоянии. Там хозяйничают союзники и единственным деловым аппаратом там остается только земство. Более подробные сведения я получил после того, как послал одного из сопровождавших меня офицеров - Вуича во Владивосток, чтобы собрать сведения и обрисовать картину, так как по газетам было впечатление полного хаоса и сумбура, и трудно было что либо понять. В сущности этим и определялось мое отношение к этим правительствам. Связи я с ними никакой не имел и не интересовался даже этим, т.к. в это время был на курорте. Я решил, что теперь наступило господство союзников, которые будут распоряжаться, и даже не считаясь с нами.

АЛЕКСЕЕВСКИЙ : Какое впечатление произвел на Вас самый акт об"явления Хорвата себя Верховным Правителем.

Адм. КОЛЧАК: Я считал, что из всех лиц, которые были на Дальнем Востоке, Хорват единственный мог претендовать на это, т.к. он давно уже был на Востоке в качестве главнокомандующего полосы отчуждения,

был известен на Востоке всем, и если он пытался образовать правительственную власть на Востоке, то и слава Богу : больше никому было это сделать, я нисколько этому не удивился, т.к. Хорват был единственно авторитетным лицом, который мог это сделать.

АЛЕКСЕЕВСКИЙ : Это предполагает известную предпосылку в вашем умонастроении, что нужна единоличная власть. Ведь верховный правитель , это в сущности диктатор.

Адм. КОЛЧАК : Я считал, что надо привести Дальний Восток к какому-нибудь порядку, поэтому я считал вполне понятным, если бы Хорват распространил свою власть, кроме полосы отчуждения и на соприкасающуюся Приморскую область. Я считал вполне естественным, что Хорват пытается наладить управление . Во всяком случае я не считал, что это торжество идеи единоличной власти.

АЛЕКСЕЕВСКИЙ : Ваше умонастроение как будто было таково, что вы считали это единственным.

Адм. КОЛЧАК : Я очень колебался, считать ли такой путь нормальным. Я совершенно не вступал тогда ни в какие отношения с Хорватом. Я считал, что в такие моменты какое нибудь лицо должно было взять власть в свои руки, т.к. в тот момент положение вещей носило характер анархии, когда у нас начинали хозяйничать иностранцы. Таким образом, когда Хорват - известное на Востоке лицо - взял власть в свои руки, то в принципе я считал это приемлимым : пусть он начинает вводить управление и какой нибудь государственный порядок. Но я не считал, что персональный состав этого правительства был в состоянии справиться с этой задачей и то, что впоследствии мне было сообщено во Владивостоке, подтвердило, что этот персональный состав не в состоянии будет справиться с делом. До моего приезда во Владивосток мне казалось, что было бы наиболее резонным начать организацию власти через земства , которые казались мне как бы зарекомендовавшими себя известной деловой работе в крае. По этому поводу я могу сказать следующее . Когда я приехал в Токио, то Кокс сделал мне визит. Разговаривая со мной о положении на Дальнем Востоке , он спросил меня, что я делаю. Я изложил ему подробно свои впечатления на Дальнем Востоке и причину, почему я уехал оттуда и нахожусь в Японии. Он просил меня сообщить, что происходит на Владивостоке, т.к. по его мнению, нужно было организовать власть. Я сказал, что организация власти в такое время, как теперь, возможна только при одном условии, что эта власть должна опираться на вооруженную силу, которая была бы в ее распоряжении. Этим самым решается вопрос о власти, и надо решать вопрос о создании вооруженной силы, на которую эта

147

эта власть могла бы опираться, т.к. без этого она будет фиктивной и всякий другой, кто располагает этой силой, может взять власть в свои руки. Мы очень долго беседовали по поводу того, каким образом организовать эту силу, т.к. Кокс повидимому приехал с широкими задачами и планами, которые ему впоследствии пришлось изменить, но он приехал помочь организации армии. Я указывал ему, что имел опыт с теми организациями, которые были, я держусь того, что таким путем нам вряд ли удастся создать что нибудь серьезное, и поэтому я с ним условился принципиально, что создание армии должно будет идти при помощи английских инструкторов и английских наблюдающих организации, которые будут вместе с тем снабжать оружием , и что если надо создавать нашу армию, то надо создавать с самого начала, именно с воспитания , т.е. строить школы для офицеров, для унтер-офицеров, потому что основная причина , почему там так трудно было создавать вооруженную силу, это всеобщая распущенность офицерства и солдат, которые потеряли , в сущности говоря, всякую меру понятия о чести, о долге, о каких бы то ни было обязательствах , никто не желал ни с кем решительно считаться, каждый считался со своим мнением. То же самое было и в обществе. Напр. в Харбине я не встречал двух людей, которые хорошо высказывались бы друг о друге. Ужасное впечатление, которое у меня от Харбина осталось, когда я человека в первый раз вижу, считаю и его порядочным человеком и говорю с ним, как с таковым, а через минуту является другой и говорит: "Что вы с ним говорите, это бывший каторжник, он украл " и т.д., а про этого другой то же самое говорит. Это была атмосфера такого глубокого развала, что создавать что бы то ни было было невозможно. Это была одна из причин, почему я так скептически относился к правительству Хорвата: оно состояло из людей, которые сидели в этой харбинской яме.

А.Н. АЛЕКСЕЕВСКИЙ : Вы значит в известной степени считали, что земство могли бы быть государственной властью в силу того, что земство является государственным установлением, и что оно в то же время обнаружило достаточную деловитость в своей деятельности.

Адм. КОЛЧАК : Я главным образом базировался на последнее . Кокс спрашивает : "Каким образом можно создать власть": Я сказал : "путь к власти один: в первую очередь создание вооруженной силы, затем, когда эта сила уже наступает, то командующий этой силы там, где эта сила действует , осуществляет всю полноту силы военной. Как только освобождается известный район - вооруженной силой должна вступить гражданская власть в отправление своих функций. Какая власть. Выдумывать ее не приходится, для

148

для этого есть земская организация и нужно ее поддерживать. Покуда территория мала, эти земские организации могут оставаться автономными, но по мере того, как развивается территория, эти земские организации , соединяясь в более крупные соединения, получают уже возможность выделить из себя тем или другим путем правительственный аппарат". Это была записка, которую я подал тогда Хоксу, для того, чтобы выйти из хаоса. Впоследствии, когда мне пришлось поехать во Владивосток, когда мне пришлось познакомиться с деятельностью земства, я утвердился , что это земство было большевистского направления, и на него надежды, с моей точки зрения, не было.

А.Н. АЛЕКСЕЕВСКИЙ : А вы в личные отношения с земскими деятелями входили, или вы слышали это от других, и не возникали ли у вас сомнения в том, что это освещение суб"ективное.

Адм. КОЛЧАК : Нет, в личные отношения с земскими деятелями я не входил но из дел явствовало, что связь Медведева и Огарева с большевиками была несомненная, - это было дознано следствием и судебным материалом, и для меня было ясно, что это земство было полубольшевистское или большевистское

А.Н. АЛЕКСЕЕВСКИЙ : Вам не было известно, что Медведев , возглавлявший земство, как орган власти, был из этого земства изгнан большевиками, которые несколько раз пытались его арестовывать. Что Огарев, Городской голова Владивостока , как лицо, возглавляющее Исполнительный орган городского управления , был изгнан и должен был точно также скрываться от большевиков.

Адм. КОЛЧАК : Нет, я этого не знал. Нужно сказать, что вся обстановка, в которой я сидел в Японии, исключала возможность давать мне правильную оценку и взвешивать все, что там происходило. По американским и японским газетам до меня доходило кое-что.

А.Н. АЛЕКСЕЕВСКИЙ : Остается еще третий вид возникавших тогда организаций , - это Дербернское правительство. Ваше отношение к Дербернскому Правительству не изменилось, когда оно из претендента обратилось в некоторую организацию .

Адм. КОЛЧАК : Нет, оно осталось таким же , как и было : я считал его правительством опереточным.

А.Н. АЛЕКСЕЕВСКИЙ : Я хотел бы задать вам еще один вопрос : вы с французским послом Реньо имели беседы и разговоры.

Адм. КОЛЧАК : Я сделал ему один визит по совету Крупенского.

А.Н. АЛЕКСЕЕВСКИЙ : Я ставлю этот вопрос, потому что Реньо играл

119

впоследствии некоторую роль в сознических кругах, влияющих на события в Сибири, а во-вторых, потому что об этом есть какое то указание в письме г-хи Тимиревой к Вам от 17 сент., в котором она говорит, что у вас установился какой то мезальянс с Ренье.

Адм. КОЛЧАК : Он был очень мило у меня принят, но я только занимался с ним беседами, Крупенский очень лестно о нем отзывался. Обдумав свое положение в Японии, я в конце концов пришел к тому убеждению, что при условии интервенции я вряд ли буду иметь возможность здесь в России что нибудь сделать, потому что эта интервенция мне была неясна прежде всего. Она носила официальный характер помощи и обеспечения прихода чехов на Дальний Восток. Вслед затем получилось известие, что чехи отправляются обратно на уральский фронт, и смысл и суть этой интервенции мне была в конце концов совершенно непонятна. Я видел из предыдущих отношений, что я лицо нежелательное для японского командования и считал, что делать мне на востоке здесь нечего. К этому времени я получил более подробное известие от Степанова относительно положения на юге России, и затем меня чрезвычайно беспокоило положение моей семьи, от которой я решительно никаких писем не получал. Я знал, что она находится где то на юге в Севастополе, поэтому я решил поехать и постараться пробраться на юг, покидать ген. Алексеева, потому что из всей предшествующей власти Алексеев, как и Корнилов, сохранил в принципе для меня значение верховного главнокомандующего, которому я был когда то подчинен, и никаким актом из этого подчинения не вышел. Я считаю, что если бы было в отношении меня сделано Алексеевым какое нибудь распоряжение, я считал бы обязанным для себя его выполнить, как приказание главнокомандующего. Поэтому я решил ехать на юг, постараться найти свою семью, а затем явиться в распоряжение Алексеева. Вот решение, которое я предпринял в Японии.

Ад. АЛЕКСЕЕВСКИЙ : Я хотел бы выяснить : как могло остаться такое мнение об Алексееве, как главнокомандующем, после того, как он законно признанной всей Россией властью был удален от командования. Был Брусилов затем был Духонин, который был убит во время переворота.

Адм. КОЛЧАК : Я представлял себе, что на юге Алексеев является командующим теми силами, которые там имеются, я считал, что я должен ему подчиняться в силу того, что он был раньше главнокомандующим. Это было не совсем правильно , он в сущности главнокомандующим не был , но я тогда не знал, я представлял себе организацию ~~[illegible]~~ антибольшевистскую , возглавляемую Алексеевым, потому что роль Корнилова

150

был для меня не совсем ясна.

А.Н. АЛЕКСЕЕВСКИЙ : До вас в Японии доходили известия о том, что в Западной Сибири образовалось Западно-Сибирское правительство, и как вы к этому относились.

Адм. КОЛЧАК : Были неопределенные сведения, что в Омске образовалось Западно-Сибирское правительство, были неясные слухи о том, что в Самаре собирается с"езд членов учредительного собрания, были первые намеки об образовании директории, - это были все отрывочные и неопределенные сведения, их них самое серьевное это то, что Омскому правительству удалось успешно провести мобилизацию в Сидири, и что население, совершенно измучившееся за время хозяйничанья большевистской власти , главным образом в лице сибирской кооперации, поддержали власть этого правительства. Ни характера этого правительства, ни его целей и тенденций я не знал, я знал только, что оно противобольшевисткое. Тут же я узнал об организации вооруженной силы ГришинымАлмазовым, подробности же я узнал, когда прибыл во Владивосток. Из Японии я уехал на юг России, но потом мое решение изменилось. Из Японии я уехал безпрепятственно. Прибывши во Владивосток я обратился к своим знакомым сослуживцам-морякам, в свою очередь последние, узнав о моем приезде, обратились ко мне с просьбой, чтобы я им посвятил вечер и высказал свое мнение, что им делать, кому подчиняться, и каково должно быть отношение морских офицеров к команд к существующему троевластию. Я сказал, что я это сделаю, но прежде я прошу дать мне несколько дней, чтобы ознакомится с тем, что делается во Владивостоке. Владивосток произвел на меня впечатление чрезвычайно тяжелое : я не мог забыть, что я там бывал во время империи, тогда мы были хозяевами, это был наш порт, наш город, теперь же там распоряжались, кто угодно. Все лучшие дома, лучшие казармы, лучшие дамбы были заняты чехами, японцами, союзными войсками, которые туда прибывали, а наше положение было глубоко унизительное, глубоко печальное, я чувствовал, что Владивосток не является уже нашим русским городом.

А.Н. АЛЕКСЕЕВСКИЙ : Каково было ваше принципиальное отношение к интервенции раньше, чем вы ее увидели во Владивостоке.

Адм. КОЛЧАК : В принципе я был против нее.

А.Н. АЛЕКСЕЕВСКИЙ : Все таки можно быть в принципе против известной меры, не допускать ее на практике, потому что другого выхода нет. Вы считали ли, что несмотря нато, что интервенция нежелательна, к ней все-таки надо прибегнуть.

Адм. КОЛЧАК : Я считал, что эта интервенция, в сущности говоря, зако

457

чится оккупацией и захватом Нашего Дальнего Востока в чужие руки. В Японии я убедился в этом. Затем я не мог относиться сочувственно к этой интервенции в виду позорного отношения к нашим войскам и унизительного положения всех русских людей и властей, которые там были : меня это оскорбляло, я не мог относиться к этому доброжелательно. Затем самая цель и характер интервенции носили глубоко оскорбительный характер , это не было помощью России, все это выставлялось, как помощь чехам, к их благополучному возвращению , и в связи с этим это получало глубоко оскорбительный и глубоко тяжелый характер для русских. Вся интервенция мне представлялась в форме установления чужого влияния на Дальний Восток. Во Владивостоке я получил первые сведения о Западно-Сибирском правительстве, которое тогда называлось правительством Вологодского, затем я узнал, что в Уфе состоялось совещание, на котором было решено из Сибирского правительства образовать

вать всероссийскую власть,и что во главе этой власти будет стоять Директория в составе Авксентьева,Зензинова,Вологодского,Чайковского,Волдырева.Там же я узнал,что в Архангельске образуется какая-то власть под председательством Чайковского,и что все эти отдельные правительства решили объединиться под флагом Директории.Когда я собирался беседовать об этом вопросе со своими сослуживцами моряками,где были представители от морского/ведомства/Управления на Дальнем Востоке,я высказал им совершенно определенно:я не являюсь здесь Вашим начальником,я совершенно частное лицо и если Вы хотите знать мое мнение,то для того,чтобы прекратить в конце концов то совершенное недостойное положение,которое существует во Владивостоке,ввиду двух или трех каких-то правительственных организаций, которые борются между собой за власть,я бы признал Западно-Сибирское правительство,потому,что это правительство образовалось повидимому без постороннего влияния и поддерживается широкими слоями населения Сибири:оно уже провело мобилизацию ,что показывает, что правительство имеет действительную организаци_ и пользуется сочувствием и доверием населения,потому-что такая мобилизация иначе не пройдет.Вот те мотивы,которые заставляют меня признать это правительство,и всеми силами поддерживать его авторитет.К этому времени как раз прибыла миссия Вологодского во Владивосток.Не помню, кто с ним был,но наверно помню,что был Гинс.Правительство это прибыло во Владивосток и сейчас же,в тот или другой день ,Вологодский созвал представителей Дербернского правительства,которые моментально сложили свои полномочия и признали власть Сибирского правительства.Затем,повидимому,Земство тоже признало это правительство,и вслед затем Хорват сказал,что он тоже подчиняется новой Сибирской власти.Я лично представился тогда Вологодскому,так как бывший с ним один из морских офицеров сообщил мне,что было бы желательно,чтобы я повидался с Вологодским.Я сделал ему визит,он был страшно занят,ни о чем серьезно не говорил;я ему сказал совершенно определенно,что те морские части,которые имеются здесь,безусловно подчиняются распоряжениям этого правительства.Затем эта миссия уехала,а я еще оставался ,т.к. не мог ни как выбраться из Владивостока,и в конце концов мне пришлось обратиться в Чешский штаб.Сюда относится и первая моя встреча с Гайдой,который находился тогда во Владивостоке.Я получил известие,что он желает меня повидать.Я пошел к нему в Штаб и встретился с ним в здании

бывшего порта, где он находился. Я спросил его, в каком положении находятся все дела. Он мне ответил, что вся Сибирская магистраль очищена совершенно от большевиков, что есть постановление союзного командования о том, чтобы чехи не уходили из России, ввиду невозможности представить им тонаж, а чтобы они шли на Урал, что на Урале есть образуется чешско-русский фронт, который будет продолжать борьбу с большевиками. Я спросил его, какой характер носят вообще эти большевистские вооруженные силы. Он тогда совершенно определенно сказал: "это продолжение той же войны, которая была раньше, центром тяжести всех этих вооруженных сил являются немецкие и мадьярские военнопленные, для меня совершенно несомненно, что это есть та же война, которая велась раньше и немцы несомненно во всем этом предприятии". Затем я спросил: "Вам известно про Омское правительство, и как Вы на его смотрите." "Да", говорит он, "это Омское правительство уже сделало большую работу в создании армии, и эта армия теперь действует согласно с нами". Я спросил: "Кем об"единяется командование" - "этот вопрос", говорит он, "пока висит в воздухе, потому что об"единения чешского и русского командования нет. До сих пор русские и чешские отряды дрались вместе с нами, и эти вопросы решались чисто фактическим путем: где больше чешских войск там русские подчинялись, и обратно, но общего командования у нас нет". Я говорю: "по моему это большой недостаток в борьбе, раз нет об"единенной вооруженной силы, хотя бы только по оперативным заданиям". Я думаю, что правительство по этому поводу несомненно войдет с нами в соглашение, и я надеюсь, что этот вопрос мы в ближайшем времени разрешим". Действительно Гайда обращался в то время Вологодскому относительно назначения себя главнокомандующим вооруженными силами русскими и чешскими, действующими на территории Сибири, чтобы правительство санкционировала эту власть. "Как Вы отнеслись к этому", спрашивает он меня. Я сказал, "для меня вопрос подчинения той или иной вооруженной силе определяется всегда практическим путем. Я не знаю состава русских сил, если Вы все более организованы и в стратегическом отношении имеете большую ценность, то будет вполне естественно, что командование должно Вам принадлежать,

если отношения изменяются в сторону русских,то должно быть
русское командование - иначе решить вопроса никак нельзя.
Скажите,что такое Директория,и что она из себя представ-
ляет."Он говорит:"Это образование неизменное новообразование
несомненно,я не верю,чтобы эта Директория могла об"единить в
все рус кие части и силы,действующие здесь в Сибири и на
друго" территории.Я лично думаю,что она этого не может,
и я имею сведения,что Омское правительство относится вообще
к этой затее отрицательно.Но Вологодский сам вошел в состав
директории и тем самым явился как бы в подчинении".Я гово-
рю:"Какую при этих условиях власть Вы считали бы наилучшей".
"Я",говорит он,"считаю,что в этом периоде и в этих условиях
может быть только военная диктатура".Я ответил"Военная дик-
татура прежде всего предполагает армию,на которую опирается
диктатор и ,следовательно,это может быть власть только того
лица,в распоряжении которого находится армия,но такого лица
не существует,потому,что даже нет общего командования.Для
Диктатуры нужно прежде всего крупное военное имя,которому
армия бы верила,которая бы знала это лицо,и только в таких
условиях это возможно.Диктатура есть военное управление,
и она базируется в конце концов все цело на вооруженной силе
а раз этой вооруженной нет пока,то как Вы эту Диктатуру соз-
дадите".На это он мне отвечает:"Конечно,это вопрос будущего
времени,потому,что сейчас все находится в периоде создания,
развития,но я лично считаю,что это единственный выход,какое
только может быть".На этом разговоре мы расстались.

А.Н.АЛЕКСЕЕВСКИЙ: Этот разговор был после свидания с
Вологодским или после от"езда Вологодского из Владивостока.

Адм.КОЛЧАК: Сколько помнится ,после.

А.Н.АЛЕКСЕЕВСКИЙ: Когда Гайда заявил Вам,что он имел ра-
разговор,или делал предложение Вологодскому о назначении его
общим главнокомандующим,была ли для Вам ясно тогда положение
Гайды в самой чешской армии,был ли он признан вождем всех
чешских сил.

Адм.КОЛЧАК:Это не было ясно для меня,я слышал фамилию
Сырового,Чечека,во Владивостоке Гайда имел,повидимому,насто-
ящую армию,всех же войск,распределенных по всей территории

Сибири до того, как они призвали военнопленных, было 20.000 - 25.000, впоследствии они дошли до 40.000.

А.Н.АЛЕКСЕЕВСКИЙ: Вы не знали, кто в служебном отношении у них выше Сыровой или Гайда.

Адм.КОЛЧАК: Нет, я не знал, они как-бы самостоятельно действовали: Гайда на Востоке, а Сыровой на Западе, но Гайда ему не подчинялся.

А.Н.АЛЕКСЕЕВСКИЙ: А подчинялся ли Чечек Гайде или нет.

Адм.КОЛЧАК: Я этого тоже не знаю. Затем я узнал, что Семенов подчинился Омскому правительству, что у него свидание с Пепеляевым, который прибыл в Читу. Таким образом впечатление у меня получилось такое, что дело все таки двинулось с той мертвой точки, в которой оно было, что возникает какое-то сильное объединенное правительство, которое будет в состоянии что-нибудь сделать.

А.Н.АЛЕКСЕЕВСКИЙ: А участие чехов в русской политической вооруженной гражданской войне Вы не считали интервенцией союзников.

Адм.КОЛЧАК: Нет, я считал, что чехи стоят совершенно особо. Прежде всего для меня было ясно, что чехи были поставлены в необходимость этой борьбы, для того, чтобы выбраться из России. Я на чехов смотрел совершенно другими глазами, я их отделял от тех союзников, которые пришли извне.

А.Н.АЛЕКСЕЕВСКИЙ: Но тогда для Вас было ясно, что сами чехи, как вооруженная сила, находятся тоже в распоряжении союзников.

Адм.КОЛЧАК: Тогда это было не совсем ясно, наоборот, мне представлялось, что они действуют совершенно самостоятельно, но что союзники им помогают, по крайне мере они официально высказывали, что интервенцию они делают для обеспечения прохода чехов, что был официальный язык, которым они всегда говорили.

А.Н.АЛЕКСЕЕВСКИЙ: А теперь для Вас ясно, что выступление чехов было спровоцировано союзниками или большевиками.

Адм.КОЛЧАК: Я не знаю, мне представлялось всегда, что чешское восстание началось в Европейской России, когда они решили двигаться на восток, чтобы уйти оттуда. Мне кажется,

тут не было определенной провокации:просто большевики начали их [illegible] разоружать,это создало им впечатление/ что их не выпустят/это заставило их сплотиться и сорганизоваться,-это был вопрос жизни и смерти для них.

А.Н. АЛЕКСЕЕВСКИЙ: Но впоследствии оказалось,что там был целый ряд агентов (французски) и английских до того, как большевики приступили к разрушению.

Адм.КОЛЧАК: Я мало осведомлен об этом.Мне начал рассказывать о всей этой истории Лидерихс,который был начальником штаба у Сырового.Насколько я знаю об этом с момента чешского движения,это был вопрос жизни и смерти их:они считали,что в России они погибли,потому,что немцы хозяйничают в России, как они хотят.Они уходили уже на Запад,что бы двинуться домой но это было невозможно.Тогда они просились в Сибирь,для того чтобы итти на Восток,не расчитавши,что союзники не могли в то время дать им тоннажа.Ведь,если бы союзники руководили им,то как об"яснить,что они прошли всю [illegible] Сибирь по магистрали.

А. .АЛЕКСЕЕВСКИЙ: Есть сведения,что союзники решили захватить магистраль и для этого нужно было дать чехам дойти до Головного участка,чтобы иметь в своем распоряжении Владивосток,и обладая магистралью,осуществить свою мечту о создании Уральского фронта.Есть другое об"яснение,что все чехи не бросились на сибирскую магистраль,чтобы по ней уходить от большевиков,-нет,они были направлены на эту магистраль.

Адм.КОЛЧАК: Откровенно Вам скажу,я не имею этих данных- и в наступлении чехов я не видел руководящей руки союзников. Для меня стала ясна роль союзников с чехами уже впоследствии

А.Н. АЛЕКСЕЕВСКИЙ: Этот разговор с Гайдой интересен в отношении выяснения Вашей идеи,впоследствии целиком овладевшей Вами,а в начале как-будто еще бывшей под некоторыми сомнениями,идея единоличной власти.Когда Гайда развивал Вам мысль,что только военная диктатура возможна,Вы держались того мнения после того,как Вы познакомились с деятельностью Земства.Вы укрепились и Ваши колебания в отношении характе-

ра образования власти в направлении единоличной власти
или в направлении ее коллегиальности определились к этому
времени.

Адм.КОЛЧАК: Впоследствии я смотрел на единоличную власть
совершенно может быть не с той точки зрения, как Вы предполагаете. Я считал прежде всего необходимою единоличную военную власть - общее единое командование. Затем я считал, что всякая такая единоличная власть, единоличное верховное командование, в сущности говоря, может действовать с диктаторскими приемами и полномочиями только на театре военных действий и в течении определенного очень короткого периода времени, когда можно действовать, основываясь на чисто военных законоположениях. У нас имеется чрезвычайно глубокое продуманное, взятое из за границы, сверенное с всеми подобными же трудами в Германии, Англии и Франции положение о полевом управлении войск: это есть кодекс диктатуры, это кодекс чисто военного управления. Для меня было ясно, так как я очень хорошо знаю это положение и над ним много сидел, изучал и считаю это одним из самых глубоких и самых обдуманных военных законоположений, которые у нас были - для меня было ясно, что управлять страной на основании этого положения в сущности говоря нельзя, потому, что там не было целого ряда таких положений, необходимых, как напр. вопросы финансового порядка, вопросов торгово-промышленных отношений, там не существует целого ряда государственных функций, которые власть должна осуществлять, они положением о полевом управлении войск не предусматриваются. Поэтому мне казалось, что единоличная власть, военная, должна непременно связываться еще с организованной властью гражданского типа, которая подчиняется этой военной власти и на театре военных действий. Это делается для того, чтобы объединиться в одной цели ведения войны. Таким образом единоличная власть складывается из двух функций: Верховного Командования плюс военная гражданская власть подчиненная гражданскому порядку, который можно было бы управлять вне театра военных действий.

А.Н.АЛЕКСЕЕВСКИЙ: Конечно, мы так и подразумеваем, что без гражданского аппарата и без высшего гражданского управления

158 60 403

управлять страной нельзя. А военная власть возглавляется только одним лицом.

Адм. КОЛЧАК: Да. Мне казалось, что именно такая организация власти в период борьбы должна существовать, и в этом убеждении я укрепился уже тогда. Я обдумал это вопрос и пришел к тому, что это есть единственная форма, которая в таком положении будет возможна. Ехал я в Омск с очень большой медленностью, с очень большими остановками; я ехал 17 дней и в течении пути у меня ни встреч, ни задержек не было. В Омске я не предполагал задерживаться кроме нескольких дней, для того чтобы выяснить возможность выехать на юг и выяснить, в каком положении находятся дела на юге, и решить как дальше двигаться. Когда я прибыл во Владивосток, я вместе с тем сложил с себя полномочия члена правления Китайско-Восточной ж. д.

А. Н. АЛЕКСЕЕВСКИЙ: Вот на этом я хотел бы обратить Ваше внимание: Вы сложили эти полномочия, но правление как будто не освободило Вас от звания члена правления. Вы получили уведомление?

КОЛЧАК: Помнится мне, что было получено. Я подал Хорвату докладную записку о том, что у меня с востока и прекращаю свою работу, я считаю, что не могу больше оставаться в составе правления и прошу меня отчислить, и когда я был в Харбине, я получил св и последние 2000 рубл. жалования, которые я как член правлени получал, и сказал, что я заканчиваю свою деятельность.

А. Н. АЛЕКСЕЕВСКИЙ: Этот вопрос, конечно, не имеет существенного значения, не может иметь знач ния в Вашем судебном деле. Дело в том, что Правление или Управление К.Д. в 1919 году давал сведения ос составе Управления Восточно-Китайской ж. д., такие, что Вы входили, как один из членов Правления.

КОЛЧАК: Я не могу даже пре ставить себе, чтобы посл моего заявления они могли считать меня членом Правления. Я сказал, что не могу оставаться членом Правления, и никакого вознаграждения я не получал. Ни одного дела, ни

одной бумажки до меня не доходили,и никакого отношения я больше к Правлению не имел.

А.Н.АЛЕКСЕЕВСКИЙ: Я говорю это потому,что по смете ж.д.Департамента за 1919 г. в части ее,касающейся Восточно-Китайской ж.д. Министру финансов был представлен список членов правления Восточно-Китайской дороги,и Вы там значились.

КОЛЧАК: Меня это совершенно удивляет,потому,что никакого отношения к дороге не имею.Я думаю,что это какое-то недоразумение или попуск.в смете,может быть эта смета составлялась еще в сентябре месяце?

А.Н.АЛЕКСЕЕВСКИЙ: Нет,она составлялась весной 1919г. Я сам ее видел.

КОЛЧАК: Это какая-то ошибка,потому что я не имел никакого отношения.

А.Н.АЛЕКСЕЕВСКИЙ: Эта ошибка может иметь значение, потому,что она может послужить поводом к предположению, что Вы, будучи Верховным Правителем,оставались членом Правления.

КОЛЧАК: Это было совершенно немыслимо.В сентябре, когда я уехал,и когда я фактически не мог состоять в правлении,я сложил свои полномочия.По прибытии в Омск,я узнал о смерти Алексеева,который умер кажется 11 или 12 сентября,там же получил известие о смерти Корнилова и что Главнокомандующим Добровольческой армией на юге России является ген.Деникин.Когда я прибыл в Омск,на ветке уже стоял поезд с членами Директории и поезд Волкырева,который был тогда назначен Верховным Командующим,и прибыл со своим штабом в Омск.По прибытии в Омск мы встретили ген.Мартьянова моего сослуживца по Балтийскому морю и штабу Эссена и Казанцева.Они встретили меня и спросили,что я намерен делать.Я сказал,что я здесь только проездом и хочу пробраться на юг России.Они мне сказали:"Зачем Вы поедете, там в настоящее время есть власть Деникина,там идет своя работа,а Вам надо оставаться здесь.Во всяком случае мы Вас просим организовать на первое время морских офицеров которые здесь разбросаны в Сибири.Надо,чтобы кто-нибудь

взялся за организацией этих морских частей,и Вы единственное авторитетное лицо,которое это может взять на себя.Здесь уже имеется маленький зачаток - Морское Управление - во главе которого стоит Казимиров,но пока мы занимаемся одной регистратурой,составляем списки офицеров,которые проезжают через Омск и являются сюда, но надо это дело поставить,чтобы последние остатки, какие сохранились от флота,распыленные и расыровванные, собрать."Я говорю:"Ведь в Омске флота нет,эту работу Вы можете спокойно без меня провести.Для флота надо все сосредоточить во Владивостоке,там наш центр,там есть кое какие остатки нашего имущества,транспорта и это единственное место,куда всем морским офицерам надо отправляться.Я только что уехал оттуда,назад ехать не намерен."Затем о моем приезде узнал Болдырев.Это был первый из членов Директории,который прислал ко мне адъютанта и пригласил к себе.Болдырев задал мне вопрос,что я намерен делать.Я сказал,что я хочу ехать на юг России, никакого определенного дела у меня нет,и хочу выяснить вопрос,как туда проехать.Он мне сказал:"Вы здесь нужны, и я Вас прошу остаться."На это я ответил:"Что же мне здесь делать:флота здесь нет."Он говорит:"Я думаю Вас использовать для более широкой задачи,но я Вам [illegible] об этому скажу потом.Если Вы располагаете временем,останьтесь несколько дней".Я сказал,что я человек свободный",у меня есть телефонный аппарат,данный мне во Владивостоке, и если Вы позволите поставить его на ветке,я могу ждать дальнейших Ваших указаний".Потом я сделал визиты всем членам Директории,познакомился с Авксентьевым,Зензиновым,Виноградовым,беседовал с ними по делам чисто частного порядка.Болдырева я раньше не знал никогда,но фамилия его мне была известна.Я считал его фигурой довольно крупной,он образованный офицер,но его деятельности я не знал,частью слышал о нем,скорее положительные хорошие отзывы.Начальником Штаба был Розанов.Я был у него визитом,и к этому же времени относится знакомство с пред-

ставителями Добровольческой армии генералами Лебедевым, Сахаровым и Романовским.

А.П.АЛЕКСЕЕВСКИЙ: Они были официальными представителями Добровольческой Армии.

КОЛЧАК: Официальным представителем Добровольческой Армии был Лебедев, а Сахаров и Романовский были в Добровольческой армии, но, сколько помнится, полномочий у них не было.

А.П.АЛЕКСЕЕВСКИЙ: Значит, в сущности Лебедев был послан командованием Добровольческой Армии в Сибирь?

КОЛЧАК: Да, для связи и информации.

А.П.АЛЕКСЕЕВСКИЙ: Это достоверно? Сомнений у Вас никаких не было?

КОЛЧАК: Нет, никаких сомнений.

А.П.АЛЕКСЕЕВСКИЙ: А не слышали ли Вы сомнений о том, что полномочия его действительны?

КОЛЧАК: Нет, я никогда не слыхал. Вся дальнейшая переписка, которая велась у меня с Деникиным шла про него, и Деникин писал о нем. Ведь это был один из мотивов, почему я взял его к себе начальником штаба.

А.П.АЛЕКСЕЕВСКИЙ: Я слышал такое об"ясвение, что Лебедев, я, конечно, характеризую его так, как характеризовали те, которые давали мне сведения, - очень самолюбивый и честолюбивый молодой офицер, несомненно был в Добровольческой Армии, но его командировка сюда не носила такого официального характера поручения от командования, как он претендовал, и сумел доказать это тогда, благодаря этому он получил ответственную должность Начальника Штаба, и поэтому потом командование Добровольческой армии было в известной степени удовлетворено тем, что лицо, бывшее в Добровольческой армии состоит Нач. Штаба, и поэтому оно не могло отрицать того, что в известной степени он является представителем Добровольческой армии таким образом получилось некоторое dui pro quo Это имеет большое значение, потому, что эта фигура около Вас играла большую роль и его близкое прохождение к Вам и к той политической работе которая здесь совершилась, имеет большой интерес и отношение к Вашему делу и к другим. Так я определенно ставлю Вам этот вопрос: возникали ли у Вас какие-нибудь сомнения, или по крайней мере слышали ли Вы это? Ведь против него велась определенная кампания и указывался целый ряд возражений на его близость к Вам?

КОЛЧАК: Нет, до меня не доходило, что он не является официальным представителем Добровольческой Армии. В письме мне Деникин ни слова об этом не писал. Я думаю, что если он явился без достаточных полномочий от Деникина, то Деникин прежде всего известил бы меня, что он не считает его своим представителем, - как же иначе могло быть?

А.Н. АЛЕКСЕЕВСКИЙ: Я, как допустимую гипотезу, это принимаю.

КОЛЧАК: А я это совершенно отвергаю, потому, что у меня никаких данных нет: я находился в переписке с Деникиным, и Деникин отлично знал, так как вся переписка и донесения посылались Деникину.

А.Н. АЛЕКСЕЕВСКИЙ: Это было [illegible], он был представителем, но он не был послан представителем с широкими полномочиями, он был послан для информации.

КОЛЧАК: Конечно, он не был послан, и никогда Деникин не мог предполагать, что Лебедев будет у меня Начальником Штаба. Он его вероятно послал с теми задачами, с которыми посылались офицеры: т.е. информировать его о положении вещей и делать все, что потребует Добровольческая армия в смысле установления связи с Добровольческой Армией. Я уверен, что он таких полномочий быть Начальником Штаба не имел.

А.Н. АЛЕКСЕЕВСКИЙ: Нет, не Начальником Штаба, а официальным представителем.

КОЛЧАК: Я глубоко убежден, что, если бы этого не было, то Деникин бы меня известил, что он считает нежелательным это лицо, и оно не пользуется его доверием, как это он делал в отношении других офицеров, когда он послал телеграммы: "пожалуйста, такие-то офицеры не пользуются доверием Добровольческой Армии, будьте осторожны". - Был даже ряд офицеров, которые сидели арестованными в Омской тюрьме, и не посланные вовсе Деникиным, как самозванцы. Когда явились ко мне, и не посланные вовсе Деникиным, как самозванцы. Когда явились ко мне представители Добровольческой Армии, они меня информировали о положении вещей на юге России, что там делается, какая там организация управления и т.д. Затем были разговоры относительно Директории Все, как эти представители, так и другие лица из Армии, с которыми я

встречался,относились совершенно отрицательно к дериктории они говорили,что Директория эта есть повторение того же самого Керенского,что Авксентьев тот же Керенский,что идя по тому же пути,который пройден уже Россией,они неизбежно приведут ее к большевизму,и что в армии доверия к Дериктории нет.В частности к Болдыреву было то же отношение, говорили,что Сибирское правительство относится к появлению этой Директории скрепя сердце, что это нужно,но что симпатии и сочувствия к этой Директории среди Сибирского правительства и армии нет.Из переговорров и случайных встреч с казаками я узнал,что у них есть определенное отрицательное отношение,они говорили,что это естьпредставители партии,которые войдут в соглашение с большевиками и погубят Россию.Из казаков я встречался с Волковым и еще некоторыми другими молодыми офицерами,которых я встречал в гостях.Затем я плохо помню,кто меня просил сделать доклад о положении на дальнем востоке.Это был какой то общественный деятель.Я сделал свой доклад,в котором я очень мрачно обрисовывал положение,и указал,что по моему все идет к тому,что Дальний Восток будет нами потерян, сил создать нам не удастся и т.д.Это было большое собрание,там где помещалась 2-я Мужская гимназия.Это было собрание число гражданских общественных деятелей.Из Директории на этом собрании никто не присутствовал,а от Сибирского Правительства очевидно былипредставители,но боюсь точно сказать кто.Через два дня после этого меня сперва вызвал генерал Болдырев к себе в вагон и сказал,что он считает желательным,чтобы я вошел в состав Сибирсокого правительства в качестве военного и морского министра.Я ему на это ответил сначало отказом,потомучто я могу взяться не только за морское ведомство,какого сейчас создавать нельзя,а пока надо постараться разобраться,какие здесь имеются рессурсы,средства,личный состав,привесви это в порядок и тогда можно будет создать какой нибудь орган.Что касается военного министерства,что такое военное министерство во время войны,

я просто на проста не хотел брать на себя этой обязанности. Болдырев тем не менне очень настаивал: "Не отклоняйте этого предложения. Вы сами увидите, что дело не пойдет к Вас, никто Ва Вас не связывает, Вы всегда можете его оставить, но сейчас у ме ня нетни одного лица, которое пользовалось бы известным именем и доверием, кроме Вас, поэтому я Вас прошу, обращайтесь к Вашему служебному долгу, чтобы Вы мне помогли, вступивши в должность Военного и Морского министра". Я сказал: "Мне понятны все функции и задачи, которые возлагаются на военного министра во время войны, но прежде всего мне хотелось Вам задать вопрос: какое положение будет у меня в отношении войск, какие войска будут мне подчинены, будут ли известные части в моем распоряжении или они все изъемлются, а у меня остаются аппараты снабжения армии, которые главным образом лежатся на военного министра в военное время." Он мне ответил: "Вопрос о разграничении командования у нас еще не вполне закончен. Ведь здесь, как Вы слышали, военный министр уже имеется в составе Сибирского правительства-Иванов-Ринов, но теперь мне по всей вероятности вновь придется формироваться Совету Министров, и Иванов-Ринов вряд ли войдет в этот Совет, это место останется свободно, и я прошу Вас его занять". Я сказал: "Я дам Вам окончательный ответ только тогда, когда я выясню себе ясно, что собственно мне придется сделать, какие взаимноотношения будут у меня с Вами - Командующим армией, и сос всеми теми войсками, которые находятся на территории Сибири. Здесь, насколько я слышал, существует систем с которой я коренным образом расхожусь в основаниях: это корпусная территориальная система. Я считал, что применять здесь в Сибири эту систему при тех расстояниях, при тех средствах сообщения, брать этот германский образец и класть в основу организации вооруженной силы, я считаю совершенно неправильной, я считаю, что от этой организации будет нужно отказаться, а между тем большинство тут являются сторонниками этой системы и мне придется с места вступать в конфликт с начальниками из за такого кординального вопроса. Этот вопрос меня больше всего заботит". Он говорит: "Я считаю эту систему неприемлемой, я разде-

165

ляю Вашу точку зрения, и мы этот вопрос как-нибудь удалим. Я только сделаю распоряжения относительно того, чтобы Вы вошли в состав правительства". Я говорю: "Хорошо, я войду, но повторяю, Ваше Превосходительство, что, если только я увижу, что обстановка и условия будут неподходящи для моей работы и расходятся с моими взглядами, я попрошу освободить меня от должности. Я ставлю еще одно условие: я не ясно себе представляю, что такое представляет из себя фронт, что такое наша вооруженная сила на Урале, что нужно, какие отношения существуют у нас с чехами, - я человек посторонний и считаю необходимым в ближайшее время уехать на фронт для того, чтобы лично об"ехать все наши части и убедиться в том, что для них требуется.

Н.П.ДЕНИКЕ: А не возникало ли у Вас с Болдыревым разговора в связи с подготовлением министреского поста об общем положении, в какой мере возможно и удобно Вам работать с Директорией, в какой мере вообще она может защищать Ваши взгляды.

КОЛЧАК: Нет, Болдырев меня не запрашивал, мы вели чисто деловой разговор.

П.А.АЛЕКСЕЕВСКИЙ: Словом, Вы смотрели на это предложение несколько профисионально и технических и политических возражений не делали.

КОЛЧАК: Нет, с Болдыревым я об этом не разговаривал, но я сознавал и шел на службу к Директории. Принципиальных возражений против принятия портфеля Военного Министра у меня не было, так как политических вопросов мы с Болдыревым не касались.

П.А.АЛЕКСЕЕВСКИЙ: Предложение поста Военного и Морского Министра Вы получили впервые от Болдырева, но разговоры о возможности вхождение в Сибирское Правительство в качестве ли Военного Министра или в качестве техника у Вас были

166

б раньше с Болдыревым или с кем нибудь другим.

КОЛЧАК:Нет,я ни с кем не говорил,Первый разговор был с засе-
Болдыревым.

В.П.ДЕНИКЕ:А Болдырев вов время разговора не сказал ли едания,
Вам о том,что об этом есть своегоьрода предложение в не- Вологод-
которой среде,и что такого рода вхождение будет приветство- йно ме-
ваться Сибирским правительством или отдельными его членами. ю пово-

КОЛЧАК:Нет,об этом не говорили.Затем мне пришлось в пер- ихтера.
вый раз после того,как я получил от Болдырева письменное дилось
предложение,вступить в отправление моей деятельности,бывать концов бу
каждый день на заседаниях Совета Министров. ием Пра-

В.П.ДЕНИКЕ:Это был уже не Сибирский Совет Министров,мо- ну боль-
мент формирования его происходил без Вас. го нрав-

КОЛЧАК:Нет,он происходил при мне,потому что Директория оге.Как
приехала за один-два дня до меня.В заседении Совета Мини- ью Чер-
стров я встретил совершенно определенную атмосферу Сибир- бурю и
ского правительства к Дириктории.Я явился к председателю в оббыч-
Совета Министров Вологодскому,и сообщил,что со стороны возвани
Болдырева есть какое то распоряжение,и я стал являться ту- осстанови
да как член правительства.Таким образом я был назначен Болд или
дыревым на единоличие,а от имени Директории,и,очевидно,он для
об этом совещался с членами Директории.Атмосфера,которую я евизмом
там встретил,был а чрезвычайно напряженная,я мог бы ее ха- ии были д
рактерезировать,как отмосферу борьбы Сибирского Правитель- ог к
ства с Директорией.Расхождений или главным образом по по- оздавша-
воду некоторых персональных оставлений в составе Министров, рмий,кото
между прочим этот вопрос особенно обострился с назначением овольно
Михайлова,которогоьДиректория не желала,а затем еще при ры бы-
назначении Раговского товарищем Министра Внутренних Дел ева сов-
по делам Государственной охраны.Эти два вопроса приняли и из Ев-
чрезвычайно большую остроту. кой
з погон,

А.Н.АЛЕКСЕЕВСКИЙ:Члены Директории участвовали на заседаниях Совета Министров.

КОЛЧАК:Нет,только Вологодский,а у них шли свои заседания, на которых я не присутствовал,а присутствовал только Вологодский.К этому же самому периоду относиться и чрезвычайно меня поразившее и удивившее выступление впервые чехов по поводу состава Правительства - представителей Кошека и Рихтера. Главное возражение,которое делалось на этой почве,сводилось к тому,что мы получили партийную власть,С.-Р.в конце концов бу будут проводить свои планы,которые расходятся с мнением Правительства,что это явится несомненным уклоном в сторону большевизма,доказательством чего является связь настоящего правительства с Черновым,который был тогда в Екатеринбурге.Как раз к этому времени было выпущено воззвание за подписью Чернова,касающееся вооруженных сил.Оно наделало большую бурю и в Правительстве и военных кругах.Оно было составлено в оббычных тонах и вызвало везде страшное негодование.В этом воззвани было указано на то,что офицеры реакционеры,что они восстанови ли погоны,что под этим видом снова готовится реакция или контр-революция, - все эти темы глубоко оскорбительны для офицерства,которое в своей массе вело борьбу с большевизмом не преследуя ни каких политических целей.В самой армии были д две стороны,которые довольно враждебно относились друг к другу:Это сибирская армия с бело-зелеными знаками,создавшаяся на территории Сибири,и так называемая народная армия,которая образовалась в Поволжье.Между ними существовала довольно открытая вражда и это меня чрезвычайно печалило:офицеры были одни и те же,в Сибирской армии была масса офицерства совсем не сибиряков,главный контигент Народной армии был из Европейской России.Они носили трех цветную полосу Русской национальный флаг,и,кажется,в это время были даже без погон,

а Сибирская армия с самого начала одела погоны и бело-зеленое знамя взяла как свой символ.Было много случаев столкновений между офицерами,и это меня глубоко печалило,но в общем думать о тех инситуациях и нареканиях,которое возводил Чернов на офицерство,было нельзя,это была ложь,направленная с целью разложить с таким трудом и усилиями созданную вооруженную силу.

Н.А.АЛЕКСЕЕВСКИЙ:Вы несколько раз касались вопроса о внешних знаках,о погонах и отличиях офицеров,и Вы сейчас высказываете мнение,что погоны и внешние знаки были приняты в Сибирской армии и отрицались в народной.Не возникало ли у Вас впоследствии вопроса о том,что окружавшие Вас офицеры в Омске вводили Вас в заблуждение.Офицерство в общем по психологическим побуждениям не очень высокого масштаба стояло всегда за погоны и отличительные знаки,- не возникало ли у Вас сомнения,что наф фронте вся армия ходит без погон,что солдаты и офицеры народной армии и лучшие боевые офицеры равнодушно относились к погонам.Этот вопрос очень пустячный,у нас в русской действительности сделался большим вопросом.Как Вы лично относитесь к погонам.

КОЛЧАК:Я лично относился положительно,мотивируя этот тем, что это есть чисто русское отличие,нигде за границей не существующее.Я считал,что армия наша,кргда была в погонах,дралась,когда армия повернула свой дух,когда она сняла погоны это было связано с периодом величайшего развала и позора. Я лично считал:какие основания для того,чтобы снимать погоны.

А.Н.АЛЕКСЕЕВСКИЙ.Конечно,Вы впоследствии должны были действовать как политик:если в солдатской массе есть настроение против погон,то сделать уступку.

КОЛЧАК:Нет,я вов время об"езда фронта,а я очень много времени проездил на фронте,-встречался на позициях в различных условиях с солдатами и офицерами и должен сказать,что у меня ни разу не возникал этот вопрос на фронте.Я видел одинаково

безразличное отношение:иногда и погон достать нельзя,какие
тут пагоны и без пагон обойдемся.Не пред"являть этих требо
ваний я не мог,оттого что их нельзя было удовлетворить.
Этот вопрос мне просто напросто не прихрдилось обсуждать
ни за, ни против,во время моих поездок по армии этот вопро
не подымался.Я свтречал солдат и офицеров на передовых лин
ниях,одетых совершенно фантастически,- где ук тут говорить
о погонах:было бы что нибудь одеть.

ито предс
аявил,
а дума
Вот это
вета
том,что
затем
ишни
андидату
рыто,я
угими чл
отомучто
.В засе
кешских
и тем,
ому Со-
ия с ге
чень
е драть
о ясно,
ом,что
во они
мыслью
го эта-
опре-
с друг
ошика
я под-
ство
ехов
асаютс
о вкл
и ране
го ди-
остоя-
ая,
ее ан-
и

4 февраля 1920г.

В.П.ДЕНИКИН:Мы остановились в прошлый раз на том пункте, когда Вы сделались товарищем Министра и на создание атмосферы борьбы Директории с Сибирским Правительством.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ:Вы говорили,что на заседании совета Министров вынесли впечатление,что создается напряженная атмосфера борьбы,что со стороны Омского Сибирского Правительсва выдвигается мысль о том,что Директория носит партийный характер,что она связана с Черновым,который ведет определенную агитацию.

Адм.КОЛЧАК:Эта атмосфера борьбы мне представлялась чрезвычайно неблагоприятным обстоятельством для того,чтобы вести какую -ниб.работу.Я видел после нескольких заседаний что деловые решения не выносились,а велся все время вопрос политического характера и порядка,я несколько раз приходил к убеждению,что работать в такой атмосфере нельзя,и что мне единственно остается ехать непосредственно в армию.Я это высказывал генералу Болдыреву,у которого довольно часто бывал,говоря ему,что я положительно не чувствую себя пригодным для этой деятельности,какая мне выпала:я военный человек,могу заниматься чисто военным делом,но эта обстановка меня отвлекает совершенно в другую сторону,которая для меня является нежелательной.Тут яв илось еще одно серьезное осложнение,с которым мне пришлось встретиться,когда я активно выступал на почву политической борьбы - это вмешательство чехов.Представители чехов,насколько мне помнится,в Омске было два:Кошик,который в последствии был здесь и Рихтер,которого я потерял из виду.Дело в том,что там шла борьба главным образом на счет персонального назначения состава совета Министров и она главным образом концентрировалась вокруг Михайлова,на включение которого настаивало Сибирское правительство,и Роговского,которого и хотели сделать Министром Государственной безопасности,но впоследствии назначили на должность директора Департамента Милиции,т.е.в сущности тов.Министра Внутренних Дел.Кроме него было там несколько других вопросов.В это время подымался вопрос о Сибирской Областной Думе,которая была

ито предс
аявил,
а дума
Вот это
вета
том,что
затем
ишини
андидату
рыто,я
угими чл
отомучто
о.В засе
чешских
ми тем,
кому Со-
рия с ге
чень
е драть
о ясно,
ом,что
но они
мыслью
то эта
опре-
с дру-
Кошика
я под-
ьство
ехов
асаются
о вкл
л ранее
то Ди-
состоя-
гая,
ее ан-
и

в Томске.Этот вопрос не имел особенной остроты,потому что предс
ставитель Директории Аксентьев совершенно определенно заявил,
что он берет на себя решение вопроса о роспуске думы.Эта дума
была распущена после поездки самого Аксентьева в Томск.Вот это
самое персональное назначение различных лиц в состав Совета
Минитсров и вызвало вмешательство чехов.Оно соттояло в том,что
оба эти представителя по рознь явились к Вологодскому и затем
к членам Директории и некоторым министрам и заявили от имени
национального Чешского Совета,что чехи не согласны на кандидату
ру Михайлова или кого либо другого.Стоял совершенно отрыто,я
их раньше не знал,не свтречался ни с Михайловым,ни с другими чл
нами Правительства и когда вопрос поднимался,я молчал,потомучто
ни каких причин говорить против этих лиц ку меня не было.В засе
дании Вологодский доложил о появлении у него одного из чешских
представителей с такими заявлениями да еще подкрепленными тем,
что если такой состав будет неугоден Национальному Чешскому Со-
вету,со чешский войска оставят фронт.Перед эти м я говорил с ге
нералом Болдыревым и он мне сказал,что с чехами у него очень
трудно идет дело,что чехи бросят фронт и не делают больше драть
ся и для меня таким образом оставление чехами фронта было ясно,
а заявлением чешских представителей Кошика и Рихтера о том,что
если не произойдет изменение в составе Совета Министров,во они
оставят фронт,мне представлялось совершенно определенной мыслью
что они играются,что они безэзого фронта оставили бы,и что эта
угроза недействительна.Я высказал свое мнение совершенно опре-
деленно:я не имею чести быть знакомым ни с Михайловым,ни с дру-
гими членамиправительства,но для меня сегодняшний визит.Кошика
и Рихтера является совершенно императивным для того,чтобы я под-
держивал кондидатуру этих лиц.Я настаиваю,чтобы превительство
резко и определенно раз навсегда пресекло вмешательство чехов
в наши внутренние дела,которые их ни с какой стороны не касаются
Так было сделано.Совет Министров категорически постановил о вкл
чениив состав Совета Министров тех лиц,окоторых он намечал ране
и затем остановился на вопрос о Роговском.Нужно сказать,что Ди-
ректория в это время тоже разделилось на две группы:одна,состоя-
щая из Авксентьева и Зензинова являласьодной стрроной,другая,
которая состав/яла из Вологодского и Виноградова,являлась ее ан-

верховный главнокомандующий,он не занимал определенной политической позиции по отношению к той или другой группе.Из всех членов Правительства я встречался только с одним Болдыревым,с Авксентьевым я обменялся визитом и видался с ним на банкетк.

В.П.ДЕНИКЕ:Как относился Болдырев к этой борьбе.

Адм.КОЛЧАК:Болдырев думал,что надо всеми силами удалить это дело и итти на известный компромис,что потом все устроится,но теперь нельзя создавать раскола,который отразится на армии и на положении дел на фронте.Он старался быть как бы примеряющим начало в этой Директории между двумя борющимися группами.

В.П.ДЕНИКЕ:Как смотрел Болдырев на Директоррию:представляласть ли она ему жизнеспособной или он тоже думал,что эта Директория ни чего сделать не может.

Адм.КОЛЧАК:Когда я поднял вопрос об освобождении меня от обязанностей военного Министра,то и Болдырев и Авксентьев смотрели так,что это естьв временная переходящая ступень и они не смотрели на себя как на постоянное учреждение.

В.П.ДЕНИКЕ:Это по идее Директория должна была через известный срок созвать Учредительное собрание,но не представляли ли они что вообще Директория не сможет этого выполнить.

Адм.КОЛЧАК:Нет,я определенно этого вопроса не помню,В конце концев после долгих разговоров пришли к компромисам,что Роговски будет товар.Министра.

В.П.ДЕНИКЕ:Вы присутствовали на совместном заседании Директории с Сибирским Правительством,когда соглашение состоялось.

Адм.КОЛЧАК:Да,я тогда был на нем,оно ни чего из себя не представляло.Это было заседание,на которе явились все члены Директории и Совет Министров,на нем было прочитано постановление относительно взаимноотношений между Директорией и всего Совета Министров,затем члены Директории раскланялись и ушли и дальше продолжалось деловое заседание.

В.П.ДЕНИКЕ:Вы повидимому говорите о формальном моменте утверждения этого постановления,но до этого было заседание или совместное завещание Директории и всего состава Совета Министров, где довольно остро эти вопросы ставились.Так между прочим с резкой речью выступал Михайлов,с другой стороны примирительно держался Шумиловский/-Вы на том заседании не были.

Адм.КОЛЧАК:Я не помню,откровенно говоря.Я помню это вормаль-

ное заседание,которое было очень короткое,Авксентьев прочел известное положение относительно Директории,относительно Сибирской армии,которая должна сохранить свое бело-зеленое знамя.Этим вопросом совещание закончилось,затем члены Директории ушли,а Вологодский оставался председательствовать.Тогда же ему было преподнесено почетное звание Гражданина Сибири.

В.П.ДЕНИКЕ:За это время завязались ли у Вас с членами Сибирского правительства более или менее близкие личные связи.

Адм.КОЛЧАК:Нет,я не могу этого сказать.Я здесь оставался очень короткое время и вскоре около 7-8 ноября я выехал на фронт.Я бывал у Болдырева иногда.Затем я получил приглашение от чешского командования приехать к 9-10 ноября в Екатеринбург для присутствования на торжестве передачи знамен четырем чешским полкам,кроме того мне нужно было вообще выехать на фронт,для того чтобы повидаться с начальником и обследовать все вопросы снабжения,все нужды армии и фронта.Примерно числа 7-го или 8-го я выехал из Омска в Екатеринбург,-тогда я был временно исполняющих обязанности Военного Минитсра,в сущности у меня министерства не было,я кил в доме Волкова в одной комнате,у меня не было ни органов,ни средств Пока функционировал орган Сибирской армии,штаб второй армии помещался в доме Свободы,но пока я на него не принимался.Первая моя миссия была-присутствовать на этом торжестве и затем вечером на баккете,где я впервые познакомился с чешскими офицерами и с Сыровым.Там присутствовали представители иностранных держав.Кроме того там я вторично выдел Гайду.

В.П.ДЕНИКЕ:Во время этой встречи или впоследствии не возникали у Вас с чехами каких ниб.бесед в роде той,какая была у вас с Гайдой во Владивостоке.

Адм.КОЛЧАК:В этот день я не беседовал,а на другой день я поехал по различным военных частям,сделал визит Гайде,Сырову и т.д. Гайда меня спрашивал о том,каково политическом положение в Омске Я сказал,что считаю его чрезвычайно неудовлетворительным в виду того,что соглашения между Сибирским правительством в Директории есть просто компромисс,от которого я не жду ничего хорошего,что столкновения в будущем почти не минуемы,потомучто Директория не пользуется пристижем и влиянием,что Сибирское привительство,которое считает,что оно Сибирь об"единило и уже 6 месяцев стоит у власти,передает эту власть известным сопротивлением.Я говорил,что столкновения несомнено будут и во что они выльются я сказать

174

не могу.Гайда сказал на это:"единственное средсьво,которе возможно, это только диктатура."Я заметил ему,что диктатура может быть основана на армии и то лицо,которое создает армию и опирается на армию. только и может говорить о диктатуре,кто ке при настоящем положении может взять на себи должность диктатора.Только кто нибудь из лиц,не находящихся на фронте,потомучто ни кто,не опирающийся на вооруженную силу не может осуществлять диктатуры.Гайда ни чего ни ответил на это,но сказал,что все равно к этому неизбежно придут,потомучто Директория несомненно искуственное предприятие.Затем он говорил:§ По этому поводу мне известна та работа,котораяведется в казачьих кругах,они выдвигают своих кандидатов,но я думую,что казачьи круги не в состоянии спрявляться с этой задачей,потомучто они слишком узко смотрят на этот вопрос.Затем после этого короткого визита, я поехал уже на ближайший фронт,чтобы повидаться с Пепоряевым и позакомится с с Голицыным.Фронт проходил не далеко от Екатеринбурга,Пермь и Кунгур не были взятя,фронт был между Кунгуром и Екатеринбургом.Я разделяю свою работу на две части:одна заключалась в чисто технической формировании сил,выяснения нужд и потребностей армии тогда,а другая сторона заключалась в частных встречах во время моих поездок на фронт и выяснении на место чисто деловых сторон.Я вынес впечатление,что армия относится отрицательно в Директории,по крайней мере в лице тех н-ков,с которыми я говорил.Все совершенно определенно говорили,что только военная власть может теперь поправить дело,что такая комбинация и на 5 членов Директории кроме борьбы,интриг,политической розни ничего не дает и не даст и что в таком положении вести войну нельзя.Особенно резко говорили Ген.-майор Пепеляев:с моей точки зрения совершенно безразлично,кто будет вести дело войны,но я считаю,что из комбинации из Директории и Сибирского Правительства ничего не выйдет хорошего.

В.П.ДЕНИКЕ:А с какими видными деятелями кроме Пепеляева Вам приходилось встречаться.

Адм.КОЛЧАК:Я видел Голицына,представителейполков,которые были на фронте и общее мнение тоже самое,в этом смысле возражений не встречал.Главным Атаманом на дальнем востоке был Иванов-Ринов,я видел его тогда,когда вступил в должность Верховного Главнокомандующего в декабре м-це.Пепеляев об этом вопросе говорил с чисто военной точки зрения:раз мы ведем войну,должна быть чисто военное командование,а как это будет для

меня совершенно безразлично, потому что я не политик.

В.П.ДЕНИКЕ. В бытность Вашу в Екатеринбурге и на фронте, Вы не [illegible]шение получали никаких известий о положении дела в Екатеринбурге где [illegible]ом около ходился С"езд Членов Учредительного Собрания. [illegible]ов, Аргу-

Адм.КОЛЧАК. Они уже были в Уфе. Я помню только одного члена [illegible]медленно Брушета, он был представителем С"езда Членов Учредительного Собра[illegible]седание ния и говорил речь на банкете,-только одного его я помню. Наскол[illegible] "Я точно мне помнится, я поехал на Челябинск с фронта, там в Штабе Си-[illegible]ола 6-ти рового я повидался с Дитерихсом, который был начальником Штаба, [illegible]ведем сделал там визиты членам чешского Национального Совета, который [illegible]соединить- был в Челябинске. Затем я поехал на фронт, откуда поехал назад [illegible]а. Он в южным путем на Омск. Мне был дан экстренный поезд. С этим поездо[illegible]фону. Я поехали представители Чешского Командования и полковник Уорд, ко[illegible]ветил, торий присутствовал на параде. С Уордом мы вместе завтракали и [illegible]е патрул беседовали на всякие темы. Между Петропавловским и Курганом мы в[illegible]правления встретились с поездом ген. Болдырева, примерно за сутки до прибы[illegible]л, что я тия моего в Омск. Я явился к нему и в общих чертах изложил резу[illegible]ду к нему таты своей поездки. Болдырев ехал в Челябинск, для свидания с Че[illegible]ться со ским командованием., так как по его словам с чехами у него были [illegible]соединить очень натянутые и затруднённые отношения. Чехи оставляют на фро[illegible]томобиль нам грозили тяжелые осложнения на Уфимском фронте, красная армия [illegible]не прие- ведет наступление на Уфу и его тревожит настроение чехов, кото-[illegible]. Виногра рые оставляют фронт без всякого прикрытия. Я спросил его о том, [illegible]ей квар- что делается в Омске, так как я никаких сведений о Томске не име[illegible]ванные Он говорит: " в Омске тоже нехорошо, там несомненно идет брожение [illegible]т только среди казаков, в особенности говорят о каком то перевороте, высту[illegible]розанов ление, но я этому не придаю серьезного значения, во всяком случае [illegible]го нет я надеюсь, если мне удастся побывать на фронте и уладить там дел[illegible]посылал Затем он прибавил: " это все искуственно , но мы должны пройти че[illegible], что мне рез такую стадию, и я надеюсь, что работать будет вполне возможно [illegible]ас не аре потому что весь состав Директории из людей, лично не преследующих [illegible]инистров никаких задач, стараются сделать, что могут, и я думаю, что ничег[illegible]лся серьезного отсюда не выйдет. " Как видите, Болдырев определенно [illegible]не произ говорил, что в Омске атмосфера очень напряженная , в особенности [illegible]астии, был казачьих кругах. Я с ними расстался , он поехал в Челябинск , а я [illegible]его Мини уехал в Омск, куда прибыл примерно числа 16 Ноября , за день пере[illegible]ка, повид ворота. Меня главным образом в это время смущал вопрос о том, что [illegible]стров, окончательное решение относительно моих функций в смысле образова[illegible], где

ния министерства и моих взаимоотношениях с командованием на фро
те оставалось еще не определенным, оно не могло быть выяснено
фактически, у меня не было подчиненных частей, эти вопросы Болды
рев решил поставить, когда он окончательно вернется. Чисто техни
чески меня беспокоил вопрос о территориальной системе, уничтоже
ние которой я поставил категорическим условием вхождения моего в
состав Министерства и принятия на себя поста Военного Министра,
так как я считал эту систему неприемлимой. По приезде моем в Омс
ко мне явились многие офицери из Ставки и представители от казач
ков, которые поверили мне определенно, что Директории осталось не
долго жить и что необходимо создание единой власти. Когда я спра
шивал о форме этой единой власти и кого предполагает на это место
предложить для того, чтобы была единная власть, мне указали прям
"Вы должны это сделать". Я сказал, что я не могу взять на себя
эту обязанность, просто потому, что у меня нет в руках армии и во
оруженной силы, а то, что вы говорите может быть основано только
на воле и желании армии, которая бы поддержала то лицо, которое
хотело бы встать во главе ее и принять на себя верховную Власть
и верховное командование: У меня армии нет, я человек приезжий,
я не считаю для себя возможным принять участие в таком предприя
тии, которое не имеет под собой почвы. Затем мне остается неизве
стным вопрос об отношении к такой конъюктуревласти со стороны Си
бирского Правительства. Сибирское Правительство, насколько я мог
понять, борется с Директорией против Директории, желая власть сох
нит у себя и то положение, которое было до прибытия Директории,
то во-первых, а во-вторых, как я сказал, я нахожусь на службе, и э
подчеркивал, и что я не считаю возможным, оставаясь на службе, п
предпринимать какие-нибудь шаги в том смысле, в каком Вы говорите
Вот приблизительно какие разговоры велись вскоре после моего при
ла.

В.П.ДЕНИКЕ. Вы не помните, кто из более видных военных дея-
телей являлся к Вас с приездом подобного рода разговорами и предл
жениями.

Адм.КОЛЧАК. Насколько помню, Лебедев и полковник Волков, ко
торый был начальником гарнизона города, затем Катанаев, очень мно
офицеров из Ставки. Определенно могу сказать, что ни Матковского
ни генерала Белова у меня не было. Из лиц военных, из

из политических деятелей по вопросу о единоличной власти у меня никого не было. Я помню, что приходил ген. Сурин и другие, когда шла работа по созданию морского и Военного Министерства. Как я говорил, никаких определенных решений или слухов мне не сообщалось это носило характер разговоров и обмены мнений.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Красильников у Вас не бывал.

Адм.КОЛЧАК. Насколько я помню не был, но возможно что он заходил вместе с Канаевым, кто в то время он был Войсковым старшиной. Когда я осведомился с положением дел, то я решительно хотел отклонить от себя должность Военного Министра, когда я приехал, мотивируя это тем, что при условиях я считаю невозможным вести работу Военного Министра. Это решение мое было почти категорическое, но пока я не отказывался до прибытия Болдырева, так как в его отсутствии не считал возможным бросить начатое дело. А затем я собирался работать на фронте или заняться организацией Морского Министерства. Насколько мне помнится 17 Ноября был у меня Авксентьев накануне своего ареста. Он приехал ко мне на квартиру и просил, чтобы я взял свою просьбу об отставке назад. Я ему совершенно определенно сказал: " Я здесь уже около месяца Военным Министром и до сих пор не знаю своего положения и своих прав: обязанности свои в отношении обслуживании армии я более или менее себе представляю, но самые права Военного Министра мне неизвестны: подчинены ли мне здесь войска или нет, в каких взаимоотношениях я нахожусь с командованием фронта, непосредственных или только с ними снешусь и т.д..... словом целый ряд технических вопросов. Вместо деловой работы здесь идет политическая борьба, в которой я принимать участие я не хочу, потому что я считаю ее вредной для ведения войны, и в силу этого я не считаю возможным в такой атмосфере работать, даже в той должности, которую я принял". Так мы с ним и не договорились, я продолжал упорно настаивать на том, что я не буду больше Военным Министром и жду только приезда Болдырева. Я делаю оговорку: мне кажется, что это было в то время, о котором я говорю, не может быть это было накануне моего от"езда на фронт. Переворот совершился 18 числа вечером с воскресенья на понедельник. Об этом перевороте слухи носились, частным образом мне морские офицеры говорили, но день и время никто фиксировать не мог. О совершившимся перевороте я узнал в 4 часа утра на своей квартире. Меня разбудил дежурный ординарец и сообщил

мне, что меня вызывали к телефону Вологодский. Было еще совершенно темно. От Вологодского я узнал по телефону, что сегодня вечером около 1-2 часов были арестованы члены Директории Авксентьев, Зензинов, Аргунов и Роговский и увезены за город, что он сейчас созывает немедленно Совет Министров и просит, чтобы я прибыл на это экстренное заседание Совета Министров. Когда я спросил: " Кем арестован"-Он сказал "Я точно Вам сказать не могу и прошу Вас как можно скорее одеться и около 6-ти часов я вероятно вс х соберу"-Я спросил какими частями произведен арест"-Он ответил кто не знает. Тогда я приказали сейчас же соединиться и вызвать Розанова, который был начальником Штаба Болдырева. Он в это время спал, но когда я его вызвал он сразу подошел к телефону. Я спросил его, знает ли он о том, что произошло в городе. Он ответил , что в городе никакого полное спокойствие, раз"езжают усиленные патрули но что он ни как не может добиться ни Штаба, ни Ставки , ни Управления Казачьими Частями, телефоны повидимому не действуют. Я ему сказал, что я сейчас оденусь и перед тем, как поехать в Совет Министров, заеду к нему по дороге, чтобы с ним переговорит. Затем я попытался соединиться со Ставкой и спросить, там известно что делается, но со Ставкой соединиться мне не удалось. Тогда я бросил эту попытку, вызвал себе автомобиль из гаража и около 5-ти часов я заехал к Розанову. К Розанову же приехал и Виноградов, с которыми я затем поехал в Совет Министров. Виноградов сообщил мне, что ночью повидимому казачьими частями на своей квартире были арестованы члены Директории, но где находятся арестованные члены Директории неизвестно, в городе все спокойно, раз"езжают только казачьи паррули, стрельбы и вооруженных выступлений не было. Розанов повидимому не был совершенно в курсе дела, жаловался на то, что нет сообщения по телефону и он не мог добиться никакого толку, он посылал своих ординарцев, но и они ничего не могли узнать, кроме того, что мне сообщили Вологодский и Виноградов. Я спросил Виноградова? " Вас не арестовали"-Нет ко мне никто не явился.№ Около 6-ти часов Совет Министров собрался в здание Губернатора около собора, где он тогда помещался и Вологодский сообщил всему составу Министров о событиях которые произошли ночью. Весь состав Совета Министров и все лица к нему причастны, были на лицо№ между прочим был Розанов, Матковский, помощник Военного Министра, генерал Сурин, Матковский был совершенно не в курсе дела, повидимому ничего не знал, не присутствовал в заседаниях Совета Министров, как командующий войсками. В этот день было большое заседание, где

были и министры и товарищи министров, а так как должность командующе
го скими давала ему право товарища министра,то и он поэтому присут-
ствовал на заседании. Вологодский поставил вопрос, как смотрит на эт
Совет Министров. Подробностей больших он не мог сообщить,а сообщил
в общих чертах, что ночью дом, где находились эти четыре лица, около
здании винмназии, где они жили, был оцеплен сильным раз"ездом казаков
I-го Сибирского Казачьего полка, были еще части Красильниковского от
ряда в виде партизан, конная часть, которая оцепила этот эшалон, раз
рушила его, никого не арестовывала, так как сопротивления эта охрана
казаком не оказывала, она сдала оружие и денежный ящик. Тогда я под
я вопрос о том, где могут находиться арестованные члены Директории.
На это никто определенно указать не мог. Потом уже кто то из прибыв-
ших сообщил, что они находятся в здании АСельско-Хозяйственного Ин-
ститута, за Загородней Рощей, где находились часть партизановского
отряда Красильникова. Вологодский Совет Министров. Было высказано
несколько мнений: первое мнение-факт ареста ничего не обозначает,
тем более, что три члена Директории-большинство остаются: Виноградов
Вологодский, Болдырев; второе мнение было таково, что Директория пос
того,что случилось, остаться не может у власти, и что власть должна
перейти к Совету Министров Сибирского Правительства об арестованных
пока никто не говорил, участь их была неизвестна раз члены Правител
ства подверглись какому-нибудь аресту и не могли этому противодейств
вать и предубелить этот арест,, по тем самым они должны слезит с се
полномочия, раз они арестованы, то они тем самым перестают быть влас
Затем высказывались еще, что вся власть должна перейти к Совету Мин
стров, что власть Директории отпадает-это было третье мнение. Во вре
мя этих прений встал Виноградов и сказал, что он считает невозможны
оставаться долее в составе Директории ни при каких обстоятельствах п
ле того, что произошло и слагает с себя обязанности и никакого участ
тич больше в заседании он принимать не считает возможным. Был поднят
даже вопрос о том, чтобы Виноградов оставался в Совете Министров, но
он сказал: " Я свои полномочия слагаю и выхожу из состава:" После эт
го он оставил зал заседания. Ход Виноградова поставил ту часть голос
которые говорили, что Директория остается в затруднительном положен
оставался только один Вологодский здесь и Болдырев на фронте. Тогда
вопрос об оставлении Директории сам собой стал отпадать. Затем часов
около 8-ми поднялся вопрос о том, что надо выработать какой-нибудь то
обращения к нас лению, что такое положение является совершенно истери

что в такой переходный момент может наступить анархия и во что она выльется неизвестно. Пока в городе все спокойно, не все казачьи войска находятся под ружьем, хотя посылаю караул, отдельные части ходят по городу, хотя это ни во чем не проявляется, другие части находятся тоже под ружьем; хотя они не выходят из казарм, и если такое неопределенное положение продолжится, то мы жди какихнибудь крупных и серьезных событий. Тогда поднялся вопрос такой: что следует сделать и как на это реагировать. Вопрос был решен таким образом, что необходимо для того, чтобы вести и продолжит борьбу, отдать все преимущества в настоящее время военному командованию и что во главе правительства должно стоять лицо военное, которое об"единило бы собой военную и гражданскую власти, т.е. вопрос был поднят определенно в форме об"единения военной и гражданской власти в одном лице. Кем был поставлен этот вопрос, я точно не могу сказать, но кажется, что он был поставлен одним из военных. Когда ко мне обратились, то я тоже сказал, что считаю это единственным выходом из положения, я только что вернулся с фронта и вынес убеждение, что там полное несочувствие к Директории и малейшее столкновение между Директорией и Правительством отозвалось бы сейчас в войсках. Тогда вопрос стал принимать конкретную форму: желает ли Совет Министров, чтобы власть была вполне единоличной во главе всего Совета Министров. Когда этот вопрос был поставлен на обсуждение, я высказался за это совершенно определенно и сказал, что и это я считаю единственных выходом из положения,- не помню, чтобы кто-нибудь возражал против этого. Затем большинство членов Совета Министров, учитывая ту обстановку, в которой мы находились тогда, страшно напряженное тяжелое положение на фронте, брожение в самом Омске, только что случившийся ночью арест Директории, очень неопределенное и тревожное состояние во всех войсках Омского гарнизона, говорили, что необходимо, чтобы время сейчас же, чтобы поступила в управление единая военная власть, в виде одного определенного военного лица. Ответ был вынесен положительный без каких бы то ни было возражений с чьей бы то ни было стороны. Тогда у нас Верховным Главнокомандующим был Болдырев и я сказал, что этому Верховному Главнокомандующему и должна быть вся военная и гражданская власть. Верховный Главнокомандующий получив всю полноту гражданской власти является тем лицом, которое

ный по-
ких-ни-
ости
т того.
ил его
оге ра-
членов
зал, что
ь чел.
у. Таким
зм решил
пре-ла-
Париж
ому в
раничные
о все бу
ть чинить
вест-
вых,
ких
льства
ла речь
роль, а
рез
ский
звращени
то он
новен-
ую. Затем
ли воз-
з
ить сам
ы они
ших
жа-
влены

станет во главе Правительства. Такое решение было принято всем Советом Министров без каких бы то ни было серьезных возражений пока шел вопрос чисто принципиальный. В дальнейшем уже шло обсуждение вопроса о том, кто персонально должен быть Верховным Главнокомандующим и облечен такой властью. После обмена мнений большинство членов Совета Министров высказалось в том смысле, что они предлагают мне принять эту должность. Тогда я считал своим долгом высказать свое мнение по этому поводу в том смысле, в каком я его высказывал и раньше: надо прежде всего сражаться всеми всякой ценой сохранить то, что уже существует и что оказалось удовлетворительным, что не вызывает особенных возражений и сомнений, т.е. власть существующую в лице Верховного Главнокомандующего ген.Болдырева. Я говорил, что им организован Штаб, и , я зная отношение к генералу Болдыреву со стороны войск, против него особых возражений не будет. Говорили про него, что он находится в руках партийн представителей с.р. отзывались о нем довольно безразлично, но против него серьезно ничего не говорили и в войсках он фактически уж существует, как Верховный Главнокомандующий. Гораздо проще для армии и ее органов, чтобы осталось то лицо, которое уже имелось, и хотя речь идет о моем назначении но я должен сказать, что я человек новый, власть должна опираться прежде всего на широкую популярность и доверие войск, между тем, хотя мое имя известно, но в общем ни казаки, ни армия, ни войска меня не знают и как они отнесутся к этому не знаю. Я считаю долгом сказать , что если со стороны армии явились какие нибудь противодействия , то они поставили бы меня в самое тяжелое положение , совершенно с моей точки зрения неприемлемое. Я добавил, что я высказываюсь таким образом, исходя из интересов самой армии, чтобы не внести в нее каких-нибудь новых потрясений. Тогда Волегодский обратился ко мне и сказал: " Я принимаю во внимание все, что Вы сказали, но я вас прошу оставить зал заседания, так как мы находим необходимым детально и более подробно обсудить этот вопрос и так как нам придется говорить о Вас, то Вам неудобно здесь присутствовать." Тогда я оставил это заседание, которое продолжалось довольно долго. Я вошел в кабинет Волегодского, а затем через некоторое время ко мне прибыл Петров или Михайлов не помню Матковский и Резанов и передали мне следующие

Меня просят пожаловать в зал заседания и Совет Министров принял на себя всю полноту власти, Совет Министров,, исходя из тех положений, которые обсуждались, признает необходимым передать в власть одному лицу, которое стояло бы во главе Правительства в качестве Верховного Главнокомандующего и просит меня принять этот пост. Затем я прошел в зал заседания, где Вологодский прочел постановление Совета Министров, заявивши, что Совет Министров считает это единственным выходом из настоящего положения. Тогда я увидел, что разглагольствовать не о чем, я дал согласие и сказал, что я принимаю на себя эту власть и сейчас еду в Ставку, для того, чтобы сделать известное распоряжение по войскам и прошу Совет Министров уже детально разработать вопрос о моих взаимоотношениях с Советом Министров и затем прошу назначить сегодняшним же днем заседания, для того чтобы можно было обсудить целый ряд вытекающих из этого вопросов. Я должен был уехать в Ставку и оттуда телеграфировать по войскам о случившимся.

В.П.ДЕНИКЕ. Прежде чем перейти к дальнейшему , разрешите предложить Вам такой вопрос: Были ли указания о том, каким образом подготовлялся этот переворот, Вы осведомлены не были и личного участия не принимали, - Впоследствии стало ли Вам известно, Кем и как этот переворот был организован, Кто из политических деятелей и военных кругов принимал в нем участие.

Адм.КОЛЧАК. Вскоре, в ближайшие дни, я узнал только тех лиц которые активно участвовали в этом перевороте. Это были три лица Я знаю и мне говорил Лебедев, что в этом принимала участие почти вся Ставка, часть офицеров гарнизона, Штаб Главнокомандующего и некоторые члены Правительства. Он говорил, что несколько раз во время моего отсутствия были заседания по этому и поеду в Ставке. Я ему на это сказал одно. " Вы должны мне сообщать фамилии тех лиц, которые в этом участвовали, потому что мое положение в отношении этих лиц становится тогда совершенно невозможным, потому что когда эти лица станут мне известны, они станут в отношении меня в чрезвычайно ложное положение и они будут считать возможным тем или иным путем влиять на меня. Виновники этого переворота, выдвинувшего меня, будут постоянно оказывать на меня какое нибудь давление, между тем как я считаю для

меня совершенно безразлично это и я не считаю возможным давать или не давать те или иные преимущества. Фактически это Лебедев и выполнил. Я могу сказать, что почти вся Ставка по крайней мере все начальники Отделов принимали в этом участие и часть офицеров гарнизона, главным образом казачьи части. Я считаю удобным не называть их лиц. Что касается политических деятелей, то там несколько были из Совета Министров.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Самый момент переворота. Вы не знали кто был инициатором и кто был фактически выполнителем.

Адм.КОЛЧАК. Нет, я знал: Волков, начальник гарнизона, Катаев и Красильников и несколько офицеров казачьих частей. Я Лебедева спросил: Кто же был главным участником переворота."Казачьи части" "- Он сказал, что вся Ставка, Штаб Главнокомандующего при участии некоторых членов Совета Министров. Не до сих пор мне не известно, кто был из членов Совета Министров, я никогда к этому вопросу не возвращался и никогда ни с кем из Министров об этом не говорил. У меня создалось такое впечатление,что Маковский был не в курсе этих дел, судя по его словам, никакого участия не принимал. После заседания Совета Министров я поехал прямо в Ставку. На вопрос Розанова о его положении, я сказал: " мне кажется лучше Вам некоторое время не выступать потому, что Ваше положение будет неудобное: Вы являетесь помощником Болдырева и в отношении его самого будет неудобно, Если Вы останетесь в своей должности , поэтому прошу Вас на некоторое время пока не принимать участия в делах Ставки а вместо Вас будет полковник Сыромятников, который когда то был квартирмейстером, Вести доклады и исполнять обязанности начальника Штба." Когда Сыромятников явился, я прежде спросил его какие части привели сегодня ночью события. Он мне сказал. Тогда я спросил его где находятся члены Директории. Он мне ответил, что они находятся в отряде Красильникова в здании Сельско-Хозяйственного Института. Я спросил: были ли сделаны какие нибудь убийства и насилия в течение ночи. Он сказал, что ничего не было,что разоружение милиции Рогозского не вызвало никаких столкновении и недоразумении. Тогда я просил вызвать себе Волкова и сделать распоряжение, чтобы доставили в город арестованных, поместить их на их квартиру, квартиру усиленно охранить, но не держать их там. Затем я с ними вместе, с прибывшим

генералом Андогским выработал целый ряд телеграмм по частями
махирмании армии, главным образом на фронте, по гарнизонам раз-
личных городов-все гражданские власти должны были осведомить об
этом Совет Министров, а осведомление военных была моя обязаннос
о том,, что я вступил в Верховное Правителя. Затем мне в 4 час
дали знать , что Совет Министров снова собрался после перерыва
и что просят меня прибыть туда. Я приехал на это заседание и
сообщил им те подробности , какие я знаю , какие распоряжения
мною сделаны. Кажется к этому времени арестованные были уже на
своих квартирах. Я послал уже одного из своих ординарцев удо-
стовериться в каком положении они и состоянии. Они оказались вс
живы и водворены на свою ква тиру. Затем на этом же заседании
Совета Министров был обсужден вопрос относительно выработки кра
кой конституции о моих взаимоотношениях с Советом Министров. Бы
принята форма , которую я признал совершенно отвечающей тому, что
нужно,, указавши на то, что я считаю необходимыми работать в
полном контакте и в полном единении с Советом Министров, затем
тут же был намечен план относительно такого совета, который был
при мне для экстренных вопросов и главным образом для решения
вопросов иностранной политики, так называемый Совет Верховного
Правителя, состоящий из 5-ти членов, в который могли вызываться
ответственные лица. Затем поднялся вопрос о том, что же делать
сейчас. Я сказал, что в городе ходит масса фантастических слухов
поэтому надо самому факту переворота придать гласность. Я считал
самым правильным судебное разбирательство в открытом заседании
совершенного этого переворота для того, чтобы во первых снять
нар кания на лиц, совершивших это переворот, а во вторых потому,
что это лучший способ осведомления. Я сказал, что никогда не мог
кары над лицами, потому раз они это сделали , я принял все пос-
ледствия на себя, но это один из способов придать гласность само
обстоятельству совершившегося переворота.

В.П.ДЕНИКИН.Так что инициатива этого суда принадлежала лично Вам.

Адм.КОЛЧАК. Я не помню, я ли первый высказал эту мысл, или легедский, но такая точка зрения была высказана. Тогда было реше образовать специальный чрезвычайный суд, для того, чтобы разобра

все это дело. Затем я вызвал Волкова и сказал ему, что я считаю необходимыми гласное расследование всей его деятельности не с целью наказывать или карать, а с целью придать гласности, так что я его отдел под суд Чрезвычайного судаа На суде он должен дать показания, касающиеся этого дела. Этот суд вам вероятно известен.

В.П.ДЕНИКИ. А не выступал ли перед Вами вопрос о том, что весь этот суд не явится средством освободить общество с переворотом, если перед ним будет только голый факт переворота. вся закулисная обстановка будет от общества скрыта и, что если судить, то надо судить всех организаторов.

Адм.КОЛЧАК. Я предполагал , что вся картина переворота будет выяснена на суде, но суд взял все таки персональную ответственность трех лиц и дальше этого он не входил. На этом же заседании был решен вопрос о личной судьбе членов Директории. Я сообщил, что я приказал перевести их на квартиру, что я сделал распоряжение гарантировать их полную неприкосновенность и что единственное разумное решение, такое можно сделать в отношении этих лиц, это предоставить им выехать за границу. Это было общее мнение Совета Министров. Потом уже впоследствии, так как сразу этого сделать было нельзя, нужно было в связи с Чрезвычайным Судом поднять вопрос о привлечении их к суду, при чем наиболее серьезном обвинении, которое тяготело на них, были переговоры по прямому проводу и доказательство тесной связи Авксентьева и Зензинова с Черновым и как бы подчинение их в партийном отношении Ц.партии с/р. во главе которого стоял Чернов и что вызвало страшное возмущение: какое то правительство которое находится в руках определенной партии и исполняет ее приказания. Я подробно не знаю текста этих переговоров, кажется, что я видел ленты, но они умерли в голове не остались и ничего особенного они собой не представляли, во всяком случае каких-нибудь криминальных и преступных решений не было, но они действительно носили оттенок такой, что как бы Верховная Власть не подчинялась ее директивам. Это было самое серьезное обвинение.

В.П. ДЕНИКИ. К Какому моменту относится письмо к Вам Вологодского, где он указывал, что непременным условием его оставления наместу является личная неприкосновенность членов Директории.

Адм.КОЛЧАК. Это им высказано на заседании, это было вероятно в первый же день. Я думаю, что там обсуждался этот вопрос и общее

мнение тогда было такое. Я ответил, что я личную безопасность им гарантирую. Затем обсуждался вопрос об отправки их за границу, что я поддерживал. Я думаю, что это письмо был мне прислано в промежут между этими двумя заседаниями.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы упоминули относительно разговоров о суде над арестованными, этот разговор тогда же был.

Адм.КОЛЧАК. Разговор о предании суду был не в тот день, а на второй или на третий день, может быть даже после их от"езда, так как они уехали на второй день это было в ближайшие дни, когда следственный материал разбирался и тогда было мнение, что желательно было этих лиц предать суду, как принципиально, так и фактически так как они уже уехали и судить их нет никаких оснований: раз они смен ны , то зачем собственно говоря их судить.

В.П.ЛЕНИКЕ. Авксентьев и Зензинов приняли на себя какие либо обязательства ввиде отказа от власти, на которых они были отпущены.

Адм.КОЛЧАК. Нет, там было обязательство не вести борьбу против правительства. Затем на этом вечернем заседании Совета Министров я заявил что все арестованные члены находятся в моем непосредственном ведении и если угодно переговорить с ними и убедит в их нележении то пусть Министр Юстиции, имеющий к ним доступ , пе дет к ним. Старинкевич несколько раз ездил на городскую квартиру и сообщил Совету Министров, что они действительно там находятся и с ними ничего не сделано. Во всяком случае Министр Юстиции было предоставлено право навещать их и говорить со всякое время. Все ко мне прибыли, насколько мне помнится, Ренье и Уорд. Они спрашива что я намерен сделать с членами Директории: Я сказал, что ничего не намерен с ними сделать, а представлению их ехать за границу. Они спрашивали меня, намерен ли я предавать их суде. Я сказал , что не намерен. Со Старинкевиче я .

обсуждал вопрос, как их отправить. Было решено взять экстренный поезд и еще вагон для охраны их. Затем я немного опасался каких-нибудь выступлений по дороге, так как мне говорили о возможности нападения на них и я обдумывал, как бы гарантировать их от того. Я воспользовался близостью и знакомством с Уордом и просил его вообще дать мне конвой из 10-12 англичан, которые бы в дороге гарантировали бы от каки-нибудь внешних выступлений против членов Директории. Уорд с большим удовольствием согласился. Он сказал, что ему нужно телеграфировать 15 человек во Владивосток и эти 15 чел. могут также ехать в этом поезде и нести караульную службу. Таким образом это очень легко устроилось. Затем я со Старинкевичем решил вопрос о том, какие суммы нужно им дать. На вопрос, куда они предлагают ехать, члены Дирекории ответили, что они хотят ехать в Париж и им выдана сумма приблизительно 75000 - 100000 рубл. каждому в этот же день. Затем дано было знать Хорвату загатовить заграничные паспорта, не ожидая их приезда. Вскоре был получен ответ, что все будет сделано и что японские и китайские власти препятствий чинить не будут. Затем я сказал Старинкевичу, чтобы он выработал известное положение, по которому они дали подписку, что они, во первых, уезжают из России за границу, и во вторых, что они ни при каких условиях не будут вести политическую борьбу против Правительства Верзовного Правителя, находясь за границей. Затем тут же вышла речь относительно Аргунова. Я сказал, что мне самому не ясна его роль, а Аргунов сказал, что он хочет вернуться. Мы ему сказали, что через несколько времени он может вернуться, но на первое время пускай выедет хоть в Шанхай, а затем никаких препятствий к его возвращени не будет. Вечером я вызвал начальника конвоя и сказал ему, что он отвечает непосредственно передо мной за целость и неприкосновенность этих лиц и за малейшую попытку против них направленную. Затем я сказал, что если будет попытка с целью нападения на них, или вооборот, с целью освобождения их, тогда действовать оружием без всяких разговоров. Этот офицер сказал, что он все это выполнить сам и ручается что все будет выполнено, как нужно. Я добавил, чтобы они ни с кем общения не имели, чтобы не останавливаться на больших станциях, итти самым экстренным порядком и доставить их до Чжанчжуня, английский конвой отпустить в Харьине. Они были отправлены 19-20 ноября.

188

Д О П Р О С
ЧРЕЗВЫЧАЙНО СЛЕДСТВЕННОЙ КОМИССИЕЙ АДМИРАЛА КОЛЧАКА
от 6 февраля 1920 г.

АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Чтобы выяснить Ваше отношение к перевороту требуется установить некоторые дополнительные пункты. Между прочим для Комиссии было бы интересно знать - перед переворотом или во время его, или после встречались ли Вы в Сибири или на Востоке с князем Львовым, который тогда через Сибирь выезжал в Америку.

АДМИРАЛ КОЛЧАК. Нет, с князем Львовым я не виделся: мы разехались. Я виделся только с другим Львовым - Владимиром Михайловичем.

АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Не имели ли вы от князя Львова письма или указания.

АДМИРАЛ КОЛЧАК. Кажется, какое то письмо из Парижа было во время пребывания в Омске, но это было позже, приблизительно летом. Это письмо не содержало ничего важного и относилось главным образом к деятельности той политической организации, которая была в Париже и во главе которой стоял Львов. До этого я со Львовым не имел личных сношений и никаких указаний переданных от кого бы то ни было через него не имел. Письмо о котором я говорил было передано через Консульскую Миссию в Париже в Июле.

АЛЕКСЕЕВСКИЙ. В это время через Сибирь проезжал и находился в Омске Савинков.

АДМИРАЛ КОЛЧАК. Савинков заходил ко мне, когда я еще находился на квартире у Волкова. Мы с ним беседовали, у меня он расспрашивал, интересуясь положением вещей, т.к. он только что приехал с Востока, интересовался моим взглядом на отношении Японии к нам. Это было в первые дни моего приезда, на сколько помнится в доме Волкова. Виделся с Савинковым только один раз, т.к. он вскоре уехал. По вопросу внутренней политики я не беседовал с ним.

АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Из числа лиц, с которыми Вы в это время встречались, вы не упомянули об отношении к генералу Апрелевоу, приехавшему в это время из за границы.

АДМИРАЛ КОЛЧАК. Я в первый раз слышу такую фамилию. Может быть я и встречал его, но под другой фамилией.

АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Не было ли в это время в Омске человека приехавшего с поручением от русских заграничных кругов из Парижа или Лондона.

АДМИРАЛ КОЛЧАК.

В это время никого не было, позже бывали. Что касается Апрелева, то я теперь вспомнил, что я в Японии встречал молодого морского офицера, известного мне раньше, который служил в французской миссии и носил эту фамилию. Я видел его несколько раз в Токио. Он приезжал туда с миссией и состоял в распоряжении Реньо и к этому делу ни какого отношения не имел.

АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Я уже ставил Вам вопрос в каких отношениях Вы состояли с Реньо. Мы отвечали, что отношения были чисто официальные. Между тем в письме г.Тимеровой от I7 сентября есть упоминание о каком то "Альянсе" который Вам удалось установить с Реньо. Повидимому, г.Тимирова пишет Вам, повторяя те впечатления, которые вы вынесли из Вашего морского переезда из Японии во Вдадивосток. Она говорит о пассажирах и припоминая ваши впечатления, пишет, что Вы вступили в "Альянс" с Реньо.

АДМИРАЛ КОЛЧАК. Из Японии я ехал вместе с Реньо. Я виделся с ним несколько раз, он был очень любезен, но ни о какой подготовке с ним не говорили. Это было простое пароходное знакомство, т.к. из Цуруги он ехал вместе со мной и даже за столом за обедом и за завтраком мы сидели с ним рядом.

АЛЕКССЕВСКИЙ. Вы сказали прошлый раз, что из поездки в армию вынесли впечатление, что армия была против директории и на стороне идеи единоличной власти.

Я хотел бы поставить вопрос в каких частях Вы были.

АДМИРАЛ КОЛЧАК. Я был в Западной армии, хотя тогда еще не существовало этого термина "Западная Армия" тогда была Екатеринбургская группа, которой командовал Гайда. Это были части, находившиеся в районе Челябинска.

АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Приезжали ли Вы в это время на Юго-Западный фронт где находились части Народной армии, армии Комуча.

АДМИРАЛ КОЛЧАК. Эти части в то время были в Челябинске, куда я не приезжал.

АЛЕКССЕВСКИЙ. Ведь в это время большевики наступление на Юго-Западный фронт и их удары выносили эти части армии Комуча.

АДМИРАД КОЛЧАК. Да, и чехи, которые в это время начали свою эвакуацию. На фронте этих частей не было, т.к. не мог туда проехать. Юго-Западный фронт был в то время в районе Бугульмы, приблизительно по течению реки Ик. На юге в это время происходили большие бои частей Каппеля, принадлежавших к Народной армии.

АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Юго-Западный фронт в это время был выдвинут очень далеко. В это время Ижевский и Ботнинский заводы принадлежали ли к армии Комуча.

АДМИРАЛ КОЛЧАК. В это время все заводы уже перешли за Каму. В этих частях я также не был, так как не мог приехать в виду эвакуации чехов. Я говорил с Дитерихсом, не могу ли я проехать на фронт в Уфу, но он мне сказал, что задержит спешную эвакуацию чехов и мне пришлось отказаться.

АЛЕКСЕЕВСКИЙ. В оценке отношений армии к перевороту большую роль должны сыграть Добровольческия части. Какого было их мнение.

АДМИРАЛ КОЛЧАК. Какого было их мнение я не знаю, но я виделся с председателем в Челябинске и он сообщил мне, что в общем отношение к Комитету Учредительного Собрания и к Директории отрицательное даже в тех частях,

которые находятся под командованием Фортунатова. Фортунатов в то время командовал полком Учредительного Собрания.

АЛЕКСЕЕВСКИЙ. При получении этих сведений о настроении армии обращались ли Вы к командному составу.

АДМИРАЛ КОЛЧАК. Да, главным образом, хотя в некоторых случаях мне приходилось даже беседовать с солдатами, правда очень коротко. Я беседовал с солдатами, бывшими на фронте и во время обхода в казарменных помещениях.

АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Не думаете ли вы, что то, что мы принимали за мнение армии в виду того, что вы не посетили наиболее важных пунктов было фальсифицировано.

АДМИРАЛ КОЛЧАК. Если бы у меня было такое сомнение, то оно рассеялось на второй- третий день после переворота когда я получил от всех частей, даже частей Фортунатова выражение сочувствия к происшедшему перевороту.

АЛЕКСЕЕВСКИЙ. К сожалению эти телеграммы, как некоторые другие документы не сохранились.

АДМИРАЛ КОЛЧАК. Они все находились в архиве Штаба.

АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Известно, что в начале на фронте у добровольческих частей Сибирской армии, которая была сначала организована на Добровольческих началах, было враждебное отношение к перевороту. Такого например было отношение третьей дивизии, одной из самых боевых дивизий. Другия части оставались в неведении совершившегося переворота: им говорили, что Адмирал Колчак действует от имени директории, что директория остается т.к. в противном случае настроение солдат было такого, что бы итти ликвидировать переворот.

АДМИРАЛ КОЛЧАК. О таких настроениях мне ничего не известно, т.к. мне об этом никто не сообщал. Наоборот, если у меня и были сомнения, то они рассеялись в ближайшие дни когда я получил уверенность, что подобная конструкция Правительства и власть приветствуется всей армией. И дальше в последующие дни я от армии, ничего, кроме самого хорошего, кроме самого положительного отно-

шения не видел. Ни одного оскорбительного письма, ни одного памфлета из армии за все время пребывания мое Верховным правителем я не получал. Если у меня и были некоторые сомнения, хотя бы в отношении тех частей, которые были непосредственно подчинены Комитету Учредительного Собрания, то они рассеялись тот же фортунатов признал совершившийся переворот совершенно легко и нигде не оказал сопротивления при аресте членов Учредительного Собрания, пославших вызов, что они поднят войска против меня и откроют новый фронт.

К.А.ПОПОВ. Известны ли Вам случаи, когда в тюрьму сажались солдаты за перехваченную переписку содержавшую не одобрительные отзывы о Верховном Правителе.

АДМИРАЛ КОЛЧАК. Нет, мне это не было известно, но я допускаю, что это могло быть: из массы солдатских писем могли быть и такие, которые содержали такие отзывы.

АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Когда вы были Военно-Морским Министром и будучи Верховным Правителем не приходилось ли Вам сталкиваться с фактом что Высшее военное командование до нашего вступления в Военно-Морское Министерство, а также и при вас вело известную систематическую работу по возбуждению недовольства в добровольческой армии, армии Колчака тем, что военное снабжение этим частям всячески задерживалось. Я знаю например от Начальника Ботникской дивизии подполковника Пеаревого, что Ижевская дивизия, организовавшаяся после восстания не получила оружия, снарядов и патронов по той причине, что они намеренно не отправлялись туда, тогда как Сибирские части, составленные по мобилизации имели всего в изобилии. Этим самым вызывалось недовольство этих частей.

АДМИРАЛ КОЛЧАК. Тогда я этого не знал. Для меня значительно позже выяснилась эта картина, что действительно какая то работа в смысле недоставления и задержки военного снабжения преднамеренно велась, но это было не в Западн. армии, а главн-

ным образом в Сибирской. Если Вы вспомните, то это было в тот момент, когда в главное командование вступил Дитерикс, имеется его приказ, где он говорит, что этот вопрос должен быть разобран. У нас было очень тяжелое положение с доставкой оружия, т.к. первый период мы ничего не получали. Доставка оружия началась приблизительно к марту месяцу, до этого же времени во всех частях не было оружия, ни сапог, ни обмундирования. В это время положение было очень тяжелым, но я не думаю чтобы оно носило предумышленный характер.

АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Скажите Ваше отношение к генералу Каппело, как к одной из наиболее одной из наиболее крупных фигур добровольческой армии.

АДМИРАЛ КОЛЧАК. Каппело, я не знал раньше и не встречался с ним, но те приказы, которые давал Каппель положили начало моей глубокой симпатии и уважения к этому деятелю. Затем, когда я встретился с Каппелем в феврале или в марте месяце, когда его части как выведены в резерв, когда он приехал ко мне я долго беседовал и убедился, что это из самых выдающихся молодых начальников.

АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Когда Вы приняли власть Верховного Правителя, какого было отношение переворота правительств существовавших на территории, освобожденной от большевистской власти.

АДМИРАЛ КОЛЧАК. В первое время никакого, так как не было никакой связи. Когда произошли все события, относительно которых я говорил прошлый раз то был решен вопрос относительно отправки членов директории за границу. Под надежным конвоем они были отправлены на второй день вечером. В первый не день в часа три-четыре было устроено второе заседание на котором было учредить верховный суд для разбора всего этого дела. На второй день я с утра поехал в ставку. Все это время я жил в одной комнате и всю работу проводил в ставке. В ставке исполняющий начальника Штаба вручил мне целый ряд телеграмм, полученных из разных мест Сибири, которые прибывали в течении первых пяти дней. Эти телеграммы были из самых разнообразных мест, городов и частей армии и т.д. Эти телеграммы дали мне уверенность, что по крайней мере армия меня приветствует. Эти были ответы на мое изложение, их было десятки, среди них были телеграммы отдельных лиц. Помнится, я получил даже телеграмму с приветствием от Союза Сибирских Маслоделов. В последующие дни приходили депутации и приветствия от различных крестьянских общин, в первые же дни приходили телеграммы главным образом от армий военных частей. Тогда эти телеграммы дали полную уверенность, что то, что было сделано правильно и отвечает настроению и пожеланию армии. Одно из первых

194 + 8

был получена телеграмма от Хорвата,в которой он приветствовал меня
признавал меня Верховным Правителем и передавал себя в мое распоря-
жения.Одной из первых телеграмм была также получена телеграмма от
атамана Дутова.Вместе с ней получалась телеграмма от Правительства
ОРенбургского.Затем была получена одна весьма характерная телеграм-
ма от Уральцев,хотя и несколько более осторожно составленая:Они п
ветствовали но просили сообщить какую политическую цель я ставлю в
первую очередь.Я подтвердил,им,что моя задача заключается в том,чт
бы путем победы над большевиками дать стране известные успокоения,
чтобы иметь возможность собрать учредительное собрание,на котором
была высказана воля народа.Очень скоро я получил ответную телеграм
с приветствием их заявлением,что они передают себя в мое распоряже
ние,что они вполне разделяют мою точку зрения и осуществления зада
чи,которую я ставлю перед собою,считают необходимым.Но я не полу-
чил никаких известий только от двоих:от Семенова и от Калмыкова.От
них не было никаких сведения,но это меня не особенно безспокоило,
так как я был уверен,что Семенов будет против меня,ввиду тех отно-
шения,которые сложились ранее.Поэтому едва ли было расчитывать,что
Семенов пойдет вместе со мной:вероятно он попытается отдельно неза
висимо.Будучи еще военным министром,я отчетливо сознавал,в каком
положении находится снабжение армии,поэтому на второй же день я
снесся с Вологодским и просил,кажется его и министра снабжения,ко-
торым был в то время Зефиров,и еще несколько министров обсудить
этот вопрос,так как я считаю необходимым,чтобы в первую очередь Пр
вительства занялось изучением вопросов экономического характера,
так как вопрос снабжения стоит на столько остро даже в самом Омск
что я считаю что все усилия Правительства должны положены в перву
очередь на создание обезпечения снабжения армии.Я сказал,что необ
димо,чтобы завтра же вечером было устроено заседание,на котором я
выскажу свои взгяды,чтобы было собрано Экономической Совещание.
Это с овещание было разобрано тут-же:были выбраны представители то
гово-промышленников,кооперативов и банков,которых можно было собр
здесь же в Омске.Таким образом было основано Экономическое Совеща

на котором я первую неделю сам вел заседания.Я кажды-й вечер бывял там сам,пока не изложил те все задачи,которые я считал необходимым осуществить для обслуживания армии.Затем когда началась обсуждение общих вопросов,мне уже было трудно,к тому же я заболел.

АЛЕКСЕЕВСКИЙ.Как отнеслись к перевороту представители иностранных держав,которые в то время были в Омске или которые после приехали в Омск.

АДМИРАЛ КОЛЧАК.На сколько помню в Омске в то время был представитель Америки ГАРРИС и Франции-РЕНЬО.Представителя же Англии еще не было,был только полковник Уорд ;Нокс же приехал позже.Со стороны же Японии была только чисто военная миссия.Представителями же чехов были тогда-военным представителем Кошек и Рихтер.Вообще со стороны всех,кто ко мне не являлся были самыми положительными.Гарис,американский представитель относился ко мне с величайшим дружественным чувством и чрезвычайной доброжелательностью.Это был из немногих представителей Америки,который искренно желал нам помочь и делал все,что мог,чтобы облегчить нам наше положение в смысле снабжения. Гарис,на сколько я помню,прибыл ко мне с визитом на другой день. Гарис сказал мне"думаю,что в Америке этому событию будет придано самые неопределенные самыя неправильные освещения,но наблюдая всю атмосферу,всю обстановку я могу только приветствовать,что Вы взяли власть в свои руки при условии,конечно что Вы смотрите на свою власть как на временную переходную,конечно,основной Вашей задачей является довести народ до того момента,когда бы он мог взять управление в свои руки,т.е.выбрать правительство по своему желанию." Я сказал ему:"Это есть моя основная задача,Вы знаете хорошо,что я прибыл сюда,не имею ни одного солдата,ни имею никаких решительно средств,кроме только моего имени,кроме веры в меня тех лиц,которые меня знают.Я не буду злоупотреблять властью и не буду держаться лишний день,как только можно будет от нее отказаться,"на это Гарас сказал мне:Я Вам сочувствую и считаю,что если Вы пойдете по этому пути и выполните задачи,которые ставятся перед Вами,то в дальнейшем мы будем работать вместе".В таком же духе говорил со мной и Реньо. Полк.Уорд был у меня на следующий день и сказал,что он также считает,что это единственная форма власти,которая должна быть.Вы должны

нести ее до тех пор,пока,наконец Ваша страна не успокоится и Вы будет
в состоянии будете передать в руки народа.Я сказал что моя задача ра-
ботать вместе с союзными представителями в полном согласии,и что я у
смотрю наннастоящую войну как на продолжение той войны которая шл
Европе.

В.П.ДЕНИКИН.Не удалось ли Вам выяснить,не были ли оповещены иностан
ные представители до совершения переворота о готовившем перевороте.

АДМИРАЛ КОЛЧАК.Я думаю,что это было неожиданно,по крайней мере для Уо
да,Гарриса и Реньо.Вслед за посещение этих лиц,о которых я говорил
раньше,меня посетили Рихтер и Кошек.Со стороны Кошека отношение было
самое милое,любедное,но все чувствовалось какая-то неопределенность.Он
спросили меня;что Вы предполагаете делать.Я сказал,что моя задача оче
проста снабжать армию,увеличивать ее,и продолжать борьбу,которая веде.л
Ни каких сложных больших реформ я производить не намерен,т.к.смотрю на
власть как на временную,буду делать только то,что называется необходи-
мостью имея ввиду одну задачу-продолжение борьбы на нашем Уральском
фронте.Вот вся моя политика определяемая этим.Стране нужна во чтобы бы
то ни стало победа,и должны быть приложены все усилия,чтобы достичь
этого.Никаких решительно определенно политических идей у меня нет:ни
с какими партиями я не пойду,не буду стремиться в восстановления к ста
рому а буду стараться создать армию регулярного типа,т.к.считаю,что
только такая армия может одерживать победы.Тогда Рихтер задал мне воп
отчего Вы раньше не говорили об этом,почему не спросили раньше нашего
мнения.Я ему довольно резко ответил:Вам какое дело,я менее всего наме-
рен спрашиваться мнения у иностранцев и заявил ему:Ваше мнение совер
шенно не интересно и не обязательно для нас.Он сказал мне:Вы принимали
участие в ведении войны.Я ему ответил:"Да,но теперь Вы никакого участи
не принимаете ;теперь Вы оставляете фронт,почему же Вы хотите,чтобы
справлялись с Вашим мнение и в особенности теперь,когда Вы оставляете
фронт.Таким образом,отношение чехов,в лице их представителей,скорее
было недоверчивым со стороны Рихтера оно носило характер обиды ,что
все сделано без их согласия бед предварительных переговоров с ними.

В.П.ДЕНИКИН.Не приходилось ли Вам слышать,что в то время,когда Авкен-

тьев и Зензинов находились в заключении, им через некоторых лиц предлагалось чехами выступлении для ликвидации переворота.

АДМИРАЛ КОЛЧАК. Такие разговоры были, но точных данных никаких не было и никаких шагов в этом направлении не предпринималось. Совершенно отрицательную позицию занял Национальный Чешский Совет. Это было в связи с выступлением в Уфе членов Учредительного Собрания.

АЛЕКСЕЕВСКИЙ. В это время было заключено предварительное перемирие с Германией. Таким образом, Германия вышла из войны и устанавливал общее замирение Европы. Не возникало ли у Вам мысли, что и для Рос нужно искать мирного выхода из того положения какое создалось.

АДМИРАЛ КОЛЧАК. Я об этом не думал, так как видел, что этот мир нас не касается и считал, что война с Германией продолжается. Я тогда первое время надеялся, что в случае, если нам удастся одержать изве стные успехи на фронте то м ы будет приглашены на мирную конферен цию где мы получим право голоса для обсуждения вопроса о мире, так как этого не случилось то я считал что мы находимся в состоянии в ны с Германией. В число телеграмм, полученных мною, я получил со зна чительным опозданием. и телеграмму из Уфы за подписью 5-6 членов Учредительного Собрания /кажется там были подписи Нестерова, Девятаго/ Первая часть телеграммы состояла из ругани, меня называли узур патором, врагом народа и т.д: Вторая часть носила более серьезный характер: там заявлялось что комитет членов Учредительного Собрани повернет свои на Омск и откроет новый фронт внутренный против ме. На сколько первая часть была для меня безразлична, настолько втора часть носила характер вызова или угрозы. На это было надо как-нибу реагировать. хотя я получил сведения, что все части народной армии /я получил приветствия от большей части/ настроены сравнительно спокойно и что ему угрозу вряд-ли удастся осуществить. Я между прочим получил донесение из Челябинска /это передавалось как слух и за точность я не могу ручаться но это было интересно как характеристика чехов /что когда случился переворот, будто-бы в Уфе состоялось совещание членов Учредительного Собрания, на котором вопрос был поставлен таким образом, что надо соединиться с большевиками и начать общее наступление на восток. На это будто-бы чехи ответили, что если члены Учредительного Собрания войдут в сношение с больше-

виками,то они их всех перевешают.Чехи в это время были заняты своей эвакуацией с Челябинского фронта и создали там ужасное положение. В Челябинске было забито несколько тысяч вагонов,так что всякое передвижение на этом фронта было чрезвычайно тяжело.Я думаю,что это оказало большое влияние на снабжение армии:не было даже предумышленного задерживания,но в это время были почти ничего не могли подавать в западную армию благодаря забитости Челябинского узла.

Когда я получил эту телеграмму,я послал Дитериксу и Гайде телеграмму арестовать в Екатеринбурге Чернова,о котором я получил сведения, что он живет в каком-то крепком доме,что при нем сто человек охраны а также арестовать членов Учредительного Собрания.Это было выполнен и Чернов был арестован,но затем Гайда,повидимому,по требованию Национального Совета направил поезд в котором был Чернов и часть его охраны,которые были арестованы в обстановке сопротивления /была брошена бомба,но к счастью убитых не было были только раненные /почему то через Челябинск и в Челябинске Чернов был освобожден.Так или иначе Чернов попал в Национальный Совет,отуда он бежал,уехал за фронт и перебрался в Европейскую Россию.Кем был освобожден Чернов не имею точных сведений но полагаю,что это был Национальный Совет.

К.А.ПОПОВ. Известно ли Вам,что при аресте Чернова Екатеринбургской комендатуре было дано распряжение чтобы Чернов и его товарищы были ликвидированы.

АДМИРАЛ КОЛЧАК. Об этом мне не известно и мною таких распоряжений не давалось.Арест производился русскими частями.

К.А.ПОПОВ.Иввестно ли Вам,что Чернов и его товарищи были отбиты вооруженной силой чехов.

АДМИРАЛ КОЛЧАК. О том,что они отбиты вооруженной силой я совершенно не знаю.Наоборот я знаю,что по требованию Национального Совета они были ему переданы.

К.А.ПОПОВ. Вооруженным отрядом чехов Чернов и его конвой били отбиты от русского конвоя,который вел их на расстрел.

АДМИРАЛ КОЛЧАК. Это мне представляется иначе:Они были арестованы Гайдой,Чешский Национальный Совет потребовал чтобы их доставили в Челябинск,почему и Гайда и выполнил его приказания.О том,что было нападение на русский конвой я совершенно не знаю.

Если бы это было,то,вероятно,Гайда сообщил бы мне об этом,между тем он ничего не сообщал мне.Гайда в это время командовал не только чешскими войсками,но и Екатеринбургской группой,состоящей из русски и чешских войск.Поэтому он мог отдавать приказания одинаково и русским и чешским частям.Арест Чернова на сколько я помню,был произведен русскимичастями,но распоряжение об аресте было направлено непосредственно Гаде,как старшему начальнику.Насколько я помню я сделал это распоряжение Гайде и получил ответ,что приказание выполнено Через несколько дней,видя,что результатов нет я запросил,где-же находится Чернов.Был запрошен Гайда,каким поездом был отправлен Чернов.Гайда ответил,что Чернов такого-то числа отправлен в Челябинск. Тогда я приказал запросил Дитерикса ;Дитерикс ответил,что Чернова в Челябинске нет.Я считал,что когда с Черновым прибыл в Челябинск, то Чешский Национальный Совет потребовал выдачи Чернова и его освободили.

АЛЕКСЕЕВСКИЙ.Вы отдавали определенное приказание арестовать Чернова и отправить его в Омск.Приказание не было выполнено.Было-ли сделано расследование по поводу не исполнения этого приказания.

АДМИРАЛ КОЛЧАК Нет,никакого расследования не было сделано,я считал только с фактами.ПотомоГайда говорил мне,что он не мог иначе поступ что это было требование Национального Совета,которому он до известно степени подчинялся.

АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Помимо Гады никаких расследований относительно ареста и доставки Чернова в Омск Вы не делали.

АДМИРАЛ КОЛЧАК Нет не делали.Я был очень удивлен,почему Чернов направлен через Челябинск,потом выяснилось,что это было требование Национального Совета.

АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Членов Учредительного Собрания арестованных в Уфе было приказано доставить также в Омск.

АДМИРАЛ КОЛЧАК. Одновременно с первой телеграммой я послал телеграмм Дитериксу с приказанием арестовать членов Учредительного Собрания и доставить в Омск.Когда я получил список арестованных лиц /их было около 20 человек /,то оказалось,что там не было ни одного лица,п писавшего телеграмму,за исключением Девятого.Список мне переда воирующий офицер.

К.А.ПОПОВ. Распоряжение об аресте членов Учредительного Собрания было сделано по предложению Вологодского.

АДМИРАЛ КОЛЧАК. Было сделано мною совершенно самостоятельно после получения этой телеграммы.

К.А.ПОПОВ. В распоряжении Комиссии имеется копия телеграммы с надписью "произвести через Верховного Правителя арест членов Учредительного Собрания."

АДМИРАЛ КОЛЧАК. На сколько я помню это было мое решение, когда я получил эту телеграмму с угрозой открыть фронт против меня. Может быть Вологодский получив одновременно, сделал резолюцию, но во всяком случае в этом решении Вологодский никакого участия не принимал. Членов Учредительного Собрания было арестовано около 20, и среди них тех ли которые подписали телеграмму не было, за исключением, кажется, Девятог Просмотревший списки, я вызвал офицера, конвоировавшего их, Кругловск и сказал, что совершенно не знает этих лиц и кто в телеграмме они, повидимому, никакого участия не принимали, и даже были, кажется, лица не принадлежавшие к составу К-та Членов Учредительного Собрания, как например Фомин. Я спросил, почему их арестовали, мне ответили, что это было приказание местного командования ввиду что они действовал против командования и против Верховного Правителя, что местным коман дованием было приказано арестовать и отправить в Омск. Таким образо от этого ареста получалось впечатление весьма неопределенное: тех лиц, которых имелось ввиду арестовать не оказалось. Я вызвал вслед з этим Старынковича и спросил его, что делать с этими лицами. Определ ных обвинений к этим лицам нет никаких, как же следует в этом случа поступить. Старынкович говорит: "надо произвести следствие по этому делу. Затем помимо вызова, который был брошен членами Учредительного Собрания есть еще одно очень серьезное обвинение, которое лодится н этот Комитет членов Учредительного Собрания в том, что они выпусти ли огромное количество Уфимских денег, при чем эти деньги расходова лись главным образом на партийную работу. Надо выяснить, какое коли чество этих денег они напечатали и куда они шли." Я сказал, хорошо, в таком случае возьмите этот вопрос на себя, так как мне лично эти лица не нужны. Когда я сказал Кругловскому, что он привез мне совер шенно неизвестных лиц, то он сказал что остальные предупреждены че ханы и скрылись. Я спросил, было ли какое сопротивление или противо-

действие обыскам и арестам,кот. производились в Уфе со стороны частей Фортунатова.Он сказал,что никакого и скорей было даже отказано содействие.При комитет Учредительного Собрания была охрана чел. в 200.они оставались в том же доме,где жили и когда их окружили и потребовали выдачи оружия,то это было сделано немедленно.Их даже не арестовали,а просто разоружили и отпустили.Они были привезены в Омск приблизительно числа 24-25.

К.А.ПОПОВ.Каким образом сложилась их судьба и под чьим давлением. Ведь вы знаете,что большинство их было расстреляно.

АДМИР Л КОЛЧАК. Их было расстреляно 8 или 9 человек.Они были расстреляны во время бывшего в двадцатых числах Декабря восстания.

АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Как отнеслись к перевороту Уральское правительство и другие правительства,существовавшие на Востоке и находившиеся в территориальной связи с вами,как например Алаш-Орда и др.

АДМИРАЛ КОЛЧАК. Они ничем не заявляли о себе и в первые дни о них ничего не было известно.Ни от Алаш-Орды,ни от Уральского Правительства не поступало никаких заявлений.

К.А.ПОПОВ. Известно ли Вам,что одновременно с членами Учредительного Собрания были арестованы представители Уральской власти напр. Кириенко в Челябинск.

АДМИРАЛ КОЛЧАК. Кириенко был доставлен вместе с остальными в Омск и арестован был,вероятно,местным начальником Гарнизона.Также был арестован редактор местной газеты Маевский и отправлен в Омск.

К.А.ПОПОВ. В это ли время не отдавалось ли Вам определенных указаний о аресте членов Учредительного Собрании и в смысле репрессии вообще в отношении активных членов партии С.Р.

АДМИРАЛ КОЛЧАК. Нет,таких определенных указаний я не давал,я только посылал телеграмму Дитерихсу и Ханжину,чтобы они приняли все меры для борьбы с пропогандой на фронте.

АЛЕКСЕЕВСКИЙ. В числе деятелей этого времени была целая группа, представлявшая правительство Урала.В связи с ними находилась Ек. Брешко-Брешковская,которая до известной степени была тоже выслана из России.

АДМИРАЛ КОЛЧАК. Она уехала, вероятно, раньше до меня, так как я не слышал ни одного слова об ней.

АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Она прибыла почти в одно время в Владивосток, как член Учредительного Собрания.

АДМИРАЛ КОЛЧАК. Я ничего об ней не слышал и считал ее находящейся вне России.

К.А.ПОПОВ Вам было известно, что такие представители партийных течений, как Брешко-Брешковская, должны были скрываться и перейти на нелегальное положение.

АДМИРАЛ КОЛЧАК. Я не могу ничего не сказать, так как я об ней не слышал и не знал, что она находится в Сибири. От Уральского правительства я ничего не получал и никаких распоряжений в этом направлении не делал. Имел место только в единственный отклик и то не членов Уральского правительства о каких-то общественных деятелей. Когда в феврале месяце они были арестованы, я приказал их освободить.

К.А.ПОПОВ. Таким образом, этим арестом Вы считали ликвидированным вопрос относительно членов Учредительного Собрания.

АДМИРАЛ КОЛЧАК Да, считал совершенно ликвидированным.

АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Продолжайте ваш рассказ происходивших в Омске, какие перемены Вы находили сделать в системе управления страной.

АДМИРАЛ КОЛЧАК. Первый период, как Вы увидите, я был лишен возможности, заниматься этим делом. Главный вопрос, который занимал меня в это время была подготовка и обеспечение Пермской операции, которая была сообщена мне Гайдой когда я виделся с ним. Она требовала быстрой подачи известного контингента комплектования из Центральной Сибири. Это было связано с величайшими затруднениями в смысле снабжения, обмундирования и т.д. Эта была главная моя задача и я ими в это время употребил на то, чтобы ее обеспечить. Поэтому по этому поводу мне пришлось войти в связь и контакт с генераломНоксом, который находился во Владивостоке; я послал ему телеграмму об том, что в первую очередь необходимо выслать на Урал патроны и снабжение в Екатеринбургскую армию в срочном порядке, так как во всем этом чувствуется громадный недостаток, я запросил его, в каком положении находится подвоз боевых припасов, о которых Нокс писал, что они будут доставлены, и в это время шло очень быстрое и непрерывное сношение

202 46

С Владивостоком.Вслед за тем,когда был обнародован приказ о предании суду Волкова,Катанаева и Красильникова,Семенов,до сих пор молчавший,реагировал на этот вопрос телеграммой,отправленной непосредственной ко мне,в которой он заявлял,что он требует выдачи к себе,что он считает что предавать их суду я не имею права, что деятельность этих лиц может судима только впоследствии,и что он требует их выдать в его распоряжение. На нее я конечно не ответил,я отправил ее в штаб и сказал,что не стоит отвечать на нее. Вслед за тем,в томвремя,когда мы потребовали прямой провод во Владивосток для переговоров с Ноксом мне доложили что прямого провода нет,что Чита прервала сообщение.Я предложил Начальнику Штаба выяснить этот вопрос.На это мне ответили совершенно неопределено, говорили,что никакого перерыва нет,а все-таки мы не можем получить Владивосток и ясно,что перерыв находится в Чите.Тогда я,что чтобы-нибудь делать,приказал зашифровать телеграмму послать окружным путем была возможность через Монголию,послать во Владивосток с требованием получить все,что нужно для фронта,но все же я приказал попытаться вызвать в Владивосток,потому что такие шифрованные телеграммы не заменяют переговоров по прямому проводу Затем я получил известие,которое показало,что это было недоразумение,и это на меня произвело впечатление чрезвычайно серьезное: Это была первая угроза транспорту с оружием обувью и т.д.,задержанному где то на Забайкальской ж.д.Впоследствии оказалось,что это не было предумышленной задержкой,а задержка благодаря непорядкам на линии,а мне доложили так,что я поставил это в связь с перерывом сообщения и решил что дело становиться очень серьезным что Семенов,уже задерживает не только связь но и доставку запасов.Я просил Лебедева,который вступил в должность начальника Штаба,вызвать по прямому проводу Семенова или его Начальника Штаба и окончательно выяснить вопрос делается ли это умышленно или нет,и если это делается не умышленно то я прошу содействия и облегчить мне возможность сношения и протолкнуть вне очереди поезда с припасами и предметами снабжения для фронта.Лебедев получил такой ответ,что они просто не желают разговаривать.Тогда я,обдумавший этот вопрос и пользуясь тем,что Волкова я послал

в Иркутск,я решил поручить Волкову организовать отряд здесь в Иркутске и двинуться на Забайкальскую ж.д.для того,чтобы обеспечить провоз наших грузов.Словом создался целый конфликт.В отношении Семенова я тогда издал приказ:4 или 5 дней задерживается связь с Владивостоком,задерживается переброс боевых припасов я считаю это актом предательства по отношению к армии со стороны Семенова и отрешаю его от должности.Это было приказ который знаменовал собой перерыв всяких сношений с Семеновым.На сколко я был прав,трудно сказать,но я рисую Вам ту обстановку и те мотивы,по которым я тогда действовал.В ответ на это не последовало ничего, но иностранные представители,которые тоже были оповещены об этой истории спросили,что я намерен делать.Я сказал,что такие случаи надо решать с оружием,я постараюсь собрать войска и двинуть их для того,чтобы обеспечить Забайкальскую жел.дор.и продвинуть по ней грузы.Насколько мне это удастся я не знал но во всяком случае у меня другого выхода не было,потому что я пытался войти в соглашение но из этого ровно ничего не вышло.Об этом событии стало известно Ноксу и Ланнену,который в этоттремя приехал во Владивосток и был на пути к Омску.Из Читы я получил предложение от генерала подойти к прямому проводу,что я и сделал при чем он сообщил мне,что положение чрезвычайно осложняется в Забайкалье и что,он считает мне долгом сообщить следующее:командующий японской дивизие

..... заявил ,что он не допустит никаких вооруженных действий на к.д. этими линии и что в случае если попробую ввести войска в Забайкалье,тотяпонские войска вынуждены будут выступить против них. Почему это сделали я хорошо не знаю,но он действительно вызывал меня к прямому проводу и сказал ,что он рекомендует мне быть очень осторожным , более спокойным и надеяться ,что этот конфликт может разрешиться благополучным путем, и что решение его вооруженной силой является совершенно невозможным. Тогда я оставил это распоряжение. Японцы сообщили ,что они берут на себя гарантию, что связь будет действовать и что движение на линии к.д. прекращаться не будет. Это мне в тот момент разрешало тотсомнение и то затруднительное положение , в котором я находился в отношении доставки на фронт предметов снабжения, и я подчинился тому положению, разрешить которое с своимисредствами иначе не мог.

А.Н. АЛЕКСЕЕВСКИЙ: Вы значит понимали ,что за Семеновым стоят японцы.

Адм.КОЛЧАК. Раз заявляют ,что они со своими войсками выступят, то я своими вооруженными средствами , что же мог сделать. Я примирился с этим , как с временным явлением, надеясь ,что я со временем разрешу этот вопрос. В это время центр тяжести моей деятельности лежал в Пермской операции и я стремился всеми силами ее обеспечить. И действительно связь после этого восстановилась , грузы хотя с некоторым опозданием , все же были доставлены и с этой стороны подготовительная работа этой операции шла это меня до известной степени устраивало.

А.Н. АЛЕКСЕЕВСКИЙ: А Вашего приказа о лишении Семенова должности вы не отменяли.

205

-я Адм.КОЛЧАК. Нет, не отменял, я отменил его после следственной комиссии, когда Катанаев вернулся и, производя расследование, сказал, что факта и намерения со стороны Семенова прервать и оставлять на фронт не было и что все это было помимо его. Затем все время у меня уходило на работу в Ставке и в заседаниях Экономического Совещания, крупных же делами общегражданского порядка мне почти не приходилось заниматься. Я делал объезд войск Омского гарнизона и убедился в чрезвычайно положительном и сердечном отношении со стороны Омского гарнизона и казаков ко мне, также со стороны офицеров и команд. В середине декабря был случай, который в дальнейшем в значительной степени повлиял на мою работу. 9-го декабря нов. ст. был Георгиевский парад и не имея никогда теплого пальто ходил в солдатской шинели - после парада я объехал войска и в результате, так как я легко был одет, заболел воспалением легких. Почти неделю я держался и продолжал ездить на службу, еще не зная хорошо своей болезни, так как я болеть не мог и должен был продолжать работу, и только 15 го числа, когда я перебрался на квартиру в дом Батюшкина, был консилиум докторов, которые потребовали, чтобы я лег в постель. У меня сделалась запущенная такая форма воспаления легких, так как однажды уже болел воспалением легких, когда был на Востоке. Эта болезнь прервала мою возможность ездить в Штаб, в Совет Министров и т.д., но я все время старался принимать всех, кто имел ко мне нужду и просил только Волынова, что если нет особенно срочных вопросов, то чтобы меня не занимать, что же касается фронта, то я два раза в день принимал доклады Лебедева о положении на фронте, принимал иностранцев, которые ко мне являлись. В некоторых случаях я даже пытался одеваться, выходил и снова ложился в постель. Болезнь моя очень сильно повлияла на события, потому что я в это время

не мог заниматься , я не был вполне в курсе всех дел , мне пришлось прекратить занятия в Экономическом Совещании. Первый мой выход из квартиры был день возобновления деятельности Сената в феврале месяце- я болел шесть недель .

А.Н. АЛЕКСЕЕВСКИЙ: Значит этот период с половины января и до конца февраля управление гражданской стороной государственной жизни лежало на Совет Министров.

Ад.КОЛЧАК: Да , конечно я не мог в это время входить в дела каждого как следовало бы и принимал только экстренные доклады. Единственно ,что я не оставлял , как бы плохо мне ни было, это распоряжений о фронте , за исключением лишь нескольких дней, когда у меня была такая высокая температура, и такие боли, что я дышать не мог.

А.Н. АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Во время Вашей болезни произошло известное выступление в Омске , как Вы отнеслись к нему.

Адм.КОЛЧАК. Приблизительно около 20 -х числах, Дебедев мне сообщил ,что имеется агентурное добытое контр- разведкой сведения, что в Омске готовится выступление ж.д. рабочих на линии ж.д. ,что ожидается забастовка на линии ж.д. т.д. ,что все это идет под лозунгом Советской власти , но он большого значения не придает, что в Омске находится достаточное количество войск ,что гарнизон вполне надежный и вряд ли может быть какое нибудь выступление.

А.Н. АЛЕКСЕЕВСКИй. Никаких особый указаний Вы по этому поводу нет давали. ему.

Адм.КОЛЧАК. Нет , все делалось автоматически. На случай тревоги

раз навсегда было составлено расписание войск, что какие части находятся , город был разбит на районы, все было принято во внимание , никаких неожиданностей быть не могло и мне не приходилось давать указаний. Накануне выступления вечером мне было сообщено Лебедевым по телефону или верное утром следующего дня, что накануне был арестован Штаб большевиков в числе 20 человек , -это было за сутки до выступления . Лебедев сказал " я считаю все это достаточным для того, чтобы все было покончено и выступления не будет ".

Председатель К.А. ПОПОВ. Что он доложил относительно судьбы арестованного Штаба.

Ад.КОЛЧАК. Он сообщил только ,что они арестованы.

Председатель К.А. ПОПОВ. А не сообщал ли он, что на месте были расстреляны.

Адм. КОЛЧАК. Они были расстреляны на второй день после суда.

Председатель К.А. ПОПОВ. Определенно известно из всего делопроизводства и всех данных по г.Омску ,что весь Штаб был расстрелян при самом аресте на месте, часть его успела скрыться.

Ад.КОЛЧАК. Я помню они были растреляны в день восстания.

Председатель: Самый арест был произведен в ту ночь, когда было восстание.

Ад.КОЛЧАК. Никак нет, я знаю ,что они были аретованы по крайней мере за сутки до восстания , так что я думаю ,что это свалено не верно. Я твердо помню ,что арест Штаба был произведен гораздо раньше. В тот день , когда все было совершенно спокойно , так велось донесение , затем последовал день, который никаких решительно больше новостей не принес. Затем ночью в день восстания меня разбудили

208

мой дежурный адъютант , около пяти часов утра заявив мне,что в городе происходят выступления красных ,что занята восставшими тюрьма и освобождены все находящиеся в тюрьме арестованные,но что в самом городе спокойно , пока идет только редкая ружейная стрельба, на окраинах. На вокзале все спокойно . Затем он мне доложил ,что по тревоге войска заняли свои места и по расписанию кот мне должна прибыть сотня казаков.

Председатель: Вы распорядились чтобы Вам была дана охрана.

Адм.КОЛЧАК. Нет , я не распорялся, а согласно расписанию, выработанному командующим войсками ,Матковским и Начальником Штаба, на случай боевой тревоги должна была прибыть ко мне сотня казаков. Он сказал ,что Начальник Штаба еще сообщит подробности по телефону и просит меня не безпокоиться.

А.Н. АЛЕКСЕЕВСКИЙ: Как вы узнали о восстании , какие меры были приняты в течении самого восстания и до его ликвидации.

Адм.КОЛЧАК. Вслед за сим Лебедев сообщил мне по телефону следующее: в городе восстания никакого нет, кроме нападения на тюрьму никаких других действий со стороны повстанцев не было, были отдельные столкновения на окраинах города, но на вокзале все спокойно и благополучно, а что центр тяжести переносится на Куломзино, где повидимому повстанцы концентрируются, где они действуют главными силами , что туда уже отправлены казачьи части пехотная артиллерия и чехи также будто бы действуют. Тогда я был довольно спокоен по поводу ~~худших~~ того ,что в Омске ничего не будет. Затем я спросил, есть ли связь с армией, на что он ответил ,что связь прервана в Куломзина , но что он надеется ,что она скоро будет восстановлена.

Когда рассвело часов около 10 утра я приказал отпустить казаков домой ,потому ,что в городе было совершенно спокойно, мне достаточно было обычного караула и просил приехать Лебедева ко мне. Лебедев прибыл ко мне часов в 11 с докладом, что благодаря аресту этого Штаба , в Омске выступление не удалось,что все переносится в Куломзино ,там идет стрельба, у восставших имеются пулеметы , но артиллерии нет, сейчас должна туда пойдти из города артиллерия и он надеется ликвиди -

209

ровать это восстание. Затем Лебедев мне доложил, что вся тюрьма разбежалась, но что приняты меры, поставлены патруди на все дороги и бежавших удается задержать. Я спросил: "Члены Учредительного Собрания тоже разбежались. Он сказал: "Да разбежались". Затем он мне заявил, что сегодня вечером должен начать функционировать Полевой суд по назначению командующего Войсками и что город об"явлен на осадном положении. Матковский кажется утром тоже бы и тоже доложил, что все спокойно в городе, никаких столкновений нет, что ночью было несколько столкновений небольших, серьезного же ничего не было, что центр тяжести перенесен в Куломзино. Действительно вечером я получил извещение о том, что Куломзино охвачено со всех сторон войсками и что часть мятежников сбежала. Бой был довольно упорный, с нашей стороны есть небольшие потери, но что сейчас в Куломзине все спокойно и сейчас будет восстановлено сообщение с фронтом.

Затем вечером мне было сообщено телеграмма от Гайды о том, нужна ли какая нибудь помощь, двинуть ли войска, что у него чуть ли не готовы к посадке два полка, которые он немедленно, если потребуется, пришлет в Омск. Я ответил: пожалуйста, никого не присылайте с фронта, никаких частей не снимайте, чтобы отнюдь не нарушать плана военных работ, которые ведутся на фронте, что здесь все спокойно и все ликвидировано. Затем мне кажется, что же вечер часов в 9 или 10 примерно я получил совершенно неожиданно для меня записку от Вологодского, который сообщал, что предаются военно-полевому суду все члены Учредительного Собрания, которые никакой связи с восстанием не имели, а просто находились в тюрьме и были освобождены, и что просит моего распоряжения о том, чтобы их суду не предавать. Я потребовал сейчас бланк и написал на нем, что

что члены Учредительного Собрания суду не подлежат и без моего ведома никакому суду их не предавать. Затем меня немножко удивило одно обстоятельство: как мне должно и, что никого из членов Учредительного Собрания нет, что они все разбежались, а потом вдруг они почему то передаются полевому суду. Я конечно не мог быть в курсе дела тогда вообще и только потом я узнал, что они добровольно явились, т.е. часть из них сама пришла. Свою записку я приказал отправить срочно Начальнику гарнизона, потому что полевой суд был при начальнике Гарнизона назначен Матковский. Начальником гарнизона был генерал-майор Брхозовский. Это было уже довольно поздно вечером часов 10-11, и после этого всю ночь меня никто не безпокоил и никаких сведений я не получал. Мне было довольно скверно в это время, меня старались не безпокоить. Затем на утро, часов вероятно около 10 ко мне приехал Вологодский, Тельберг и Старынкович и просили их принять срочно по одному очень важному обстоятельству, и вслед затем мне пришла от Бржозвского записка с перечислением арестованных членов Учред. Собрания, что приказание выполнено и вот список член. Учредит. Собр. находящихся в тюрьме, которые суду полевому не предаются. Меня поразило, что список этот был очень мал, около половины. Затем было указано, где неизвестно, где некоторые находятся. Вологодский меня спросил: "Вы знаете, что часть член. Учр. Собр. вчера вечером расстреляны. Вы получили мою записку." "Да, говорю я и сейчас сделал распоряжение, чтобы их никакому суду не предавать и чтобы без моего разрешения ничего с ними не делать. Так вот я Вам должен сообщить об этом ужасном случае, кто это сделал, по чьему распоряжению, нам пока ничего не известно, но они ночью были кем то расстреляны и их тела найдены где то около Иртыша кажется 8 чел.

211

А.Н.АЛЕКСЕЕВСКИЙ: А что Вы сделали для выяснения этого дела.

Адм.КОЛЧАК: Я призвал дежурного альютанта и приказал ему вызвать к себе Плавного Военного прокурора,полковника Кузнецова.Я попросил их подождать до его прибытия и попросил Вологодского:"Выслушайте Вы,Петр Васильевич,его доклад,мне говорит трудно и затем пусть приступят сейчас же к расследованию кто виновать,по чьему приказанию и при каких обстоятельствах произошло это событие.

А.Н.АЛЕКСЕЕВСКИЙ: Что же дало расследование.

Адм.КОЛЧАК: Я помню коротки разговор и помню какое впечатление на меня произвело это событие,которое я тогда высказал Вологодскому,Тельбергу и Кузнецову.Я говорил,что этот акт направлен персонально против меня с целью дискредитировать мою власть в глазах иностранцев,которые относились ко мне чрезвычайно благожелательно.Затем я не мог не поставить в связь это событие с тем обстоятельством,что за несколько дней предшествующим этим выступлением у меня была депутация представителей социалистическх партий - я с ними конечно,не мог беседовать,но я заставил себя одеться,вышел к ним - они меня приветствовали и сказали,что поскольку я буду держаться того пути,который я высказал в своих речах и декларациях,то я могу расчитывать на их полную поддержку.

В.П.ДЕНИКЕ. Эта депутация не социалистических политических партий,а блок 14-ти,куда вошли социалистическая партия "Единство",кооператоры и т.д.

Адм.КОЛЧАК:Да,именно это.Это было мое первое впечатление и это мне представлялось совершенно безсмысленным и не имеющим связи с этим восстанием тем более,что я Старынкевичу раньше

212

говорил,"чего Вы их держите,у меня в отношении их никаких обвинений,я ничего им не пред,являю,вс это люди/неимеющего никакого общественного значения и держать их в тюрьме,это только занимать место и их свободно можно бы всех отпустить, взяв от них подписку,чтобы они не вели борьбу против меня и жили где угодно,а следствие о них можно вести,не держа их в тюрьме.Старынкович имел ввиду какие то формальности,которые несколько задержали и они должны были быть выпущены,так как п против них со стороны властей военных и гражданских никаких обвинений нешительно не было и такой акт я мог рассматривать скорее с той точки зрения,о которой я говорил,и в ответ на эту депутацию,которая у меня была за несколько дней до этого. Поручивши это дело Кузнецову,я отпустил его.Когда приехал Лебедев на очередной доклад,то оказалось,что для него это тоже было новостью.Он говорил,что их не по суду расстреляли,а их провели в суд,суд их будто-бы не признал подсудными,согласно тому,что они никакого отношения к восстанию не имели,и был приказ отправить их обратно в тюрьму,но по дороге конвоирующи офицерами они были расстреляны.Я спросил,выяснено ли,кто были это конвоирующие офицеры и где они находятся сейчас.Я сказал, что я передал дело Кузнецову и прошу ему оказать всякую помощ для того,чтобы выяснить,кем это было сделано,потому,что очевидно,какие то причины были для того,чтобы это сделать.В дальнейшем более не давая распоряжений, и от Кузнецова через несколько времени я узнал фамилию офицера Борташевского,который конвоировал,привел в полевой суд,что в полевом суду их отказались судить.Тогда было приказано конвоировать обратно и на этом обратном пути они были расстреляны и что будто бы Барташевский мотивировал тот расстрел их попыткой бежать,но я отлично знал,что всегда выставляется эта причина.На вопрос,арестованы ли эти офицеры,он сказал,что Барташевский уехал вместе с частью конвоя и что только один или только два солдата этого конвоя были задержаны и опрошены.Помнится мне,что Кузнецову я говорил,что мне представляется не в Барташевским,я считаю, что это дело глубже,о всех подробностях мне значительно позже докладывали,а это было первое впечатление,какое у меня осталось.Впоследствии Кузнецов и сенатор Писковатов,который произвел расследование

213

мне дали другие сведения. Было ясно, что это только исполнители, но важно узнать по чьему приказанию и с какими целями это было сделано.

Я тогда сказал Кузнецову : "Главная наша задача, это узнать, кто был автором, потому что это идет не от Лебедева - я убежден, что это для него было неожиданностью - не от Матковского таких приказаний исходать не могло, а начальник гарнизона Ржевовский получил мое распоряжение и следовательно к суду никак их придавать не мог, что повидимому произо ла какая-то задержка. Когда было совершение этого акта, я сказать сейчас не могу.

А.Н. АЛЕКСЕЕВСКИЙ : А в дальнейшем вы выяснили какие меры вами были приняты к тем, чтобы были розысканы виновные.

Адм. КОЛЧАК : Все это дело велось военным прокурором, я в это дело не вмешивался, я его периодически спрашивал, в каком положении дело, он говорил, что оно ведется обычным судебным порядком.

А.Н. АЛЕКСЕЕВСКИЙ . К чему пришло все по-судебное следствие.

Адм. КОЛЧАК : Кузнецову так и не удалось выяснить, он выяснил факт и лиц, которые участвовали в этом деле, но выяснить , кем была поставлена эта задача, от кого происходило это распоряжение, установить не удало Тогда я решил передать это дело в руки сенатора специалиста и просил его произвести самое расследование. Это было в феврале месяце, следствие все но столь не совершенное, так медленно тянется, что я считал, что они просто не могут как следует разобраться.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ : Упоминали ли вам фамилию Рубцов .

Адм. КОЛЧАК : Я знаю, что Рубцов принимал какое то участие в исполнен приговора суда.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ : Из делопроизводства Совета министров по поводу этого расстрела и из докладов Кузнецова с совершенной ясностью и определенностью выясняется, что Рубцов, приведши в тюрьму , потребовал меня, Девятого и еще кого-то. Я был болен сыпным тифом, администрация тюрьмы отказалась меня выдать, а сами офицеры не решались очевидно в сыпной барак идти, Девятов был уже уведен тогда, так как они взяли его Девятого и Кириенко. Затем появился Вартанесвский, потребовал меня , Девятого

Кириенко,и на его требование выдан не был,и Рубцов оставил расписку,что он получил Кириенко и Девятого,- об этой записке говорится в докладе Коршунова и Кузнецова.Тем не менее никаких мер по отношению к нему не было принято.

АДМ.КОЛЧАК:Рубцов был в тюрьме для исполнения приговора, кажется,но участия в убийстве членов Учр.Собр.он не принимал.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ:Это по документам:он не исполнял приговора,потому что приговора тогда не было,он явился с определенным требованием трех лиц Девятого,Кириенко,меня,сюда была присоединена находящаяся партия в 45 рабочих,все они в загородной роще были расстреляны,а Барташевский увел остальных.

АДМ.КОЛЧАК:Против Рубцова обвинения в расстреле не было,а было обвинение в отношении Барташевского.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ:Что касается Барташевского,то после того,как Кириенко и Девятов были уведены,он выбрал 8 чел.,не подлежавших военно-полевому суду,и тут же по данным дознания Кузнецова были выданы еще 5 чел.,осужденных к бессрочной каторге.,и они все были расстреляны на берегу Иртыша.Это дело подтвердилось чрезвычайно следственной комиссией.Барташевский почему-то был освобожден,как благонадежный человек,под надзор Красильникова.

АДМ.КОЛЧАК:Ведь неизвестно,где он был.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ:Барташевский сидел два месяца в тюрьме и освобожден,как благонадежное лицо.

Адм.КОЛЧАК:Мне это неизвестно.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ:Как Вы,как Верховный Правитель,считающий это актом,направленным лично против Вас,не поинтересовались судьбою фактического виновника.

Адм.КОЛЧАК:Барташевский бежал,о его аресте мне ничего не известно.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ:Было еще 6 офицеров этого конвоя из отряда Красильникова,фамилии их найдены чрезвычайной следственной комиссией и никто не был арестован.

Адм.КОЛЧАК:Мне сообщили,что Барташевский бежал,против

Рубцова в то время никаких обвинений в убийстве не было,а Кузнецов говорил,что он не расстреливал никого из членов Учредительного Собрания и против него никаких обвинений не было.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ:Девятов и Кириенко им расстреляны,это точно установлено данными Кузнецова.

Адм.КОЛЧАК:Да/это возможно,потому что это единственный материал.

А.Н.АЛЕКСАНДРОВСКИЙ:Сенаторское расследование даже не обнаружило вдохновителей.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ:Знаете ли вы,что Рубцов и Бартеневский ссылались на личное Ваше распоряжение.

Адм.КОЛЧАК:Да,Кузнецов мне об этом докладывал.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ:Разрешите занести в протокол,что Вам это известно было от Кузнецова.

Адм.КОЛЧАК:Я,конечно,таких распоряжений не мог давать.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ:О роли Рубцова Вы ничего не знали.

Адм.КОЛЧАК:Потом на следствии Кузнецова выяснилось,а первые дни выяснилось,что этот акт был выполнен Бартеневским.

В.Н.ДЕНИСОВ:А Вы знали об участии в расстреле данных лиц Рубцова.

Адм.КОЛЧАК:Нет,я считаю,что это дело Бартеневского и что Рубцов в этом расстреле не участвовал.

Потом я узнал,что и Рубцев и Бартышевский фигурируют в этом деле.

В.П.ДЕНИКЕ:Но Вы сейчас изволили сказать,что вы о Рубцеве ничего не знали.

Адм.КОЛЧАК:Я докладывал хронологически,как это дело мне представлялось,а следственный материал мне известен,как и вам.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ:А что Барташевский был арестован вы знаете.

Адм.КОЛЧАК:Нет,я считал,что он скрылся и уехал куда-нибудь на фронт и достать его невозможно.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ:Но в то же время вы говорите,что он пробрался на фронт,как же он мог скрыться.

Адм.КОЛЧАК:Да,в первый день.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ:Вы сказали,что он скрылся и не мог быть допрошен.

Адм.КОЛЧАК:Нет,он был допрошен,а потом скрылся.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ:Почему он не был арестован при допросе.

Адм.КОЛЧАК:Кузнецов мне об этом ничего не говорил.Может быть он сделал такое распоряжение.Вы может быть помните,когда это было.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ:Я с делом Барташевского знакомился в делах Омской тюрьмы.Затем о Барташевском было постановление Чрезвычайной Комиссии о предании его суду,а потом заключение той же комиссии об его освобождении,как человека благонадежного под надзор.Это была комиссия Висковатого.

А.Н.АЛЕКСЕЕВСКИЙ:А вам было известно,к чьему отряду принадлежит Барташевский и Рубцов.

Адм.КОЛЧАК:Да,мне Кузнецов докладывал тогда.Все это следствие было мне доложено.

А.Н.АЛЕКСЕЕВСКИЙ:Раз вы назначили главного военного прокурора для расследования,вы видели в этом преступление,но это преступление должно было в известной степени бросить подозрение и на прямых начальников этих двух лиц,- не возникало ли у вас сомнений по отношению начальников этих двух офицеров.

Адм.КОЛЧАК:Откровенно сказать мне в этот период трудно свспомнить,как возникало подозрение.У меня была высокая температура,я был болен и еле двигался и мне в это время входить в эти

тонкости и разговаривать было трудно.Я тогда говорить не мог, а только выслушивал доклады и мне было очень тяжело вдаваться в такие тонкости.Мое мнение и убеждение было такое,что это был акт,направленный против меня,совершенный такими кругами,которые меня начали обвинять в том,что я вхожу в соглашение с социалистическими группами.Я считал,что это было сделано для дискредитирования моей власти перед иностранцами,и перед теми кругами, которые мне незадолго до этого выражали и обещали помощь.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ:Вы говорите,что Вартанянский был допрошен и после допроса скрылся.Почему не он тогда не был после допроса арестован.Вы спрашивали Кузнецова,почему его не арестовали.

Адм.КОЛЧАК:Может быть и спрашивал,я не помню.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ:Вы не придали значения тому,что он не был арестован.Вы говорите,что не знаете,почему он не был арестован,- вы не поставили в вину Кузнецову это попустительство к явному разбою и убийству.

Адм.КОЛЧАК:Может быть Кузнецов это и сделал,но каким образом он удрал,я не знаю.

В.П.ДЕНИКЕ:Какие личные распоряжения и расследования дела вами делались.Вам делались доклады,мы знаем,что было поручение Кузнецову и Висковатому производить дознание,а кроме этого делались какие-нибудь распоряжения.

Адм.КОЛЧАК:Нет,я это дело передал официальным лицам.

В.П.ДЕНИКЕ:Может быть вы не помните освобождение из-под стражи такого лица,которое прошло в порядке организационной работы и никаких докладов об аресте и освобождении вам не делались.

Адм.КОЛЧАК:Не делались.

В.П.ДЕНИКЕ:Вы не предполагали,что наиболее важные акты этого с ледствия производились с вашей санкции.

Адм.КОЛЧАК:Нет,я не мог взять на себя.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ:Поручивши это дело Чрезвычайной Комиссии,интересовались ли вы его дальнейшим ходом.

Адм.КОЛЧАК:Висковатов мне несколько раз докладывал,когда находил это нужным,Поручивши Висковатому это дело,я совсем о нем забыл,и я был уволен,что больше я ничего не могу сделать.

А.Н.АЛЕКСЕЕВСКИЙ:Вы находили,что этот акт совершен с целью дискредитировать вас,и вы находили,что это исходит от тех кругов,которые не желали вашего сближения с социалистическими течениями .

Адм.КОЛЧАК:Да,я так себе об'яснял.

А.Н.АЛЕКСЕЕВСКИЙ:В числе лиц и групп,которые вас окружали, вы легко могли разобраться,от каких именно групп и лиц это должно было итти.

Адм.КОЛЧАК:Это довольно трудно мне было сказать.

А.Н.АЛЕКСЕЕВСКИЙ:Выражаясь принятой терминологией,крайне правые реакционные элементы были определенно известны.Например, Красильникова вы не могли сменять с Кедрова.

Адм.КОЛЧАК:Обвинять Красильникова,зная его отношение ко мне, я не мог подозревать,чтобы Красильников мог сделать этот акт,направленный против меня

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ:Каких виновников этого расстрела вынесла работа Чрезвычайной Следственной Комиссии.

Адм.КОЛЧАК:Она подтвердила эти два лица,того же Бартошевского и Рубцова,но о лицах выше стоящих Висковатов не мог найти никаких следов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ:Вы судили по докладам Висковатого,а сами с делом не знакомились.

Адм.КОЛЧАК:Нет я считал Бартошевского исполнителем,он меня мало интересовал,а кто был вдохновителем или организатором этого дела,я не знаю.

В.Н.ДЕНИКИН:Может быть у Вас в конце концов сложилось впечатление,почему это дело не осталось раскрытым до конца и истинные виновники не понесли никакой кары.Чем Вы это об'ясните.

Адм.КОЛЧАК:Я об'ясняю,что всем тем судебным аппаратом,кот. был у меня в распоряжении,который по массе аналогичных других дел,котор.я поручал для расследования по вопросам злоупотребления всяких интендантских поставок,я никогда не мог добиться от своего суда и следственной каких-нибудь определенных результатов.

Все время суд и следственная власть задавались широкими задачами распутать и раскрыть данное преступление во всем что об'ем и в конце концов из этого ничего не выходило.Это есть недостаток организации нашей судебной власти.На это жаловался и Кузнецов,что все старается не давать определенных ответов,старается дело затруднить,и к нему он не обращался,ей не мог добиться совершенно определенных и ясных ответов на все те вопросы,которые он ставил.Он сам говорил,что чрезвычайно трудно было это дело расследовать в виду острого противодействия со стороны всех прикосновенных лиц,которых он спрашивал и которые вносили этот вопрос.Целый ряд интендантских вопросов у меня были на фронте и в Омске и в попытке захватить виновных в спекуляции,я всегда был бессилен,раз я обращался к легальной судебной власти.Это была одна из тяжелых сторон Управления,потому что наладить судебный аппарат было совершенно не возможно.Раз я остановился на точку зрения юридическую,оно не давало результатов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ:Почему не был арестован Рубцов Вы тоже не знаете.

Адм.КОЛЧАК:Я не помню,потому что в тот период,когда велось следствие,я передал это дело определенному лицу и не вмешивался в его распоряжения:это дело следствия,а я сам не давал каких-либо распоряжений по этому поводу.Таким образом я мог приказать следователю арестовать то или иное лицо.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ:Известно ли Вам,что при этом убийстве чл.Учр. Собр.были убиты ряд лиц других таким же порядком без суда и следствия,не являющихся членами Учред.Собр.

Адм.КОЛЧАК:Я знал этот список,который мне был представлен, я помню Маевского и Фомине.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ:Расстрелы на Куломзино производились по чьей инициативе.

Адм.КОЛЧАК:По новым судом,кот.был назначен после занятия Куломзино.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ:Обстановка этого суда вам известна и известно ли вам,что по существу никакого суда не было.

220

Адм.КОЛЧАК:Я знал,что это полевой суд,который назначался Н-ком по подавлению восстания.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ:Значит так:собрались три офицера и расстреливали.Велось какое нибудь делорпоизводитво.

Адм.КОЛЧАК:Действовал полевой суд.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ:Полевой суд требует тоже формальное производство.Известно ли Вам,что это производство производилось или Вы сами,как верховное правительство,не интересовались эти.Вы,как верховный повитель,должны были знать,что на самом деле никаких судов не присходило,что сидели два-три офицера,приврдилось по 50 человек расстреливалось.Конечно этих сведений у Васне было.

Адм.КОЛЧАК:Таких сведений у меня не было,я считал,что полевой суд действовал так,как вообще действует полевой суд во время вовстания.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ:Это знал весь город.А после этогоВы узнали .

Адм.КОЛЧАК:Я знаю,что собралсявоенно-полевой суд,кот.разбирал вопрос о причастности тех или иных лиц и когда этот суд собирался,он выносил приговоры.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ:Как Вы себе представляете приговоры,как применялись эти военные суды.

Адм.КОЛЧАК:Если повстанцы были захвачены с оружием в руках, то они подлежат полевому суду.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ:Значит написано,что такие то и такие то лица принадлежат военно-полевому суду.Вам докладывали об этом делопроизводство,существует ли оно,сохраниловь ли оно где нибудь.

Адм.КОЛЧАК:Я его не спрашивал.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ:Вы не интересовались.

Адм.КОЛЧАК:В первый период я не мог интересоваться.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ:А сколько человек было растреляно в Куломзине.

Адм.КОЛЧАК:Человек 70 или 80.

В.П.ДЕНИКЕ:А не было ли Вам известно,что в Куломзине практиковалась массовая порка.

Адм.КОЛЧАК:Про порку я ничего не знал,и вообще я всегда запрещал какие бы то ниле телесные наказания,следовательно я не мог даже подразумевать,что порка могла где нибудь существовать,а там,где мне это становилось известным,я предавал суду смещал,т.е.действовал карательным образом.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ:Известно ли Вам,что лица,за кот.арестовывались в связи с восстанием в декабри,впоследствии подвергались истязаниям в контр-развидке,и какой характер носили эти истязания что принималось военными властями и вами Верховным Правителем,против этих истязаний.

Адм.КОЛЧАК:Мне никто этого не докладывал и я считаю,что их не было.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ:Я сам видел людей отправленных в Александровскую тюрьму,кот.были буквально сплош покрыты ранами и истерзаны шомполами,это Вам известно.

Адм.КОЛЧАК:Нет,мне ни когда не докладывали,если такие вещи делались известным,то виновные наказывались.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ:Известно ли Вам,что это делалось при ставке Верховного Главнокомандующего Адмирала Колчака при контр-разведке на ставке.

Адм.КОЛЧАК:Нет,я не могу этого знать,потому что ставка не могла этого делать.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ:Это производилось при контр-разведки в Ставке

Адм.КОЛЧАК:Очевидно,что люди,кот.совершали это,не могли мне докладывать,потомучто они знали,что я все время стоял на законной почве.Если делались такие преступления,я не мог о них знать.Вы говорите,что при ставке это делалось.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ:Я считаю что это было производство такое же, какое полагается в военно-полевом суде.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ:В Куломзине фактически было растреляно около 500 чел.расстреливали целыми группами по 50-60 чел.кроме того фактически в Куломзине никакого боя не было,ибо рабочие только вооруженные стали выходить на улицу,они хватались

и расстреливались,- вот в чем состояло восстание в Куломзине.

Адм.КОЛЧАК:Эта точка зрения является для меня новой,потомуч что были раненые и убитые в моих войсках и были убиты даже чехи/семьям которых я выдавал пособия.Как же вы говорите,что не были бои.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ:Бои не были,может быть были какие нибудь стычки.

Адм.КОЛЧАК:То,что Вы сообщаете,было мне не известно.Я лично там не мог быть,но я верю тому,что мне докладывалось,мне не подкладывался список убитых и раненых.Эта точка зрения является для меня совершенно новой.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ:Это не точка зрения,а это факт.

Адм.КОЛЧАК:Вы были там.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ:Нет,я сидел в тюрьме и не был там точно также,как и Вы,но я говорю со слов участника этого дела.

Адм.КОЛЧАК:мне говорили,что в Куломзине за весь день боя было 250 чел.потери,а в правительственных войсках было чел. 20 убитых и раненых,кроме того 3-4 чеха,сколько убитых в правительственных войсках,я не помню.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ:Значит вообще,помимо случаев в связи с восстанием избиение шпионами и пытками в Омской контр-разведке не существовало.

Адм.КОЛЧАК:Нет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ:Неизвестен ли Вам тако й случай,когда один из расстрелянных по делу II коммунистов дал свои показания о том,что он является членом комитета партии коммунистов только потому,что он подвергался пыткам путем выворачивания рук и суставов вытягивания ни дыбо и т.д.

Адм.КОЛЧАК:Нет,я в первый раз слышу.

В.П.ДЕНИКИН:А относительно того,что полевого суда никакого не было,а протоколы суда составлялись уже после расстрела, нам показывал никто иной,как Сыромятников.

Адм.КОЛЧАК:Сыромятников у меня не бывал с докладами,у меня бывал один только Висковатов,котор.мне говорил,что часть приговоров не Куломзинского,а Омского.Полевого Суда была сде-

лана заочно.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.В Омской тюрьме сидело 5 чел.Кулемаинских рабочих, заочно приговоренных к смертной казни.

Адм.КОЛЧАК. Что-же их потом расстреляли.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Они сидели еще потом несколько месяцев,когда я ушел они еще остались, в конце концов они небыли расстреляны, но они этого все еще не знали и таким образом они сидели несколько месяцев под страхом смертной казни. Теперь может быть в связи с этим Вам была известна деятельность Розанова в Красноярске в качестве Вашего Уполномоченного.

Адм.КОЛЧАК. Мне известен один прием, который я ему запретил это расстреливание заложников за убийство на линии кого либо из чинов охраны, что он брал этих людей из тюрьмы.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вы запретили,а не предали Суду за это убийство

Адм.КОЛЧАК. Нет, поте у что я считал, что , в сущности говор что есть известный пункт, кот. по чрезвычайным обстоятельствам дает каждому начальнику праве, не прибегать к такому приему как заложничеству, я считал не допустимым, я считал, что ответственность лиц, не причастных к делу, не допустимо, об этом я говорил с Министром Юстиции. Тельбергом, было отправлено через Тельберга распоряжение заложников не расстреливать.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ЧУДНОВСКИЙ. В каком месяце это было.

Адм.КОЛЧАК. Я думаю, в апреле или в марте.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ЧУДНОВСКИЙ. Разрешите напомнить о том, что в мае и июне расстреливали целую партию.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ПОПОВ. В Омскую тюрьму в начале июня прибыл Стри.....Васильев был расстрелян совершенно не законно, и он говорил нам в тюрьме, что в Красноярский институт заложников действовал до самого последнего дня. Он говорил, что не один вновь арестованный не доводился до тюрьмы и расстреливался не дорогое это во первых, во вторых когда он был в тюрьме, то до самого дня заложники расстреливались пачками по 8-10 чел.

Адм.КОЛЧАК. В качестве чего были эти заложники.

224

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ : Вероятно по поводу какого-нибудь убийства и т.д., за убийство чеха или кого нибудь другого.

В.Н. ДЕЛЬВИГ. Это известно из официальных источников в Красноярске, что за убийство чеха расстреливались по 8-10 чел.

А.Н. Алексеевский : В связи с этими мерами репрессий по нашей инициативе Совет министров принял два постановления , кот. отмечены 16 и 18 апреля 1919 г. № 47,48 и 52 секретных заседаний совета : Мы предложили совету обсудить вопрос о расширении прав командующих войсками в том смысле, что за преступления, кот. раньше не наказывались смертной казнью было повинно наказание до смертной казни.

Адм. КОЛЧАК . Да, такие были распоряжения.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ : Известно ли вам, что Розанов давал распоряжения о сжигании сел и деревень для подавления якобы восстания, при обнаружении оружия и т.п.

Адм. КОЛЧАК : Я не думаю, чтобы Розанов такие распоряжения давал, потому что по этому поводу есть те телеграммы, которые я посылал Артемьеву и Розанову, кот. имеются даже в газете в виде приказа Артемьеву, где я дал общие указания, как поступать в этих случаях борьбы с восстанием, где я указывал, что в случае, если жители будут замешаны в том или ином деле, на них накладывается денежный штраф, а затем конфискация имущества и земель в пользу тех кто подавляет восстание. Это указание мое, кот. было сделано конечно не указывало, как общую меру сжигания деревень, но я считаю, что во время боев и подавления восстания такая мера необходима и приходится прибегать к этому способу. Эта мера конечно не может быть применена в виде распоряжений, а только как мера во время столкновения, во время боя за деревню и весьма возможно, что деревня это сжигается, но чтобы Розанов или Артемьев давали такие распоряжения, я не думаю; потому что есть распоряжение, кот. делал Артемьев, где сжиганий нет. В случае бегства заложников сжигание его дома могло бы быть сделано, не только в отдельных случаях, но не как общая мера. У вас вероятно есть данные о том, что Розанов давал такие приказания.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ : Да, показание Сыромятникова.

Адм. КОЛЧАК : Сколько мне известно из доклада того же Розанова, я знаю два или три таких случая, где деревни были сожжены, и я признал это правильным, потому что эти случаи относились к деревне Степно-Баджейской, кот. была сожжена повстанцами, это была укрепленная база повстанцев, следовательно она могла быть разрушена и уничтожена, как всякое укрепление. Второй случай - Нижнее и третий случай -Тасеево, где то на с евере

225

я точно не могу сказать, но эти случаи, как мне представляется, носили военный характер, потому что это были укрепленные пункты, кот. уничтожались в бою, эта была повстанцев, и если база была взята, то она должна быть уничтожена, для того чтобы ею не могли воспользоваться в последствии.

А.Н. АЛЕКСЕЕВСКИЙ : Можно было оставить гарнизон.

Адм. КОЛЧАК : Деревня Степно-Баджейская была сожжена самими повстанцами, Тасеево был укрепленный пункт, кот. во время войны может быть уничтожен. Я должен сказать, что такие случаи на большом западном фронте были очень редки, там тоже были 2-3 случая, когда деревни были сожжены в боях. Я недавно беседовал с одним из членов революционного комитета, он меня спрашивал, известно ли мне зверства, кот. проделывались остальными частями. Я сказал, что в виде общего правила это мне не известно, но в отдельных случаях я допускаю. Далее он мне говорит:" Когда я в одну деревню пришел с повстанцами, я нашел несколько человек у которых были отрезаны уши и носы вашими войсками.." Я ответил: "Я наверно такого случая не знаю, но допускаю, что такой случай был возможен.." Он продолжает :"Я на это реагировал так, что одному из пленны я отрубил ногу, привязал ее к нему веревкой и пустил его к вам в виде - око за око, зуб за зуб - ". На это я ему только сказать мог : "Следующи раз весьма возможно, что если люди, увидав своего человека с отрубленной ногой, сожгут и вырежут деревню. Это обычно в войне и брьбе так делается.